

Эвелина Пиженко

*Когда
осенние
печали*

Часть первая

Роман из серии "Ты услышишь мой голос". Действие романа начинается в теперь уже далёкие 80-е. Студентки института иностранных языков приезжают в колхоз, на уборку картофеля. Деревенский клуб, танцы, любовный треугольник. Далее действие переносится в город. Главные героини — студентки Анюта и Александра, дочь начальника УВД, курсант военного училища Саша и сын работника обкома партии Виталий. Судьбы героев переплетаются самым затейливым образом. Можно ли построить счастливую семейную жизнь на обмане, можно ли заменить искренние чувства на материальное благополучие — извечные вопросы, ответы на которые знает каждый... Но жизнь иногда преподносит неожиданные сюрпризы... Ошибки молодости, которые кажутся забытыми, вдруг всплывают в самый неподходящий момент, грозя разрушить то, что строилось всю жизнь. В романе читатели смогут проследить судьбу героев от юности до зрелости. Первая часть — начало их самостоятельного жизненного пути.

Эвелина Пиженко.

КОГДА ОСЕННИЕ ПЕЧАЛИ. Роман.

Когда осенние печали нахлынут роем листопадным,
Сгорят прощальные закаты и станут птицы на крыло,
Себе удел предназначая, короткой полночью прохладной
Уйду в безоблачное "завтра", и буду жить — всему назло.
Когда последние печали спадут, как бранные одежды,
Устанет крик прощальный птицы в осеннем воздухе кружить,
У недопитой чашки чая тетрадку положу, как прежде,
Открою чистую страницу, и буду жить... и буду жить.
Назло всему, что "слишком поздно", назло всему, что "слишком страшно",
Назло диагнозам и датам из недописанной строки...
И пусть никто не заподозрит, как снова манит день вчерашний
В тот мир, где было всё когда-то «во имя», а не "вопреки".

Глава 1.

— Аля!.. Просыпайся! — Вероника Григорьевна осторожно тронула плечо спящей дочери, — Слышишь?.. А-а-а-л-я-а-а...

Никак не реагируя на попытки матери разбудить, девушка продолжала безмятежно спать. Нахмурившись, женщина решительно откинула пуховое, в белом пододеяльнике, одеяло, и потормошила дочь более чувствительно.

— М-м-м... — сонно промычала девушка, пытаясь рукой нащупать край одеяла, но мать резким движением сбросила его на пол.

— Аля, вставай! Через час придёт машина, будет нехорошо, если водителю придётся тебя ждать!

— На то он и водитель... — дочь перевернулась на другой бок, рассыпав по подушке тёмно-каштановые локоны, — Ну, кто придумал эту чёртову картошку?!

— Не мы придумали, не нам отменять, — Вероника Григорьевна запахнула на груди разъехавшиеся полы цветного импортного халата, — это участь всех студентов.

— Ну, и что я там буду делать?

— Собирать картошку, — мать подошла к окну и раздёрнула плотные кремовые

портьеры, — Аля, не заговаривай мне зубы, а вставай!

— Мама, я сколько раз просила тебя, не называй меня этим дурацким именем! — девушка всё же нехотя села в кровати и свесила вниз загорелые ноги, — Я же просила!

— А что тебе не нравится? — мать изобразила удивление на ухоженном, красивом даже без макияжа лице, — Ты была против того, чтобы мы называли тебя Шурой, мы не стали тебя так звать! Сашей ты тоже быть не хочешь! Остаётся только Аля.

— Стоило называть меня Александрой, чтобы звать Алей... — девушка презрительно сморщилась, — С таким же успехом могли назвать меня Алевтиной или Альбиной. Это хоть женские имена.

— Тебя назвали в честь... — Вероника не успела договорить, как дочь заученно повторила конец фразы:

— Бабушки Шуры! Мама, я это знаю, и, в общем, ничего против не имею. Только не зовите меня этим дурацким именем!

— Знаешь что, — заметно потеряв терпение, мать схватила со спинки стула халат дочери и буквально всучила его ей в руки, — мне твои капризы уже надоели! И ты прекрасно знаешь, что так, как хочешь ты, я называть тебя не буду! И папа не будет, и Олегу запрещу!

— Ну, почему?! — окончательно проснувшись, дочь возмущённо смотрела на мать, — Чем тебе не нравится Сандра?!

— Тем, что это не наше, не советское имя!

— Мам, ты дура? При чём тут — советское, не советское... А Луизка?! Та, что в параллельном училась?! Это, по-твоему, советское имя?! А Эвелина?!

— Твоя Луизка наполовину негритянка! Её как хочешь можно называть, всё спишется... А Эвелина — дочь простых рабочих! Поэтому ей тоже всё спишется!

— Как хорошо быть дочерью простых рабочих! — Александра нервно всплеснула руками, — Любое имя носи, никто не придерётся!

— Да! — мать в сердцах притопнула ногой, — Простым людям можно всё! А ты дочь не простых людей, поэтому должна делать всё с оглядкой! Отец не для того столько лет шёл к нынешней должности, чтобы его кто-то мог попрекнуть!

— Фу... — девушка недоверчиво скривилась, — Мама... что за дурость?! Кто его должен попрекнуть моим именем?!

— Да кто угодно! Он теперь — начальник управления внутренних дел, член партии, и должен каждый свой шаг контролировать!

— Вот пусть он свои шаги и контролирует! — надев халат, Аля шагнула к двери, — А мои — нечего! Я — в ванную!

Аня ещё раз критически осмотрела содержимое чемодана. Поступая в институт, она, конечно, была в курсе, что в начале сентября вместе с другими первокурсниками отправится в ближайший колхоз на сбор урожая картофеля, но, пока это мероприятие было в перспективе, она совершенно не задумывалась, какие вещи нужно брать с собой. Теперь же, когда до посадки в автобус оставалось всего сорок минут, она лихорадочно соображала, что ещё может пригодиться в селе.

— Слушай, Нель, — задумчиво рассматривая пару лакированных туфелек на высоком каблуке, девушка обратилась к своей соседке по комнате, — как думаешь, туфли брать?

— Туфли? — та удивленно округлила и без того огромные голубые глаза, — А ты в чём ехать собираешься?

— Ну, не знаю... — Аня неуверенно пожала плечиком, — В кедах, наверное.

— В кедах?! — Нелли скептически поджала красивые губы, — Да ну... Что мы, совсем деревня? Ты как хочешь, но я поеду как обычно — в туфлях и плаще. Остальное в чемодане.

— Да?.. — подумав с минуту, Аня решительно уложила приготовленное спортивное трико в чемодан и, достав оттуда юбку, блузку и капроновую, с люрексом, косынку, начала одеваться.

Девятиэтажное здание общежития института иностранных языков было снабжено несколькими лифтами — по одному в каждом крыле, но, по каким-то причинам, именно сегодня ни один из них не работал, поэтому спускаться девушкам пришлось пешком, волоча в руках тяжёлые чемоданы.

Выйдя на задний двор, они присоединились к своим одноклассникам, подавляющее большинство которых было женского пола. Первокурсницы робко жались друг к другу, и в ожидании автобуса с интересом поглядывали на более старших студентов.

Какой-то парень, в тёмно-синих «техасах» и чёрной кожаной куртке, прогуливался вдоль рядов будущих преподавателей французского и немецкого, а так же переводчиков, держа руки в карманах и явно выискивая жертву для упражнений в острословии.

— О! — подойдя к девушкам, среди которых были Аня с Нелли, он насмешливо уставился на подруг, — Сразу видно, первый курс!

— А ты что, такой догадливый? — не любительница молчать, Нелька тоже засунула руки в карманы модного плаща и чуть отставила в сторону ножку в изящной туфельке, — Или у нас на лбу написано?

— Написано! — парень довольно рассмеялся, — Знаете поговорку — первокурсник не студент!

— А мы и не студенты, — Аня насмешливо прищурила красивые синие глаза, — мы — студентки!

— Была бы ты студенткой, то стояла бы сейчас в спортивках и кедах...

— Ещё чего, — Нелька демонстративно поправила на шее воздушный шарфик, — это на поле в спортивках и кедах, а тут пока ещё не поле.

— Это по селу ходить — спортивки и кеды, — парень усмехнулся, — а на поле нужны резиновые сапоги. Сапоги взяли?

— Ещё чего... — от Ани не утаился заинтересованный взгляд симпатичного собеседника, и она кокетливо улыбнулась, — Может, ещё и валенки с галошами прихватить?

— Может, — тот охотно кивнул, — потому, что через три недели возможны заморозки, что тогда делать будете? Кстати, ехать придётся пять часов...

— Сколько?! — Аня тут же недоверчиво нахмурилась, — Пять?!

— Это, если дождя не будет, — парень явно получал удовольствие от замешательства, в которое привёл девушку, — а, если там дожди прошли, то все семь по грунтовой дороге. Смотрите, чтобы каблуки не поломались, когда на ухабах подпрыгивать будете до потолка!

— Слушай, Нель... — Аня озабоченно посмотрела на подругу, — может, переобуемся?

— Вот ещё! — Нелли по-боевому передёрнула плечиками, — Не дрейфь, говорят, в нашей группе дочь какой-то милицейской шишки будет учиться, так что автобус подадут самый комфортабельный!

— Кто?! — услышав её речь, парень весело вытаращил глаза, — Дочь милицейской шишки?!

— Угу, — Нелька довольно кивнула, — начальника милиции, что ли... Точно не знаю, но, кажется, так.

— Вы не местные? — парень снисходительно улыбался, — Хотя, и так видно...

— Если видно, чего спрашиваешь? — Нелька не оставляла игриво-дерзкого тона, — Не местные, и что?

— Сразу видно. Если рассчитываете, что ваша шишкина дочка поедет с вами одним автобусом, то ошибаетесь. Скорее всего, её отвезут на служебном транспорте папеньки. Так что на «Икарус» не рассчитываем!

— А ты... — Аня подняла на собеседника глаза, — Ты сам-то едешь? Или так, развлекаешься просто?

Она не хотела признаваться в этом самой себе, но парень понравился ей сразу. Высокий, крепкого телосложения, он был темноволосым, с серыми, пронизательными глазами, и чем-то напоминал её отца, умершего год назад от тяжёлой болезни. И, так же, как отец, обладал свойством сразу же располагать к себе. Правда, насмешливые манеры молодого человека были совсем не по душе Ане, но она подумала, что это всего лишь маска, за которой может скрываться вполне серьёзная натура... Во всяком случае, ей хотелось думать именно так.

Виталий, так звали парня, был абсолютно прав: подъехавший через несколько минут автобус оказался вовсе не комфортабельным «Икарусом», а обыкновенным ПАЗиком, резиновым мячиком подпрыгивающим на каждой кочке.

Уже на втором часу езды Аня поняла, что зря не обула кеды — ногам в туфлях было неудобно, ступни начинали болеть, но разуться девушка не решалась: во-первых, пол автобуса был довольно грязным, а, во-вторых, ноги начали откровенно замерзать. Она уже всерьёз подумывала о том, чтобы, пробравшись к сложенным в конце салона чемоданам, отыскать свой и достать из него другую обувь и тёплые носки, но, оглянувшись, поняла, что это пустая затея: чемоданов и сумок было столько же, сколько пассажиров в полном автобусе, и найти свою поклажу среди горы багажа, в тесноте, было просто нереально. Решив терпеть изо всех сил, Аня прислонилась к окну и закрыла глаза, но тряска была такой сильной, что сидеть в этой позе было невозможно: голова то и дело билась о стекло. Девушка попыталась уснуть, откинувшись на низкую спинку жёсткого кресла, и ей это почти удалось.

Очнулась она от сильного толчка — подпрыгнув на очередной кочке, автобус въехал в глинистое месиво и, потужившись, встал как вкопанный. Выглянув в окно, Аня с неудовольствием увидела, что они стоят в мутной, тягучей жиже, увязнув в ней всеми колёсами.

— Так, молодёжь, — водитель выглянул из-за цветастой шторки, отделяющей салон от водительского места, — быстренько вываливаемся. Кто посильнее — толкать будете!

— Ни-фи-га-се-бе... — застыв у открывшейся двери, одна из студенток присвистнула, — Как тут вылезать-то?! Грязь по колено!

— Не знаю, — водитель развёл руками, — но, если не вылезете, автобус не вытолкнут.

Выглянув в лобовое стекло, Аня увидела, что идущие впереди автобусы с другими студентами тоже остановились, и несколько парней уже спешат на помощь застрявшим в коварной грязи девчонкам.

Предусмотрительно обутые в резиновые сапоги студентки без особого труда добрались

до обочины, ойкая при каждом погружении ног в вязкое месиво. Через пару минут в автобусе осталось всего несколько девушек, которые, как и Аня с Нелли, легкомысленно отнеслись к своей экипировке, решив щегольнуть парадно-выходной обувью. Поглядывая на водителя, нетерпеливо ожидавшего, когда они освободят салон, девчонки нерешительно толпились у подножки..

— Помощь нужна? — неожиданно заглянувший в двери Виталий обвёл насмешливым взглядом разодетых не по случаю студенток.

— Нужна, — Нелька решительно опустила на нижнюю ступеньку, — может, доски есть какие? Бросил бы...

— Досок нет, — парень протянул к ней руки, — но могу перенести.

Оставшихся в автобусе девчонок было четверо, и парень по очереди перенёс их на обочину — благо до неё было всего два шага. Когда очередь дошла до Ани, она нерешительно взялась за плечи «спасителя», подхватившего её, как ребёнка. Оказавшись на твёрдой почве, она вдруг бросила взгляд на его ноги — сам Виталий теперь тоже был обут в резиновые сапоги, которые из чёрных превратились в серо-коричневые. Справившись с одной задачей, он тут же отправился на помощь к остальным парням, дружно взявшимся выталкивать автобус из грязи.

Аня невольно наблюдала за ним — судя по всему, Виталий учился на старшем курсе, и поездки на картошку были для него привычным делом. Единственное, чего она не могла понять, в каком из трёх автобусов он ехал. Два других ПАЗика ушли вперёд, но Виталий появился вовсе не оттуда...

Она почему-то совершенно не обратила внимания на чёрную «Волгу», остановившуюся неподалёку от коварного места.

Когда автобус наконец-то выбрался из злополучной ямы, все его пассажиры дружно ринулись назад — занимать свои места. Оставшись всё в той же «компании», Аня с Нелли нерешительно топтались на месте, поглядывая по сторонам — их лакированные туфельки на высоких каблуках явно не могли пройти новое испытание — несмотря на то, что автобус выехал на небольшой пригорок и почти прижался к обочине, расстояние между ступенькой и твёрдой землёй, на которой стояли девчонки, было намного больше ширины их шага...

Аня была так увлечена изучением ландшафта под собственными ногами, что даже не заметила, как пропавший куда-то Виталий снова появился возле автобуса, но уже не один, а с девушкой лет семнадцати-восемнадцати, такой же, как и он, сероглазой, с затянутыми на затылке в хвост тёмно-каштановыми волосами, одетой в импортный спортивный костюм, спортивную кепку и импортные же резиновые сапожки непривычного зелёного цвета. Девушка брезгливо переставляла ноги, высоко поднимая колени и стараясь шагнуть как можно дальше, чтобы быстрее пересечь противную грязь.

Подсадив девушку в салон, Виталий вопросительно обернулся к сиротливо стоящей на обочине четвёрке. Бодро сияющее с утра солнце теперь было скрыто за невесть откуда взявшимися тучами, и сентябрьский воздух стал намного прохладнее.

— Ну, чего стоишь? — продрогшая от налетевшего ветра Нелька смотрела вызывающе, — Как забирал, так и возвращай!

Всё с той же лёгкой улыбкой парень помог перебраться всем четверым девушкам в автобус, но сам садиться не торопился. Остановившись у раскрытых дверей, он глазами отыскал свою «импортную» попутчицу и помахал ей рукой.

— Виталик, мы так не договаривались! — догадавшись, что он не собирается ехать

дальше, та возмущённо округлила глаза, — Ты обещал меня проводить до самого конца!

— А кто из нас проспорил, я или ты? — Виталий дразняще прищёлкнул языком, — Ты проспорила, и поэтому я возвращаюсь! Легковушка дальше всё равно не проедет, а ты езжай с девочками.

— Так не честно!

— Всё честно, Сандра! Я свою роль сыграл, теперь — твоя очередь!

Молодые люди переговаривались, совершенно не заботясь о том, что их слышат и видят, по меньшей мере, двадцать пар любопытных глаз и ушей. Удивляло и то, что водитель автобуса не торопил эту парочку, а терпеливо ждал, когда они наговорятся.

— Когда ты ко мне приедешь?! — Аля, а это была именно она, капризно надула губы, — Виталия...

— Да приеду, приеду... — неожиданно парень легко запрыгнул на верхнюю ступеньку и, подойдя к Александре, поцеловал её в губы, совершенно не стесняясь присутствующих, — Ну, всё, котёнок... Меня водитель ждёт.

Усевшись на своё место, Аня с любопытством оглянулась в заднее окно: сквозь заляпанное грязью стекло было видно, что чёрная «Волга» всё ещё стоит на обочине позади автобуса. Судя по всему, Виталий с девушкой, которую он назвал Сандрой, всё это время ехали именно в ней. Но дальше легковой автомобиль вряд ли смог бы проехать, поэтому Сандра и пересела в автобус.

— Наверное, это и есть папенькина дочка, — прошептала Нелька на ухо Ане, — до грязи на «Волге» везли, а дальше, как и всех, на скотовозе...

Не обращая ни на кого внимания, Аля достала из большого полиэтиленового пакета с изображением Джоконды портативный магнитофон и, проверив наличие батареек, щёлкнула клавишей — Фрида с Агнетой сразу заворожили слух шикарным двухголосием.

Обалдевшие от любимой музыки девчонки невольно притихли. Анюта даже забыла о том, что у неё жутко замёрзли ноги... Но не музыка была тому виной.

Образ сероглазого парня в кожаной куртке не шёл из головы... Она как будто снова ощутила прикосновения его рук — даже поверх плаща они обожгли тело, когда Виталий переносил её из автобуса на обочину...

«А как же Вадик?.. — она вдруг вспомнила об оставленном в родном городе однокласснике, но его образ тут же превратился в образ Виталия, — Да ну его!»

Оказавшись впервые в жизни вдалеке от дома и родных, Аля с трудом привыкала к новому окружению. Привыкание происходило в «картофельно-полевых» условиях, что только усугубляло ситуацию. Студентки института иностранных языков, с которыми ей предстояло учиться в ближайшие пять лет, судя по всему, были разномастными по «происхождению» — среди девчонок её курса оказались и дочери заведующих торговыми базами, и директоров школ, и партийных работников, но всё равно, от них так и несло деревенщиной, во всяком случае, Але казалось именно так. Все её оставшиеся в городе друзья, именуемые в простонародье, как «золотая молодёжь», были другого, более высокого уровня. Правда, сама она не так давно вращалась в их кругу — всего около двух лет, с тех пор, как её отец получил должность начальника управления внутренних дел.

С того дня в её жизни произошли перемены, но совсем не те, которых она ожидала. Да, их семья получила новую квартиру, отец стал вхож в святая святых — административные и партийные кулуары... Но, в то же самое время, помешанный на гражданском сознании,

Семён Ильич Дзюба буквально затерроризировал своих домашних по поводу их поведения в быту и общественных местах, свято веря, что теперь они не имеют права ни на какие человеческие слабости, присущие простым смертным, коими они теперь не являются, благодаря его новой должности и чину. В связи с этим он категорически отказался помогать дочери поступать в вуз, отправив её на экзамены в общем порядке. Александра в институт поступила, но на отца затаила обиду.

Мог бы и помочь! Всем помогают родители, вот и Виталику, с которым она встречалась уже целый год, не стоило никаких трудов поступить на факультет экономики университета — одна фамилия его отца, заведующего одним из отделов обкома партии Ивана Мясникова, открыла перед парнем все двери в их областном городе. То-то он такой довольный...

Не поленился сегодня на спор приехать в пункт отправки и, прикинувшись студентом иняза, понаблюдать, как живёт простое студенчество, или, вернее, собирается на эту чёртову картошку!

Виталик любит такие штучки. Ему бы в театральное поступить... Но для этого ему пришлось бы уехать в Москву...

Смогла бы она, Александра, пережить разлуку?

Прикидывая и так, и этак, Аля склонялась к мысли, что не может ответить на этот вопрос с абсолютной точностью. Виталик нравился ей ещё со школы... он окончил её на два года раньше Али... А год назад они начали встречаться.

Тут он проявил себя, как настоящий агрессор... Але то и дело приходилось увиливать от откровенных сексуальных намерений своего парня, которые тот даже не скрывал. Но сама Аля не торопилась вступать с ним в отношения.

А, вдруг, он её бросит?

Нет... почему-то у неё пока нет такого желания. Пусть потерпит мальчик... Сильнее будет любить!

А, может, дело не в желании... Просто не любит она его по-настоящему? Нравиться-то он нравится... А вот любовь ли это?

И отца она боится... Если что, тот точно убьёт. Не раз уже намекал, что не позволит никому порочить его репутацию, даже родной дочери! Смешно, но он гордится тем, что носит такое же отчество, что и генсек — Ильич...

...Увлечённая своими мыслями, Аля не заметила, как начистила целый таз картошки. Сегодня была её очередь дежурить по кухне. Впрочем, кухня — это слишком сильно сказано!

За неимением других помещений, приехавших на картошку студенток разместили в сельском клубе, отдав им большой, по деревенским меркам, танцевальный зал и оборудовав его взятыми на складе раскладушками. Вынужденные теперь ходить на танцы в соседнее село местные парни, заручившись нехилым самогонным градусом, регулярно огребали у соседей за нетрезвое влечение к тамошним представительницам прекрасного пола, а заодно и от сбегавших в самоволку курсантов военного училища, расположившихся всё в том же соседнем селе в качестве бесплатной боевой силы на борьбе с картофельным урожаем.

Не выдержав таких притеснений, несколько дней назад, двое представителей местной «элиты» в лице двух вечно нетрезвых двадцатипятилетних братьев, пытались штурмом взять свой родной клуб, для чего вышибали двери и окна, пока приехавший наряд милиции не потушил все их неблагородные порывы.

Подмогу вызывала перепуганная Аля — имеющийся в клубе телефон сыграл на руку студенткам. Наверное, она испугалась тогда больше всех... Пока остальные студентки бойко

переругивались с неожиданными «захватчиками» через закрытые двери, Аля лихорадочно прикидывала, куда можно будет спрятаться, если пьяные парни всё же ворвутся в помещение. Её кое-как успокоила девушка, чья раскладушка стояла рядом — Аня... кажется, Свиридова. Пожалуй, из всех остальных она — самая подходящая на роль подружки, хотя бы временной.

Во всяком случае, пока не приедет Виталий. А он приедет... он всегда выполняет свои обещания.

— Здрасьте... — неожиданно в помещение заглянул симпатичный высокий парень в военной форме, — Мне сказали, что у вас тут телефон есть...

— Угу, — нехотя кивнув, Аля вытащила из тумбочки спрятанный туда аппарат и, потянув за шнур, подала парню, — правда, нам не разрешают давать пользоваться посторонним...

— Я спросил у директора клуба, он сказал, что можно, — тот снял трубку и несколько раз покрутил диск, — Алло!.. Товарищ майор?.. Это курсант Морозов...

Глава 2.

Врождённый аристократизм всегда сбивал с толку людей, впервые увидевших Анюту Свиридову. Семнадцатилетняя девушка своими почти королевскими манерами и королевской же осанкой вызывала предположение о принадлежности по меньшей мере к какому-нибудь княжескому роду. Возможно, так оно и было, но родители тщательно скрывали от своей единственной дочери истинное происхождение своих предков. Впрочем, для советской девушки, отличницы и комсорга класса это самое происхождение не имело никакого значения. Её мать и отец были глубоко интеллигентными людьми, учителями по профессии, привившими Анечке с детства правила хорошего тона, усидчивость и непобедимое усердие. Их труды не пропали даром: школу Анюта окончила с золотой медалью, и с первой попытки поступила в институт иностранных языков.

Для этого ей пришлось покинуть родной город и уехать за пятьсот километров, в соседнюю область.

Природа не обделила Аню внешностью — девушка была на удивление красивой, с правильными чертами чуть удлинённого, с высокими скулами, лица: тонкий нос, чувственные губы, матовая кожа и большие глаза абсолютно синего цвета под трепетными, длинными ресницами. Вела она себя исключительно строго, её побаивались даже мальчишки-одноклассники. Один из них, общепризнанный красавец Вадим, удостоился чести стать для неё первой любовью — именно так выглядели их отношения. Поцеловать себя она позволила лишь на выпускном, а, уехав из родного города, поняла, что не очень-то и скучает по своему «жениху». В конце концов, её цель — получить высшее образование, которое откроет для неё все двери в счастливое будущее. А парни... Она за ними никогда не бегала, напротив, это они всегда искали её расположения. Вот пусть так и будет впредь.

...Первые несколько дней в деревне выдалась солнечными, и подсыхая грязь не так препятствовала передвижению в сторону соседнего села, расположенного за полтора километра. Там находились и почта, и баня, и действующий сельский клуб, в котором по субботам играл «живой» вокально-инструментальный ансамбль. Впрочем, распорядок дня не позволял студентам навещать туда по первому желанию. Уборка картофеля происходила, что называется, от зари и до зари, поэтому в личном распоряжении оставались лишь вечера и воскресные дни.

Резиновых сапог у Ани с собой не было, поэтому на работу ей приходилось ездить в

кедах, надетых на тёплые шерстяные носки. Уже через пару дней новая чёрная матерчатая обувь приобрела выцветший, пыльный оттенок. К концу каждого рабочего дня Аня чувствовала песок, набившийся между стелькой и ступнёй. Она развязывала шнурки и, сняв кеды, вытряхивала их содержимое на землю.

Огромное картофельное поле было расположено сразу за деревней, и возили туда девушек на бортовом автомобиле. Каждое утро ЗИЛ-157, в простонародье именуемый «колун», подъезжал к девчачьему «общежитию» и отчаянно сигналил. Сонные студентки нехотя выходили на улицу и, забравшись через колесо в кузов, рассаживались на деревянные скамейки, поставленные по бортам. Ровно в полдень всё тот же «колун» поджидал проголодавшихся девчонок, чтобы увезти их на обед, который по очереди готовили «дежурные по кухне».

...Стоявшая все дни сухая осенняя погода испортилась внезапно — в считанные секунды. Налетевший промозглый ветер пригнал целую стаю иссиня-чёрных туч, которые довольно быстро заволокли всё небо, слившись в единое целое. Хлынувший следом дождь заставил прекратить работу, а сила, с которой он обрушился на землю, обратила в бегство доблестных собирательниц картофельного урожая.

До обеда было далеко, и поэтому транспортное средство ещё не подъехало. Удирать от ливня пришлось пешком, прямо по полю. Рыхлая после уборки земля быстро превратилась в чавкающую массу, и Аня уже через несколько минут почувствовала, как кеды изнутри наполняются холодной влагой. Промокший грунт был очень скользким, и она несколько раз падала, поэтому, оказавшись, наконец, под крышей «общежития», долго с ужасом разглядывала, а потом чистила снятую с себя мокрую и грязную одежду, пока остальные, менее впечатлительные и аккуратные девчонки отпаивали друг друга горячим чаем.

Ещё по прибытии, в самый первый день, всех приехавших студентов разделили на две бригады, и Анина соседка по комнате, Нелли, оказалась в другом селе. Оставшись без подруги, Аня не спешила заводить новые знакомства. Она не держалась обособленно, но и в друзья ни к кому не набивалась. Девушка, которую она отметила ещё по дороге сюда, спала на соседней раскладушке, и Аня общалась с ней скорее поневоле, но уже на следующий день стала привыкать, и вечерами, пока остальные студентки в общем кругу вспоминали прошедший рабочий день, предпочитала беседовать с «папенькиной дочкой», как прозвали Сандру за глаза. Впрочем, сама Сандра представилась всем, как Аля, но Анюте нравилось называть новую подругу именно этим заграничным именем.

...Справившись, наконец, с грязными и мокрыми вещами и переодевшись в сухой фланелевый халат, Аня тут же сунулась в отгороженный цветной ситцевой шторкой угол, где располагалась электрическая плитка и кухонный разделочный стол.

— Кипяток есть? — накинув на горячую крышку алюминиевого чайника полотенце, она приподняла её и заглянула внутрь.

— Где ты раньше была? — помешивая в огромной кастрюле бульон, дежурная Аля скептически усмехнулась, — Уже всё выхлюпали. Теперь нужно снова кипятить.

— Да я переодевалась... — Анюта с сожалением водрузила крышку на место, — Промокла жутко...

— Покури — согреешься.

— Я не курю. И с этим не повезло.

— Зато повезло с погодой. Сейчас бы пахали как папы карлы... а теперь — лишней выходной из-за дождя.

— Ой, что ты делаешь?! — глядя, как Александра засыпает в кастрюлю вермишель, Анюта удивлённо застыла на месте, — Бульон же ещё не кипит!

— А что, надо, чтобы закипел?

— Ну, конечно, — отодвинув нерадивую повариху, Аня взяла в руки половник, которым, за неимением другого столового прибора, Аля мешала суп, — ты же видишь, вермишель мелкая, её варить не нужно...

— Как это?!

— Нет... нужно, конечно... Просто её засыпаешь в кипящий бульон, и тут же выключаешь плиту. Она сама дойдёт. Ты что, не знала?

— Не-а... — Александра мотнула головой, — Если честно, я готовить не умею... и, вообще, терпеть не могу. А ты — умеешь?

— Конечно, — Аня удивлённо смотрела на содержимое половника, — подожди... А где картошка?

— Вон, — Аля кивнула на стоящий под столом таз с начищенной картошкой, — я её ещё не кидала.

— Так её нужно было в первую очередь... — отогнув занавеску, Анюта осторожно выглянула наружу — все остальные девушки, переодевшись и согревшись чаем, разбрелись по своим раскладушкам в ожидании обеда.

— Да больно я знаю... — Александра нервно схватила таз и с грохотом водрузила его на стол, — Сейчас порежу...

— Да... — поправив занавеску, Анюта снова заглянула в кастрюлю, на дне которой спрессованным пластом прочно осела вермишель, — По-моему, тебя сегодня побьют.

— Я сейчас всё нафик брошу, и уеду домой! — Аля в сердцах швырнула в сторону нож, которым только что собиралась резать картофель, — Я варить на всех не нанималась! Не понравится — пусть не едят!

— Ещё кастрюля есть? — Анюта обвела глазами весь угол, потом заглянула под стол, — Ну, хотя бы маленькая...

— Есть, но она с молоком, — Александра кивнула на трёхлитровую бледно-голубую кастрюлю, стоящую на лавке, — а зачем тебе ещё одна кастрюля?

— Молоко?.. — Аня подняла крышку и понюхала содержимое, — А чего ты молочный суп-то не сварила?!

— Ты такая умная?! — Аля возмущённо всплеснула руками, — Откуда я знаю, чего варить?! Что в голову пришло, то и сварила...

— Да уж... — Аня укоризненно покачала головой, — Сварила... Давай тогда чайник!

— Зачем?!

— Будем твой кулинарный шедевр спасать, пока голодный народ нас не растерзал!

...Порезанный небольшими кубиками картофель сварился в чайнике на удивление быстро. Бульон с вермишелью Аня довела-таки до кипения и тут же сняла с плиты.

— Вываливай картошку из чайника в кастрюлю, — ещё раз выглянув за занавеску, она махнула рукой подружке, — и чайник сразу помой, а то я уже замучилась отбиваться... все кипятки ждут.

— Слушай, а с молоком чего теперь делать? — справившись с «заданием», Александра вспомнила об оставшемся в кастрюле молоке, — Оно же прокиснет?

— Как — что? Кипяти!

Спасённый Анютой суп оказался вполне съедобным, так что голодные, промокшие

студентки даже не заметили, что приготовлен он был по совершенно новой «технологии».

— А у тебя парень есть? — глядя, как Аня ловко моет посуду, Александра сидела за столом, положив на ладонь подбородок.

— Есть. Только он далеко, дома. А у тебя?

— Да, вроде, как есть... не знаю, даже.

— Как это? — Аня удивлённо обернулась, — Это же тот, который с тобой ехал? Виталик?

— Ну, да... Он. Да я как-то ещё не решила... нужен он мне, или нет...

— А ты ему?

— Я-то ему, конечно, нужна. Он давно за мной бегал... Сейчас, вроде как, встречаемся.

— Значит, любит?

— Любит, — Александра изобразила деланное равнодушие, — он, вообще, как сумасшедший... Ревнует к каждому столбу! Удивляюсь, как он до сих пор сюда не прикатил. Наверное, отец не пускает.

— Слушай, а пойдём завтра на танцы? — Аня присела напротив и тоже подпёрла ладошкой подбородок, — Все девчонки собираются.

— Это куда? В соседнее село?.. На пьяных мужиков смотреть?.. Ну, если только от нечего делать...

Первая неделя оказалась для студенток самой тяжёлой. Глядя на бескрайнюю полосу, вдоль которой валялся не убранный комбайном картофель, они испытывали приступы уныния. Казалось, что этой нудной и тяжёлой работе не будет ни конца, ни края.

Но наступившая суббота оживила все чувства и настроения, и, вернувшись вечером с поля, девчонки принялись готовиться к походу на танцы в соседнее село.

Аля собиралась туда, скорее, от скуки. Действительно, что за удовольствие, толкаться среди нетрезвой деревенской молодёжи, нюхая запах пота и перегара, заодно слушая кустарное исполнение «шедевров» отечественной эстрады...

Но, несмотря на предубеждения, она всё же к назначенному часу надела модный польский брючный костюм и, вооружившись зеркальцем, принялась наносить замысловатый макияж на своё милое лицо.

Анюта, напротив, сначала накрутила глаза и губы, а затем начала одеваться.

— А, ну-ка, подойди... — оторвавшись от зеркала, Александра заинтересованно уставилась на её бюстгальтер, — Анжелика?

— Угу, — кивнула Аня, застёгивая сзади крючки, — я другие не ношу.

— А вот такой модели у меня нет... — в серых Алькиных глазах промелькнула плохо прикрытая зависть, — Где брала?

— У мамы подруга на промтоварной базе работает, всегда импорт достаёт.

— А кто у тебя мама?

— Преподаватель. Но она ещё репетитором подрабатывает.

— Понятно. А моя в «Берёзке» отоваривается. Кстати, косметика вся оттуда. Хочешь накраситься?

— Нет, я чужой косметикой не пользуюсь.

— Почему? Брезгуешь, что ли?

— Просто не пользуюсь. Я вообще чужие вещи не люблю.

— Гордая, да? — Александра насмешливо улыбнулась уголком рта, — Ну, как хочешь.

... Дорога в соседнее село шла вдоль молодых посадок, за которыми виднелись всё те же картофельные и капустные поля. Целая ватага студенток-первокурсниц бодро вышагивала по подсохшему после вчерашнего ливня грунту, взбадривая ночные окрестности громким смехом и весёлыми возгласами. Предварительно распитая на всех бутылка «Токайского» придавала бодрости духа и вдохновения в преддверии встречи с местным контингентом, вернее, его мужской половины.

— Кстати, девочки!.. Все дружно посмотрели на меня!.. — одна из девчонок бойко забежала вперёд и обернулась к остальным, — Вы в курсе, что там, куда мы сейчас идём, живут курсантики? Де-воч-ки!.. Не теряемся, выбираем себе по самому симпатичному!

— Зачем нам курсанты? — Александра, держа под руку Анюту, рассмеялась, — Нам только генералов!

Соседский клуб оказался намного больше и цивильнее того, в котором жили девушки — он был не бревенчатым бараком, а самым настоящим кирпичным зданием, с центральным входом, поддерживающими колоннами, зрительным и танцевальными залами.

Раздевалки в клубе не было, и все посетители складывали одежду на широкий подоконник.

— Слушай, я боюсь сюда плащ класть, — Аля недовольно нахмурилась и обвела зал взглядом, — неужели так трудно было сделать раздевалку?

— Что будем делать? — Аня тоже была не в восторге от окружающей обстановки, но сразу уходить не хотелось.

— Не знаю...

Музыка гремела настолько громко, что девушкам приходилось буквально кричать, чтобы услышать друг друга. Устроившись у окна, они наблюдали за танцующими: Аня — с интересом, Александра — с нескрываемой насмешкой.

— Можно вас пригласить?..

Обе девушки, как по команде, обернулись к задавшему вопрос парню. Высокий, симпатичный, он был в форме курсанта военного училища, и Аля сразу узнала в нём вчерашнего гостя, которому срочно понадобился телефон. Внешность парня была располагающей, и девушка снисходительно кивнула — приглашал он именно её...

Раздевшись, она подала свой плащ Анюте и, отойдя вместе со своим кавалером на середину зала, с загадочной полуулыбкой положила ему руки на плечи.

Оставшись стоять у стены с Алькиным плащом в руках, Аня испытывала неловкость. Всё кругом было чужим — и эта музыка, и этот зал, и окружавшие её люди... Она попыталась рассмотреть в танцующих своих одноклассниц, но те как будто растворились в толпе...

— Привет!..

Она ещё не видела того, кто произнёс это слово, она лишь услышала голос... Она сразу узнала этот голос!.. Она даже не успела удивиться тому, что Виталий оказался здесь, в этом незнакомом ему селе, именно в это время...

— Привет... — она радостно улыбнулась ему, как старому знакомому, — А ты... откуда ты здесь?!

— Я прилетел со звезды! — он смотрел на девушку так необычно... в его взгляде сквозили и серьёзность, и насмешка одновременно... так, что Аня поймала себя на мысли, что готова поверить его словам...

— И как же называется твоя звезда? — им тоже приходилось кричать сквозь музыку, но, даже если бы Аня и не расслышала его слов, она поняла бы их своим сердцем...

— Она называется... — он на несколько секунд задумался, потом снова наклонился к её уху, — Она называется Любовь...

Сладко-щемящее чувство от его близости было настолько волнительным, что Аня уже была готова сама пригласить его на танец, бросив на подоконник Алькин плащ... да что там плащ... Она была готова бросить всё, лишь бы оказаться сейчас в его объятиях...

Такого с ней ещё никогда не было. Тем более, что Виталия она практически не знала — их вторая по счёту встреча была, как и первая, мимолётной...

Конечно, он приехал навестить Альку, и, конечно, останется с ней, а потом уедет.

— Виталя-а-а-а!.. — как будто в подтверждение её мыслей, Александра со всех ног бросилась к своему парню и через мгновение уже висела на нём, обхватив руками шею, — Как ты меня нашёл?!

— Военная тайна, — рассмеявшись в ответ, он крепко прижал к себе девушку, — а, вообще, ты знаешь, что от меня нигде не скраться.

— Ты на мотоцикле... Да?! — она смотрела на него во все глаза, — Ну, скажи... Да?!

— Ну, да... да...

— Сумасшедший... Какой же ты сумасшедший!.. Но ты же ради меня... Да?!

— Конечно...

...Виталий, действительно, приехал на мотоцикле. Он был не один — на улице его дожидался брат Александры, Олег. Парни проделали на своих «железных конях» немалый, многочасовой путь, и Аня про себя подивилась их отчаянности... Сама бы она никогда и ни за что не решилась на такое дальнейшее путешествие.

А Виталий — решился... Увы, не ради неё. Видимо, он, действительно, любит свою Сандру...

— Ну, что, куда погоним? — познакомив Аню со своим братом, Алька обвела всю компанию взглядом отъявленной авантюристки, — Можно к нам... Все сейчас здесь, на танцах...

— Не все, — Виталий загадочно улыбнулся, — кое-кто остался... И, думаю, мы там будем лишними.

— А... — догадавшись, девушка подбоченилась, — Вот откуда ты узнал, где меня искать! Тебе наши сказали... Да?

— И сказали, и показали. Кстати, предлагаю просто покататься.

— А бензин?

— Да у нас целая канистра с собой. Ты же знаешь, я просто так на авантюры не пускаюсь.

...Сначала Аня было страшно. Пойти ночью на танцы в соседнее село — это да... Но поехать кататься с незнакомыми, по сути, парнями на мотоциклах, это совсем другое дело. Она всегда была слишком осторожной для таких необдуманных поступков.

...И, всё же, она не удержалась. Искушение быть рядом с Виталием, пусть и не за его спиной, но рядом, было так велико, что она, в конце концов, согласилась... Ей понравилось, что эти ребята, дети высокопоставленных родителей, безоговорочно приняли её в свою компанию.

— Ну, как тебе мой братец? — шепнула ей Алька перед тем, как усесться на «Яву» Виталия, — Скажи, симпатный?

— Ничего... — улыбнувшись, Аня пожала плечами.

Если честно, она даже не разглядела Олега... Все её мысли были совсем о другом...

Брат Александры и, действительно, был «ничего»... Среднего роста, с такими же, как у сестры, серыми глазами и тёмно-каштановыми волосами, Правда, нос у него был слишком великоват... Но, какая ей, в конце концов, разница? Она не собирается заводить с ним отношений... Прокатится просто, и всё.

...На ходу Аня так и не заметила, в каком месте она потеряла из виду Виталия и Алю. Уже мчась с Олегом по какой-то лесной дороге, она вдруг сообразила, что на одной из развилок их пути разминулись...

Когда, остановившись, Алькин брат слез с мотоцикла и стал откровенно давать волю рукам, Аня испугалась не на шутку... Парень был явно сильнее её, да и место было незнакомое, она даже не знала, в какую сторону нужно бежать, если что...

...Спрятавшаяся за деревьями луна едва освещала лесную дорогу. Отчаянно борясь с повалившим её на землю парнем, Аня с ужасом чувствовала его цепкие руки на своём теле... Мотоцикл стоял совсем рядом, и она подумала, что, если его уронить, то парень отвлечётся...

Она только хотела протянуть руку к подножке... Неожиданно нащупав ладонью какой-то сучок, Аня крепко сжала его пальцами.

Всё произошло так быстро, что она только услышала душераздирающий вопль Олега...

— Дура-а-а... Ты чего?! — схватившись руками за пах, тот катался по земле с подогнутыми коленями...

Вскочив на ноги, Аня бросилась бежать. Лишь по очертаниям деревьев угадывая направление дороги, она мчалась в темноте, не видя под ногами ни ям, ни колдобин, пока, споткнувшись, не упала плашмя. Больно ударившись всем телом, она, тем не менее, снова попыталась встать.

Решив, что каблуки только мешают, она отчаянно скинула туфли и, зажав их в руке, сделала несколько торопливых шагов... Ступни тут же наткнулись на какие-то ветки, небольшие камни... К тому же, земля оказалась очень холодной.

Прислушавшись и не услышав за спиной ни звука, девушка в растерянности оглянулась. Она только сейчас поняла, что совершенно не знает, в какую сторону ей идти. Если назад — там Олег... Он, конечно, разозлён на неё за то, что она использовала сухую ветку, как оружие, ткнув ею в самое уязвимое мужское место... А что, если он захочет ей отомстить?

Бежать вперёд?.. Но она не знает, куда ведёт эта дорога... Она вообще не знает, где сейчас находится!.. Она настолько потерялась в пространстве, что даже не может сообразить, с какой стороны она сейчас прибежала!..

Неожиданно звук приближающегося мотоцикла нарушил ночную тишину. Через минуту из-за поворота показался свет фар.

...Сначала мотоцикл пролетел мимо неё, но через несколько десятков метров затормозил. Аня не могла видеть, кто сидел за рулём... Но она подумала, что, если это даже Олег, то она всё равно сейчас бросится к нему...

— Аня!.. — в голове гудело, от охватившего её страха она не могла сообразить, чей это голос.

— Я не хотела... Олег, я, правда, не хотела!.. — повинувшись этому страху, она сделала шаг навстречу бегущему к ней человеку.

— Что случилось?.. — это был вовсе не Олег, — Почему ты одна?!

— Виталик... — Анюта в темноте почувствовала его объятия, — Как хорошо, что это ты!..

Глава 3.

Александра размашисто шагала по ночной дороге. До деревни оставалось около полукилометра, и девушка слегка замедлила шаг. Она то и дело оглядывалась, как будто ожидая увидеть кого-то за спиной, но едва освещённая луной дорога оставалась пустынной.

Где-то впереди залаяли собаки, и, зайдя за очередной поворот, она увидела деревенские огни. Старый бревенчатый клуб, где они жили с другими студентками, находился в самом конце длинной улицы, и идти было ещё довольно далеко.

Остановившись, Аля чутко прислушалась, но кроме собачьего лая ничего не услышала.

«Странно...»

Полчаса назад, поругавшись с Виталием, она оставила его на просёлочной дороге и демонстративно направилась в сторону деревни пешком. Ей было немного страшно, но она знала, в какую сторону идти, поэтому шла уверенно, в душе предполагая, что парень тут же бросится её догонять.

Но вот уже и деревенская улица началась... А Виталия так и не было.

Неужели он так обиделся? Но она не сказала ему ничего такого... И, уж если откровенно, то он сам во всём виноват! Зачем-то притащил с собой её брата Олега, хотя мог приехать один, и сейчас не искал бы того по всем лесным дорогам. Хотя, Олег, скорее всего, просто решил развлечься с Анюткой, поэтому и исчез на развилке.

Почему-то Виталия это очень разозлило, и, вместо того, чтобы мчаться дальше, он развернулся и поехал на поиски Олега и Ани.

«Тебе больше делать нечего? Будешь теперь всю ночь по лесу за ним гонять? — Александра сердито выговаривала парню, когда тот ненадолго остановился, — Может, ему Анька понравилась, сейчас целуются где-нибудь под кустиком...»

Она думала его успокоить, но после этих слов Виталик тут же снова уселся на мотоцикл.

«Садись!» — кивнув головой назад, он резко нажал на кикстартер, но Аля не сдвинулась с места.

«Я не поеду».

«Сандра, быстрее...» — парень несколько раз нервно выжал газ, в ожидании, пока его подруга займёт место сзади, но она стояла, как вкопанная.

«Ты едешь или нет?!»

«Нет!»

Александра демонстративно развернулась и быстро пошла вперёд. Виталий что-то крикнул ей вдогонку, но она не расслышала его слов и даже не обернулась. Пусть догоняет!

...Догонять он её не стал, и, судя по удаляющемуся звуку мотора, поехал в противоположную сторону.

Дойдя до освещённой фонарями деревенской улицы, Александра остановилась. Постояв несколько минут, снова направилась дальше, но уже совсем тихим шагом. Со стороны могло показаться, что девушка просто прогуливается перед сном...

Дойдя до клуба, Аля не торопилась заходить в помещение, а, присев на лавку, просидела ещё добрых полчаса, пока не услышала вдалеке звук приближающегося мотоцикла. Решив, что это Виталий, вскочила с лавки и спряталась за растущим у крыльца деревом.

Она хотела посмотреть на реакцию парня, когда, войдя в клуб, он не найдёт там её...

Её ожидало очередное разочарование. Это был вовсе не Виталий...

— Олег! — выйдя из-за дерева, Александра окликнула брата, — Ты что, один? А где Аня?

— Ты кого мне подсунула?! — поставив «Яву» на подножку, парень зло пнул попавшийся под ноги небольшой камень, — Дура какая-то твоя Аня... Психичка...

— Ты чего?.. — Аля неожиданно рассмеялась, — Ты к ней полез, что ли?! Ты что, дурак?!

— И ты тоже — дура, — брат был явно не в духе, — предупредить не могла, что она ломается?

— А ты не спрашивал...

— Где Виталя? — Олег, кажется, только сейчас заметил, что нигде не видит друга, — Он что, уехал?!

— Понятия не имею. Мы разругались, я пешком пришла. Анька где?

— Там осталась, — парень махнул рукой в сторону, — а давно ты пришла? Сколько сейчас времени?

— Половина первого, — услышав вдалеке весёлый смех, Аля выглянула на дорогу, — наши девчонки с танцев возвращаются. Может, Анька с ними?

— Да плевать мне на твою Аньку, — брат не оставлял сердитого тона и, прихрамывая, расхаживал по двору, уперев руки в бока, — где Виталя?! Ехать пора, отец не в курсе, куда я погнал... Мне до утра надо домой попасть. Там ещё дорогу в одном месте совсем развезло, мы мотики целый километр, наверное, толкали...

— Сейчас приедет... — отвечая Олегу, Аля тревожно вглядывалась в толпу девчонок, которые уже были совсем близко — в свете фонаря было хорошо видно каждую.

Анюты среди них не было.

— Ну, я же говорила, что они раньше нас ушли! — увидев Александру, одна из девушек радостно обернулась к остальным, — Наши нигде не пропадают!

— Ой, слушай, там про тебя один курсантик спрашивал, — подойдя вплотную, другая проговорила на ухо Александре, — всё искал, куда ты делась.

— А что спрашивал?

— Как зовут...

— И что ты сказала?

— Сказала, что тебя зовут Аля... Он ещё спрашивал, придём мы в следующую субботу, или нет...

— А ты?

— А я сказала, что не знаю. Слушай, а где Анька?

— Скоро придёт...

Аля не переставала чутко прислушиваться, в ожидании Виталия — он, в любом случае, должен был подъехать сюда, чтобы найти Олега. Она была встревожена его долгим отсутствием, и даже не брала в голову, куда могла подеваться Аня.

Вскоре все девчонки ушли спать, но Аля так и сидела на улице вместе со своим братом.

— Слушай, а, вдруг, Анька заблудилась? — она, наконец, снова вспомнила о подруге, — Давай, ездай на поиски.

— Да плевал я на твою Аньку, — снова зло повторил Олег, — скорее всего, Виталя сам её нашёл.

— Ну, и где они тогда?.. — нахмурившись, Аля посмотрела на него исподлобья, — Два

часа доехать не могут?

— Откуда я знаю? — парень недобро усмехнулся, — Наверное, решил спор выиграть.

— Какой спор?

— Да так... — Олег сделал несколько шагов в сторону дороги, — Неважно...

— Что за спор?! — Александра догнала Олега и схватила его за рукав, — Давай, колись!

А то расскажу отцу про все твои похождения!

— Да пошла ты, — тот нервно дёрнул рукой, — сама со своим Виталиком разбирайся. А я домой поехал.

Оказавшись в объятиях Виталия, в первый момент Аня почувствовала себя в безопасности, но уже спустя несколько секунд резко отстранилась. Парень ей, конечно, нравился, но она совершенно не знала, чего от него ожидать.

Мало ли что могло прийти ему в голову тёмной ночью, на лесной пустынной дороге? Его товарищ Олег наглядно доказал, как опасно доверять незнакомым парням.

— Почему ты одна? — Виталий удивлённо оглянулся вокруг, — Где Олег?

— Там остался, — Аня всё ещё не могла унять мелкую дрожь, охватившую её тело от пережитого страха, — я хочу домой... В какой стороне деревня?

— В той, — парень неопределённо махнул рукой в сторону, — и, всё таки, почему ты одна? Олег тебя обидел?

— Нет...

Виталий снова сделал шаг к ней навстречу, но Аня испуганно отступила назад. Новая волна страха накатила на девушку, она как будто только сейчас осознала, как далеко находится от родного дома, от близких ей людей, которые не знают, что с ней происходит в эти минуты.

Неожиданно парень вытащил из кармана электрический фонарик и осветил им Аню — яркий луч пробежался по её плащу, потом плавно съехал по ногам на носки лакированных туфелек и вновь скользнул вверх.

— У тебя плащ запачкался... — эти слова Виталий произнёс почему-то глухим голосом, как-то угрюмо.

— Где?.. — Аня провела рукой по подолу, потом попыталась осмотреть рукава, — Не вижу...

— Вот... — луч снова осветил серую ткань плаща, остановившись на большом тёмном пятне от грязи, — А вот ещё...

— Это я... упала в темноте.

— Упала?.. Или...

— Упала. А где Сандра?

— Наверное, уже дома. Олег тебя точно не тронул?

— Нет...

Аня смутилась от его вопроса. В тоне Виталия не было тревоги или участия... В нём ей почудилось холодное любопытство. Тем не менее, она немного успокоилась — кажется, парень не собирался делать ничего плохого.

— Хочешь прокатиться со мной? — он спросил уже совершенно по-дружески, и Аня, не раздумывая, кивнула.

...Она никогда не думала, что езда на мотоцикле может приносить такое удовольствие! Она никогда раньше ни с кем не каталась, во-первых, потому, что это очень опасно, а, во-

вторых, потому, что никто и не предлагал — мальчишки считали её чересчур неприступной для того, чтобы позвать в свою компанию.

Виталий ехал довольно быстро, но аккуратно, чувствовалось, что за плечами у него большой опыт вождения двухколёсного транспортного средства. Обхватив его сзади руками, Аня счастливо улыбалась, подставляя лицо прохладному ночному ветру. Её волосы выбились из-под косынки и развевались на ходу... Она совершенно не чувствовала холода, прижимаясь к спине Виталия, и лишь иногда пыталась поправить разлетающиеся в разные стороны широкие полы плаща и задравшийся вверх подол юбки-миди, из-под которой довольно откровенно выглядывали её бёдра, обтянутые светлыми колготками.

...Аня была готова кататься вот так всю ночь... во всяком случае, так ей казалось, но, не доезжая до очередной развилки, Виталий внезапно притормозил и, проехав несколько метров, остановился окончательно.

Спрыгнув на землю, девушка только сейчас почувствовала, что её колени замёрзли, а руки затекли.

Или ей не хотелось их разжимать?..

— Ух ты... — запрокинув голову, Аня восторженно уставилась в ночное небо — звёзды напоминали стразы, рассыпанные по тёмно-синему бархату, — Как красиво-о-о-о...

...Она не могла не заметить, как Виталий близко подошёл к ней, она лишь сделала вид, что не заметила...

...Это был по-настоящему взрослый поцелуй. После выпускного она не раз целовалась с Вадиком, но это были совсем не те поцелуи... Видимо, Виталий знал в них толк.

— Ты очень красивая, — парень смотрел на неё сверху вниз, и, привыкнув к темноте, Аня заметила улыбку на его губах, — я никогда ещё не видел такой красивой девушки.

— А как же Сандра?

— Ты мне очень нравишься...

— А Сандра?..

— А если я скажу, что приехал только ради тебя?..

— Неправда...

— Правда...

В глубине души Аня чувствовала угрызения совести: в конце концов, Виталик — парень её новой подруги... И она его совершенно не знает, чтобы вот так, безоговорочно, поверить таким словам...

И, в то же самое время, она понимала, что не в силах оттолкнуть его от себя... Совершенно незнакомые ощущения нахлынули на неё... казалось, что от его поцелуев земля уходит из-под ног... Виталий целовал её так нежно, не переходя границ дозволенного, и Аня почувствовала, как остатки напряжения растворяются, уступая место полному доверию.

...Ей совсем не хотелось сейчас ехать в деревню. Это означало только одно: они расстанутся с Виталием, и неизвестно, когда будет их следующая встреча... Но, вспомнив про Александру, она вдруг торопливо прервала его очередной поцелуй и смущённо отстранилась.

— Ты чего? — он снова протянул к ней руки, — Аня?..

— Мне пора, — она произнесла это нехотя, со вздохом, — вдруг, меня ищут? И Сандра... Вдруг она подумает что-нибудь...

— Что она подумает? — он снова улыбался в темноте, — Что мы целовались?

— Ну... да... — Аня невольно опустила взгляд, — Как-то нехорошо...

— Но мы, и правда, целовались... разве нет?

— Нет... — Аня вдруг решительно отвела его руки и сделала шаг к мотоциклу, —

Ничего не было.

— Почему?

— Потому. Не было, и всё. Забудь...

— А, если не забуду?

— Забудешь. Вот сейчас уедешь в город, и забудешь.

— Ну, почему? — она не видела его лица, но подумала, что он всё ещё улыбается.

— Потому, что у тебя Сандра. И... отвези меня, пожалуйста, домой.

Возражать и уламывать её он не стал и послушно завёл мотоцикл. Аня тут же поймала себя на мысли, что ждала совсем другого, но, гордо тряхнув рассыпавшимися по плечам волосами, уселась сзади. Она подумала, что не знает, что говорить Александре, ведь та, скорее всего, уже вернулась.

...Подъехав к деревенскому клубу, Виталий заглушил мотоцикл. Спрыгнув с подножки, Аня тут же поспешила к крыльцу, нарочно не оборачиваясь.

— Аня!.. — Виталий окликнул её у самых дверей.

— Что? — взявшись за ручку, она резко обернулась.

— Пока...

Она ожидала от него других слов, но он всего лишь попрощался.

— Пока, — потянув на себя дверь, девушка шагнула за порог.

Виталий уже собрался снова завести мотоцикл, когда вдруг подумал, что так и не узнал, вернулась Сандра, или нет... Синеглазая девушка так внезапно заполнила собой всё его существо, что он даже не вспомнил о своей невесте...

— И что это было?.. — голос Александры прозвучал неожиданно, откуда-то сбоку.

Обернувшись, Виталий увидел саму Сандру, которая вышла из-за дерева, растущего недалеко от крыльца.

— Вот ты где! — он немедленно нахмурил брови и придал лицу озабоченное выражение, — Я тебя по всему лесу икал! Ты где была?!

— Сюда шла, — усмехнувшись, девушка приблизилась к парню и пристально уставилась ему в глаза, — вон по той дороге... Где был ты?!

— Тебя искал, — Виталий демонстративно засунул руки в карманы брюк, и Але показалось, что он сделал это нарочно, чтобы не обнимать её, по обыкновению.

— Меня искал, а нашёл Аньку? — она не оставляла насмешливого тона, — Что, решил её после Олега облизать?

— Сандра, что за чушь...

— Чушь?! Спроси у него сам.

— Где он?

— Домой уехал. Ждал тебя, ждал... Кстати, что у вас за спор? Он что-то тут говорил, но я не совсем поняла.

— Какой ещё спор...

— Тебе виднее.

— Да ерунда всё. Ты сама своего братца знаешь, он бы всё, что шевелится, оприходовал. Грозился сегодня какую-нибудь тёлку снять без уговоров. Я сказал, что не обломится... Вот и весь спор. А он что говорит?

— Ничего не говорит... Приехал один, тебя ждал. Потом психанул и уехал. Ему к утру дома надо быть.

— Тогда я тоже поехал...

— Может, прокатишь меня?.. — Аля, не выдержав, положила руки ему на плечи, — Тогда, может быть, поверю тебе...

— Нет, Сандра, поеду. Твой братец сейчас, скорее всего, по уши в грязи сидит. Надо выручать товарища.

...Попрощавшись с Виталием, Аля нехотя вернулась в помещение. Разные чувства сейчас теснились в её душе. Она до сих пор не знала, любит ли по-настоящему своего парня... а вот как зацепило его позднее возвращение вместе с Анютой!..

Хотя, может, он и не врёт, и правда, искал её в лесу? Просто не подумал, что она пойдёт в деревню... С трудом верится, но, всё же...

Когда она вошла в помещение, Анюта ещё не спала. Она, как будто нарочно, поджидала подругу. Падающий в незашторенное окно свет от фонаря освещал угол, в котором стояли их раскладушки, и Аня, лёжа, пилочкой поправляла сломанный ноготь.

— Говоришь, не любишь чужие вещи? — усевшись на свою раскладушку, Александра проговорила громким шёпотом.

— Ты о чём? — Анюта подняла на подругу глаза, — Где ты была так долго?

— А ты?

— Я в лесу заблудилась.

— С кем? С Олегом, или с Виталиком? Или с обоими, по очереди?

— Знаешь, Сандра... — Ане было неловко перед девушкой, но, собрав в кулак всё своё мужество, она приподнялась и облокотилась на подушку, — Ты меня, конечно, извини... Но твой Олег — сволочь.

— А Виталик, значит, хороший?

— Я не знаю. Но он меня назад привёз.

— Целых два часа вёз?

— Нет, это я два часа по лесу ходила. А он сразу привёз, как только нашёл.

Девушки разговаривали громким шёпотом, и Ане показалось, что не все их однокурсницы крепко спят... Ей хотелось поскорее закончить неприятный разговор, и она не знала, что ещё соврать в своё оправдание. Она нарочно показала Але глазами на молодую преподавательницу, приехавшую вместе со студентами в качестве руководителя отряда, которая спала совсем недалеко, и приложила палец к губам.

Бросив ещё раз недоверчивый взгляд на подружку, Александра быстро разделась и юркнула в холодную постель. Она подумала, что, возможно, Анюта и не врёт... Тем более, что она видела их прощание с Виталием... Ничего особенного. Пока — пока...

Виталий догнал Олега довольно быстро — тот, действительно, остановился у самого непроходимого участка дороги. Редко просыхающий грунт был рыхлым, неровным, испещрённым ямами и колдобинами. Проехать на мотоцикле было сложно даже по обочинам, и парни по дороге в деревню пешком толкали свои «Явы» чуть ли не целый километр.

Дорога назад предстояла точно такой же, и Олег всё же решил дождаться друга, прежде чем пускаться в сложный путь.

— Ну, чего ты так долго? — он тут же накинулся на Виталика, как только тот заглушил

мотоцикл, — Я ждать замучился...

Спрыгнув на землю, Виталий, не говоря ни слова, подошёл к Олегу и схватил за грудки.

— Ты чё?! — тот от неожиданности даже не подумал сопротивляться, — Ты чё, Виталья?!

— Отвечай, только не раздумывая... Аньку оприходовал?

— Ты чё... больной?! — Олег всё же попытался оттолкнуть Виталия, — С чего ты взял?!

— Я сказал — не раздумывая!.. Да?!

— Нет!

— Не звезды... У неё весь плащ в грязи...

— Да нет же! — Олегу, наконец, удалось скинуть с себя руки товарища, — Она дура дикая! Чуть веткой не кастрировала, хорошо, не насквозь, до сих пор ходить больно.

— Ты зачем Сандре про спор сказал?!

— А ты что... сам хотел выиграть?.. — Олег едко усмехнулся, — Или... или её уже до тебя... того?.. Ты оказался не первым?..

— Ты чего к ней полез? Спор был на деревенскую...

— Спор был на девочку... а нюансы мы не уточняли. Хотя... если у тебя тоже ничего не вышло, я, пожалуй, повторю попытку, но при других обстоятельствах.

— Только попробуй... — Виталий снова схватил друга за грудки, — Тронешь — урою.

— А как же моя сестра?

— Никак. А Аньку тронешь — урою.

...Всю следующую неделю Аня только и вспоминала субботнее приключение. Сначала ей было ужасно стыдно перед Александрой, и она старательно гнала от себя воспоминания... Но они упрямо возвращались, стоило лишь ей закрыть глаза... Она как будто снова чувствовала на своих губах губы Виталия... его нежные объятия, те немногие слова, что он успел сказать ей в лесу...

Уже в пятницу она начала подгонять время... Она почему-то была уверена, что в субботу он приедет снова...

Приедет — к Сандре?..

Наверное. Она — его девчонка. А ей, Ане, не пристало ждать чужого парня... Тем более, что она совершенно не собирается ни в кого влюбляться, её задача — учёба.

...Но она уже влюбилась... И, как ни прогоняй эти мысли, они всё равно возвращаются — неумолимо... Она ждёт его... Ведь до конца картофельных работ ещё целая неделя... Он не может не приехать в эту субботу... Они, конечно, могут встретиться и потом, в городе... Но это будет только через неделю...

Она не может так долго ждать. Ей просто необходимо увидеть его как можно скорее!

А Сандра?..

— Девчонки, почта! — одна из девушек, дежурная, вбежала в «общезитие» вечером в пятницу, — Аня Свиридова танцует три раза!

— Почему — три? — Аня улыбнулась в предвкушении письма из дома, от матери, — Что там?

— Потому, что три письма! Танцуй!

...Писем, действительно, было целых три — от матери, от Вадима, которому она тоже сообщила свой временный адрес, как только приехала сюда... Третье письмо было от неизвестного адресата. Судя по штемпелю, отправлено оно было вчера из их областного

города, без обратного адреса.

Решив прочитать его в первую очередь, Аня решительно надорвала конверт.

«Аня, я все дни думаю только о тебе... Если я тебе не безразличен, то в субботу будь снова в соседнем клубе. Я приеду. Виталий».

Глава 4.

Студенток, проживающих в здании деревенского клуба, было десять, и к концу второй недели пребывания Александра во второй раз заступила на дежурство. Она, действительно, почти не умела готовить, ну, разве что яичницу, и теперь уныло взирала на кухонную утварь и продукты, сложенные за цветной занавеской в углу. В прошлый раз выручила Аня Свиридова, но сегодня её рядом не было, и Аля с тоской подумала, что справиться придётся одной.

Каждый день колхоз выделял девчонкам десять литров молока и свежую говядину, а картофель, капусту и свеклу она сами привозили с поля, так что запасов овощей было достаточно, чтобы остаться здесь ещё на целый месяц.

Впрочем, до конца полевых работ оставалось всего пять дней, не считая завтрашнего воскресенья и сегодняшней субботы. Аля не знала, как дождаться последнего дня, ей уже осточертела и эта картошка, и эта деревня, и эта убогая по её меркам обстановка...

Да и новые однокурсницы ей тоже уже изрядно надоели. А ведь они ещё не начинали учиться! В каждой из девчонок она видела завистницу и сплетницу — ей казалось, что девушки только и делают, что шепчутся за её спиной... Прознали, кем является её отец, вот теперь и моют косточки. Вон как посматривают на её наряды, импортную косметику... Хотя подавляющее большинство из них — сами дети не простых родителей. Интересно, их-то почему мамочки-папочки не отмазали от этой чёртовой картошки? Неужели тоже бьются за свою репутацию?

А вот Виталик только числится на картошке. И его родители вовсе не боятся, что сын каким-то образом бросит тень на партийно-номенклатурного папашу, закрывают глаза на его поступки. Он может всю ночь прогонять на мотоцикле, и вернуться только утром, и ему всё сходит с рук. Олег тоже пытается подражать другу, но у него это не очень удачно получается. Правда, и сам Олег по сравнению с Виталиком — ещё тот придурок... Совсем не дружит с головой. Аля сколько раз искренне удивлялась, как он о сих пор не «влетел» со своими замашками? Несмотря на видимую строгость, отец свято верит, что его старший сынок паинька... А сынок уже в который раз чудом выходит сухим из воды после дурацких споров, к которым он имеет нездоровое стремление. Он спорит на всё — на деньги, на вещи, на дерзкие поступки... Предметом спора может быть поездка по ночному городу на бешеной скорости без соблюдения правил дорожного движения, прыжки с моста, а так же лишение девственности какой-нибудь ПТУшницы в течение одного вечера и без лишних уговоров... Она, Аля, уже сколько раз пыталась образумить Олега, грозя ему тем, что откроет глаза отцу. Но все её попытки оказывались напрасными — брат только смеялся, ссылаясь на свою исключительную удачливость и отцовскую занятость — родитель, и в самом деле, появлялся дома только поздно вечером, и на воспитание собственных детей времени практически не имел. Их общение происходило лишь по выходным, и тут Семён Ильич отрывался, что называется, по полной — после строгих расспросов о делах и успехах в учёбе начинался сам воспитательный процесс. Он заключался в нудном повторении одного и того же отцовского монолога о чести, достоинстве и нравственности современной молодёжи. Присутствующая при этом Вероника Григорьевна молча кивала в такт словам супруга. Сама она работала

начальником отдела одного из НИИ, и тоже возвращалась домой довольно поздно, но, в отличие от мужа, была в курсе того, чем живут их дети — Александра иногда делилась с матерью своими проблемами и рассказывала о проблемах брата. По негласному сговору, отцу ничего не говорилось, чтобы не вызвать его гнев. Всё ограничивалось лишь разговорами матери с сыном, взываниями к его совести и разуму, но, наобещав с три короба, Олег снова брался за старое.

...В обязанности дежурного входило не только приготовление пищи, а и уборка помещения. Але не хотелось делать ни того, ни другого, и она улеглась на свою раскладушку. В конце концов, полчаса отдыха не сыграют роли. Девчонки только час назад уехали на поле, и до их возвращения ещё очень много времени.

...Она давно бы уже сбежала домой. И без неё есть, кому собирать урожай — сами колхозники на что? Привыкли выезжать на студентах, а самим бы только водку пить... так говорит отец. И, кажется, впервые в жизни Александра с ним согласна. Она бы давно бросила всё и смоталась отсюда первым рейсовым автобусом... Но отец съест её с потрохами. Он будет орать, что она порочит его честное имя коммуниста, а заодно компрометирует как государственного человека. Он день и ночь будет читать нотации о том, что дочь начальника УВД несёт на себе ответственность за его безупречную репутацию. Конечно, она не очень-то его боится... Просто один час его нудного монолога стоит целой недели тяжёлого труда на картофельном поле.

...Но не только поэтому она всё ещё здесь.

Виталик... отношения с ним складывались неоднозначно с самого начала. Вращаясь в одном довольно тесном кругу «номенклатурных» детей, они не могли пройти мимо друг друга... и не прошли. Но Виталию, судя по всему, было нужно только одно.

Со стороны казалось, что, получая отказ за отказом, он затеял некую игру — уступит ему Сандра, в конце концов, или нет. Он не говорил ей о любви, но всё свободное время они проводили вместе. Сама же Александра так и не смогла разобраться в своих чувствах. С одной стороны, парень ей нравился, да и жених был завидный, благодаря высокому партийному посту папеньки... Но, с другой стороны, она не решалась переступить с ним ту грань, за которой отношения из безобидных превращаются в довольно рискованные — так всегда учила её мама, Вероника Григорьевна. Хотя, пожалуй, ещё чуть-чуть, и она уступит Виталию... но вот из любви или простого интереса — она пока не знает.

...Внезапный звонок телефона, спрятанного в тумбочку, отвлек девушку от размышлений. Нехотя поднявшись, она обулась и, на ходу поправляя задник тапка, попрыгала на одной ноге к противоположной стене. Звонок был ужасным — громким, резким, и, в то же самое время, каким-то басистым. Его звук раздражал, а задник никак не хотел надеваться на пятку, и Аля была уже готова запустить злополучным тапком в нарушителя тишины, но в последний момент передумала и, шаркая подошвой, подскочила к нему и резко сорвала чёрную трубку.

— Да! — не проговорила, а проорала Александра, — Алло!

— Алло!.. — мужской голос на том конце звучал тихо, как будто издалека, но он показался ей знакомым, — Алло!

— Вам кого? — уже тише произнесла Аля, — Алло!..

— Можете позвать Аню?..

— Кого?! — нахмурившись, Александра прислушалась более внимательно, — Кого позвать?!

— А кто это?.. — голос приобрёл настороженность, — Алло!..

— Это... Аня! — затаив дыхание, Аля ожидала ответа. Теперь она точно узнала, чей это был голос.

— Сандра... Ты, что ли?! — судя по всему, Виталий тоже узнал свою девушку, — Сандра!

— Нет, это Аня!.. — недобро усмехнувшись, Александра стояла на своём, — А кто говорит?

— Сандра, не выделывайся, я тебя узнал.

— Узнал, и что? Тебе Аньку? А её нет, — чувствуя, как внутри всё начинает закипать, Аля с трудом сдерживала себя, чтобы не сорваться на крик.

— Как это нет? А с кем я разговариваю? — теперь Виталик перешёл на деланно-шутливый тон, — Девушка, а, девушка, как вас зовут?

— Ну, ты и сволочь...

— Сандра, в чём дело?! Я, как знал, что ты трубку снимешь!

— Знал, а позвал Аньку?!

— Какую Аньку?! — возмущение удавалось Виталию лучше всего, — Я же тебя позвал! Алю! Тебя же там Алей зовут?

— Ты думаешь, я такая дура?!

— Сандра, у меня переговоры на десять минут. Мы зря теряем время. Ты как?

— Я отлично. А ты... ты — сволочь!

— Сандра, мне плохо слышно! Я не приеду сегодня, слышишь?! Вернее, не знаю, приеду, или нет! Родители на выходные на дачу едут, я должен с ними быть! Слышишь?!

— Пошёл ты!..

В сердцах бросив трубку, Аля в первое мгновение собралась зареветь от обиды.

Ну, какая же она дура! Поверила ему в прошлую субботу... Ничего он её не искал, это он два часа со Свиридовой в лесу развлекался! Вот и сегодня позвонил в надежде, что она уже вернулась с поля...

Нет, ну надо же!.. А эта — хороша подруга!.. В лесу заблудилась!.. Олег ей, видите ли, не понравился... недотрога, блин. А Виталик — понравился!.. Не зря он сейчас ей звонил, ох, не зря! И напрасно он пытался сделать вид, что она не расслышала имени! Аня или Аля — он решил списать всё на похожесть имён, но её не проведёшь...

Александра вдруг вспомнила, как, получив вчера сразу три письма, одно из них Аня перечитывала весь вечер.

Решив, что после звонка Виталия она, как его невеста, имеет право на собственное расследование, девушка решительно прошла в свой угол и, достав Анятин чемодан, открыла замки.

Вещей у Ани было многовато для поездки на картошку — видимо, некому было подсказать, что может пригодиться в деревне осенью, а что нет. Аля как можно аккуратнее перебирала блузки, юбки, нижнее бельё...

Два письма — от матери и какого-то Вадима она нашла в небольшом кармашке чемодана, но третьего там не было. Она уже было подумала, что Анька забрала его с собой на работу, но на всякий случай решила посмотреть под подушкой...

...Она ошиблась совсем чуть-чуть. Белый, с маркой, конверт лежал под Анькиным матрасом. Ещё не достав самого письма, Аля узнала почерк, которым был написан адрес... Это был почерк Виталия. Содержание же короткой записки не оставляло сомнений — её

жених нешуточно увлётся Свиридовой. И она теперь точно знает, что правильно расслышала имя, которое он произнёс, когда звонил сюда полчаса назад... Он звонил не ей, Але... Он звонил Ане.

«Вот сволочь!..»

Аля лихорадочно соображала, чем может насолить Виталику в экстренном порядке...

Рассказать своему отцу о том, как он гоняет на мотоцикле, нарушая правила?.. Но он гоняет не один, а с её братом Олегом. Да и слово к делу не пришьёшь... так говорит сам отец.

Наябедничать Ивану Михайловичу — отцу Виталика? Ну, и что... он прекрасно знает обо всех похождениях своего сыночка. И, несмотря на это, не обращает внимания на его «детские» шалости. Это она, Аля, многого не знает...

Нет, Мясников недоступен... Да и мелко это — ябедничать.

Нет, месть должна быть такой, чтобы его скрутило... до боли, до отчаяния...

Анька?.. Эта стерва тоже получит своё, но с ней проще... Александра найдёт способ, как попортить ей кровь, впереди целых пять лет учёбы... Ей икнётся, и не раз.

А вот с Виталиком... она найдёт способ отомстить ему.

Вот только убедится сегодня в его измене...

Аккуратно положив записку назад в конверт, Аля сунула его под матрас и с тяжёлой душой отправилась чистить картошку.

«Вот так я вас... вот так... — позже, кроша кубиками картофель, приговаривала она про себя, — На мелкие кусочки!..»

Девчонки вернулись с поля раньше обычного — с разрешения бригаирши Михалны, дородной тётки сорока пяти лет, одиноко живущей на краю деревни, неподалёку от клуба со студентками. Пожалев уставших за две недели первокурсниц, Михална уже в час дня махнула могучей рукой в знак окончания работы на сегодня. Обрадованные девчонки уже приготовились пешком шпарить до деревни, но тут оказалось, что душевный порыв бригаирши отнюдь не ограничивается укороченным днём, а простирается намного дальше — аккуратно до бревенчатой баньки, выстроенной за её домом.

Пригласив студенток на субботнюю помывку, Михална предупредила, что носить воду из колодца придётся им самим, но девчонки только радостно закивали — деревенская баня для большинства из них была в диковинку, и, чтобы попробовать «на вкус» все её прелести, они были готовы таскать и воду, и дрова.

Придя в деревню, они отправились к себе — собираться, а заодно пообедать. Михална предупредила, что банька не великих размеров, и, чтобы не толкаться локтями, мыться лучше в две, а то и в три очереди.

...Ещё утром, приехав на поле, Аня вдруг вспомнила, что оставила под матрасом письмо от Виталия. Она не думала, что Аля будет рыться в её постели, но природная осторожность заставила её встревожиться. А, вдруг, Сандра каким-то образом найдёт и прочитает письмо?..

Всё-таки, Виталик — её парень... Аня и так пол ночи не могла уснуть, решая — идти на свидание, или нет...

Проснувшись утром, она вдруг поняла, что не может сопротивляться собственным чувствам. В конце концов, она имеет полное право сходить на танцы. Что в этом плохого? Приедет или нет Виталик — вилами на воде писано. И, уж, во всяком случае, она ему не

сказала «да», у неё просто не было такой возможности.

— Ты на танцы вечером идёшь? — как будто прочитав её мысли, спросила Аля, как только Аня переступила порог клуба.

— Угу... — кивнула та, старательно отводя глаза, — Нас в баню пригласили, как раз до танцев успеем.

— А я не знаю, пойду на танцы, или нет... — Аля нарочито-равнодушно пожала плечами, — Что-то не очень хочется на этот балаган смотреть.

— Ну, тогда можешь в баню не торопиться. Михална сказала, что не будет её до ночи закрывать — можно и попозже сходить, если кому сейчас некогда. Она сказала, что вода долго тёплая остаётся, и печка не остывает.

— Спасибо за заботу...

От Ани не укрылся сарказм, с которым Александра произнесла эти слова. Она посмотрела на свою раскладушку, прикидывая, как бы незаметно заглянуть под матрас. Дождавшись, когда Аля отвернётся, сунула под него руку и с облегчением вздохнула: конверт был на месте.

Чтобы не оставаться наедине с Александрой, она нарочно вызвалась вместе с двумя другими девочками носить воду для бани и, собрав чистую одежду, выскользнула на улицу.

...Носить воду оказалось не очень лёгким делом — девочкам пришлось сделать минимум по десять заходов с двумя вёдрами, чтобы наполнить большие двухсотлитровые бочки и огромный, стоявший на печи, металлический чан. Они порядком умотались, и, когда, наконец, все резервуары были заполнены, были готовы рухнуть прямо в предбаннике.

К их искреннему удивлению, вода в чане нагрелась довольно быстро — не обманула Михална, когда рассказывала, какую чудо-печь сложил её покойный муж — нагревала та печь любую ёмкость очень быстро, так, что и заскучать не успеешь.

Мылись уставшие «водоносицы» первыми — с визгом окатывая друг друга прохладной водой из деревянных ушатов, хлеща спины берёзовыми вениками и намыливаясь ароматным земляничным мылом, которое принесла им всё та же Михална.

...Думая о том, что сегодня она, возможно, увидит Виталия, Аня чувствовала, как на неё накатывает неведомая ранее радость — сродни восторгу... Она громко хохотала шуткам подруг и шутила сама... она вообще не узнавала себя сегодня...

Когда, наконец, чистые, умиротворённые, расслабленные девочки выползли из бани, во дворе их ждала вторая «партия» студенток, своим видом выражающая недовольство долгим ожиданием.

Но Аняте было всё равно. Часы показывали четыре часа дня... Главное — протянуть время до семи. А там уже можно и собираться...

...Она старательно отводила глаза от Александры, поэтому не могла видеть, какие взгляды бросает на неё новая подруга...

В баню к Михалне Аля успела лишь в шестом часу вечера. Впрочем, причин для этого было несколько — во-первых, она убиралась на кухне и готовила ужин, а, во-вторых, ждала, когда хоть на несколько минут останется одна в помещении, чтобы воплотить в жизнь задуманное...

Дождавшись, когда оставшиеся студентки покинут клуб, она снова открыла чемодан Аняты.

Тёмно-коричневые, с округлыми носами, лакированные туфли на высоком каблуке,

которые аккуратная хозяйка помыла и завернула в целлофан, лежали в углу чемодана. Достав один из них, Аля принялась резкими движениями расшатывать каблук, то и дело поглядывая на входные двери, опасаясь, что Аня вот-вот вернётся.

...Аня вернулась лишь спустя двадцать минут, когда лакировки снова лежали на месте.

...На танцы девушки шли всей гурьбой — как и в прошлую субботу, но теперь их настроение было намного веселее — и от сегодняшней бани, и от того, что их картофельные работы подходили к концу. Ещё шесть дней, и они уедут в город...

— Ой!.. — где-то на середине пути Аня неожиданно споткнулась, — Девчонки, кажется, у меня каблук сломался...

Осторожно сняв одну туфлю, она в темноте пыталась разглядеть подошву — судя по всему, каблук пока не оторвался, но свободно шатался на крепеже, и Аня, надев лакировку, весь дальнейший путь проделала с крайней осторожностью. О том, чтобы вернуться назад, не могло быть и речи...

Придя в соседский клуб, она тут же уселась на скамейку в верхней одежде, сославшись на сломанный каблук.

Она даже была рада — можно был вполне оправданно ждать появления Виталия... Её огорчало лишь одно: Александра не отходила от неё ни на шаг...

«Приходит ночью она, когда восходит луна... Эта женщина — дьявол...» — бился в роковом экстазе солист сельского вокально-инструментального ансамбля, так и норовя проглотить микрофон. Разбившись на пары, молодёжь висла друг на дружке в мелькании цветомузыки и отблесках зеркального шарика под невысоким, давно не беленым потолком.

— Аля!..

В грохоте музыки Аняте показалось, что она услышала своё имя. Тут же вскочив, неожиданно столкнулась с высоким, симпатичным парнем лет двадцати, в форме курсанта. Было видно, что окликнул он вовсе не её, но, встретившись с ней взглядом, смотрел несколько секунд, не отрываясь, в синие-пресиние глаза...

Убедившись, что это не Виталий, Аня снова присела на скамейку, осторожно покосившись на Александра — так можно и выдать себя...

— Привет, — парень, улыбаясь, наконец перевёл взгляд на Алю, — потанцуем?

— Ну, давай... потанцуем... — та снисходительно улыбнулась в ответ и, встав, направилась на середину зала.

— Спасибо, что пришла.

— Да пожалуйста, — девушка пожалала плечами, — тебя хоть как зовут-то?

— Саша... — с готовностью ответил парень и тут же поправился, — Александр.

— Надо же... — покрутив головой, Аля усмехнулась, — Совпадение.

— Какое совпадение?

— Я тоже — Александра.

Танцуя с Александром, Аля то и дело бросала взгляд на входную дверь. Зная Виталия, она не сомневалась, что тот приедет обязательно... Не зря прислал Аньке письмо, а потом звонил по межгороду.

Он должен появиться здесь этим вечером... Она застывает его с поличным.

...Скользнув очередным взглядом по залу, Аля почувствовала, как тело окатывает холодной волной: скамейка, на которой только что сидела Аня, была пустой...

Это могло означать только одно: Виталик уже здесь, и она ушла с ним... Но когда?!

Она, Александра, явно пропустила этот момент. Скорее всего, он просто вызвал Свиридову через какую-нибудь местную девчонку.

— Идём на улицу? — не дожидаясь согласия, она внезапно потянула своего кавалера к выходу, — Идём!..

...Она успела увидеть спину Анюты — видимо, забыв о сломанном каблуке, та стремительно сбегала с крыльца, но на последней ступеньке неожиданно поскользнулась...

«Так тебе и надо!»

Аля уже хотела выкрикнуть эти слова, но внезапно остановилась как вкопанная... Откуда-то из-за кустов выскочил Виталий и тут же подбежал к упавшей Ане... Его внимание было приковано только к ней, поэтому стоявшую наверху крыльца Сандру он даже не заметил.

— Что случилось? — подняв девушку, он в свете фонаря тревожно вглядывался в её лицо, — Ты ударилась?

— Нет, — глядя на него, Анята счастливо рассмеялась, — у меня каблук сломался... совсем!

— И всего-то?!

— Всего-то, если не считать того, что мне придётся идти босиком.

— Не придётся...

...Почему-то Аля так и не смогла сказать ни слова. Она молча смотрела, как Виталий уносит Аньку на руках куда-то в кусты... Услышав через несколько секунд рёв мотоцикла, проводила взглядом уезжающую в неизвестном направлении счастливую парочку...

— Проводишь меня до деревни? — вспомнив о своём спутнике, она с отчаянием обернулась к нему, — Пожалуйста...

— Конечно, — тот растерянно смотрел на девушку, не понимая причины её резко изменившегося настроения, — только у меня увольнительная до двадцати двух. Успеем?

— Успеем... Мы всё с тобой успеем.

Глава 5.

Всю дорогу Аля то и дело прислушивалась — не зарычит ли где-нибудь «Ява» Виталия, но ночную тишину нарушал лишь шелест деревьев и звук шагов — её и курсанта Саши. Они прошли уже и лесополосу, и часть картофельного поля, но кроме пары собак не встретили абсолютно никого. Впрочем, дорога в соседнее село всегда была пустынной — деревенские ходили туда только днём, а молодёжь, отправившаяся с вечера на танцы, ещё не возвращалась.

Аля почти не надеялась, что встретит Виталика с Анютой. Скорее всего, они затерялись на одной из лесных дорог — вон сколько отвороток по пути... Но она упрямо шла вперёд, занятая своими мыслями, так, что почти не обращала внимания на своего спутника. Парень же, напротив, то и дело посматривал на хорошенькую девушку, но никак не решался завести с ней разговор — то ли из природной скромности, то ли из-за её сосредоточенности на какой-то, непонятной ему проблеме.

— Зря мы так рано ушли, — уже не подходе к деревне Саша, наконец, решил нарушить молчание, — можно было потанцевать.

— У тебя есть девушка? — Аля неожиданно остановилась и повернулась к молодому человеку.

— Сейчас — нет, — он как-то виновато пожал плечами, — а у тебя? У тебя есть парень?

— Уже нет. Слушай... — она окинула его оценивающим взглядом, — А ты всегда такой скромный?

— Почему — скромный?

— Ну... идёшь, молчишь... ни о чём не спрашиваешь.

— Мне кажется, у тебя что-то случилось. Я могу чем-то помочь?

— У меня всё отлично.

...Усмехнувшись про себя, Аля снова сделала шаг вперёд. Судя по всему, этот курсант Саша — тюфяк... идёт с девушкой и даже боится её обнять... Вот Виталик бы не терялся.

...Она даже не заметила, как с неба исчезли все звёзды, и даже луна... Огромная туча заволокла, закрыла пространство сверху, и разгулявшийся ещё в вечера ветер усилил свои порывы, с каждым из них становясь всё промозглей и холодней.

Капли дождя, начавшегося так некстати, сначала были редкими, но уже через минуту повсюду барабанили по подсохшей за день земле.

— Побежали! — Саша схватил девушку за руку и бросился вперёд, — Быстрее!

Чувствуя, как тонкое шерстяное пальто, которым она так гордилась, впитывает в себя ледяную влагу, Александра бежала чуть позади парня, рискуя поскользнуться на мокром грунте, но всё усиливающийся ливень только подгонял её, не оставляя выбора скорости передвижения.

За шумом дождя она едва услышала за спиной звук мотоциклетного движка — он был уже довольно близко, и Аля даже не успела обернуться, как мотоцикл с двумя седоками пролетел мимо неё и Саши, ослепив светом фары. В темноте ей показалось, что сидевший сзади человек — девушка, одетая в светлый плащ, такой, как у Анюты Свиридовой.

До деревенской улицы, освещённой фонарями, оставалось уже совсем недалеко, и Александра про себя проклинала и Аньку, и Виталика, и этот чёртов дождь, который не мог начаться пораньше — они с Сашей уже добежали бы до деревни, и она бы точно увидела, кто сидел на пролетевшем мимо мотоцикле.

Впрочем, это могла быть только знакомая ей «Ява»... Она хорошо знает её рёв, и может узнать из сотни других.

...Интересно, куда они проехали сейчас? К их «общежитию»?.. А, может, к кому-нибудь из деревенских? Виталий такой — запросто может завести короткое знакомство, тем более, на улице ливень, ни в лес, ни в поле не поедешь... Привёл Аньку к кому-нибудь в гости, зажимаются сейчас на чьей-нибудь веранде... А, может, и в бане.

Внезапная догадка осенила её — молнией ударила в голову, налетевшим ураганом растрепала мокрую тёмно-каштановую копну волос... Баня у Михалны!.. Та сама говорила, что не будет закрывать её до утра — вдруг, кто из студенток припозднится... А, что, если Анька утащила Виталика именно туда? Не под дождём же им тискаться...

Добежав до первого фонаря, Аля снова неожиданно остановилась.

— Ты спрашивал, можешь ли мне помочь... — она сверлила взглядом в темноте своего спутника, так, что он видел, как блестят её глаза, — Да, ты можешь помочь! Сходишь со мной ещё в одно место?

— Схожу, — под струями дождя парень добродушно улыбался, — если недалеко. У меня скоро увольнительная заканчивается.

— Да что ты заладил, увольнительная... увольнительная... Ты девушку провожаешь, и это — самое главное!

— Командиру это не объяснишь.

— Да успеешь ты к своему командиру... Тут недалеко!

Добравшись до клуба, Александра на всякий случай забежала внутрь, но лишь для того, чтобы убедиться — Анюта ещё не вернулась. Она промокла насквозь, но ей и в голову не пришло переодеться — она торопилась, чтобы успеть поймать с поличным своего парня и новую подружку. Она тут же выскочила на улицу и, схватив за руку Сашу, потащила его ко двору Михалны.

Окна дома бригадирши были полутёмными — судя по просачивающемуся слабому свету из-за штор, хозяйка смотрела телевизор. Прислонившись к забору, Аля тихонько присвистнула и, не дождавшись в ответ собачьего лая, вздохнула с облегчением — Михална отпускала на ночь своего пса, и, видимо, тот ещё не вернулся со своей собачьей гулянки.

Приложив палец к губам, девушка осторожно открыла незапертую калитку и уже собиралась обойти дом по деревянному трапу, как, бросив взгляд налево, почувствовала, как в душе всё холодеет — возле небольшого сарая стоял мотоцикл, очень похожий на «Яву» Виталика...

«Значит, они — здесь!»

Подойти поближе, чтобы убедиться в своей правоте, она не решилась — в этом случае ей пришлось бы пройти через освещённую фонарём часть двора. Не желая быть замеченной, она быстро пробежала в другую сторону, на задворки, увлекая за собой молодого человека.

...В бане, действительно, горел свет — он пробивался сквозь маленькое окошко предбанника, едва освещая растущие неподалёку кусты малины. Аля попыталась заглянуть внутрь, но окно было слишком высоко, и, кроме веников, висящих вдоль стены, увидеть ничего не удалось. Ей показалось, что сквозь шум дождя она услышала какой-то шорох, и, постояв ещё с минуту, вернулась к маленькому крылечку.

Перед тем, как взяться за дверную ручку, Аля обернулась к Саше и подняла на него горящие каким-то непонятным интересом глаза.

— Значит, так, — она произнесла это лихорадочным полусшёпотом, схватившись за его кисти, — мы сейчас заходим туда... Ты должен сделать вид, что мы... ну, ты понимаешь...

— Нет... — широко улыбаясь, парень отрицательно замотал головой, — Не понимаю...

— Ты что, совсем тупой?! Ты должен сделать вид, что я тебе очень нравлюсь... Ну, обними меня сразу, поцелуй, там... Скажи чего-нибудь громко...

— А что сказать-то? — видимо, продрогнув до костей, парень поёжился, но терпеливо ждал дальнейших «инструкций».

— Ну, что ты меня любишь... Не дошло?

— Ну, хорошо... А зачем?

— Ф-ф-у-у-у... — закатив глаза, Александра нетерпеливо выдохнула, — Ну, ты и тормоз... Делай, как я говорю!

...Толкнув дверь, она шагнула через порог и тут же повернулась лицом к Александру.

— Ну... давай... — её шёпот звучал так призывно, что парень невольно подался к ней и положил руки на тонкую талию поверх пальто, — Говори чего-нибудь...

— Подожди... — неожиданно он отстранился, чтобы закрыть за собой дверь, затем, приблизившись к девушке, снова обнял её...

...Целуясь с Сашей, Александра чутко прислушивалась к тому, что происходит за дверью помывочной. Она была в таком напряжении, что даже не почувствовала, как робкий поцелуй парня стал довольно откровенным... Она даже не ощутила тепла, хранимого предбанником благодаря всё ещё не остывшей печке...

— Ты вся мокрая... — парень прошептал ей это на ухо, и, почувствовав его горячее дыхание, Аля только сейчас поняла, как сильно она замёрзла.

— Подожди... — отстранившись от него, она близко подошла к двери в помывочную, — Тихо...

— Ты думаешь, что там кто-то есть? — он не хотел отпускать её от себя, и всё ещё держал за руку, — Давай, посмотрим...

— Я сама...

...Рванув на себя некрашеную дверь, Александра так и осталась стоять в тёмном проёме — судя по абсолютной тишине и темноте, в этом помещении никого не было. Она быстро поднялась по ступенькам и заглянула в парилку — там тоже было темно и тихо.

— А кого мы искали? — парень с улыбкой наблюдал за её передвижениями, — Я думал, мы просто зашли погреться.

— Да так... — Аля упрямо закусил губу, — Никого...

...Получалось, что она ошиблась — Анюты с Виталиком здесь не было... Но она могла дать голову на отсечение, что это его мотоцикл стоял сейчас во дворе Михалны...

В таком случае, эта парочка могла быть только в гостях у самой бригадирши. Но у неё в доме нет света, только от телевизора...

«А зачем им свет?..»

Картины измены Виталия так и мелькали в её воображении — одна ярче другой. Уж кому-кому, а как не ей знать его страстной натуры! Правда, до сих пор Але удавалось тушить сексуальный пожар в душе своего парня... Но она даже не задумывалась о том, что Виталий вполне может осуществлять свои мечты с кем-то ещё. Во всяком случае, ей не было известно ни об одной конкретной сопернице.

...Выходит, эта сучка Анька не устояла?.. И сейчас предаётся любовным утехам с её, Алиным, женихом буквально в десяти метрах отсюда?! Других вариантов нет, мотоцикл у сарая — лучшее доказательство того, что эти твари — здесь...

— Аля... — Саша повернул её к себе за плечи и попытался обнять, — Мне уже нужно идти... Но я хочу сказать тебе...

— Подожди... — девушка попятилась назад — в тёмное помещение, невольно увлекая за собой своего спутника, — Иди сюда... ты же замёрз...

— Мне уже пора, давай, я провожу тебя домой и побегу...

— Да иди же сюда...

...В бане было ещё теплее, чем в предбаннике. Это тепло было каким-то особенным... От него веяло запахом берёзовой листвы, мыла, деревянных бочек и чего-то ещё — непонятного, но заставляющего сердце биться ещё сильнее...

— Алька... — парень нехотя и очень вяло убирал её руки с пуговиц своей формы, — Что ты делаешь?..

— Ты весь промок... — она вдруг отняла от него руки и ловкими движениями растегнула своё пальто, затем, скинув его, снова принялась за китель курсанта, — Тебе ещё так далеко идти... нужно согреться...

— Вот именно — далеко... — невольно подчинившись её рукам, он уже не сопротивлялся, охваченный тёплым парным воздухом, этими особенными банными ароматами и прикосновениями девичьих ладоней к своему молодому, озябшему телу...

— Ты заболеешь... — то ли от нахлынувшей обиды, то ли от торопливости, с которой она принялась растирать мужские плечи, дыхание девушки вдруг стало прерывистым, —

Сейчас... только согрею тебя...

— Тогда не так...

...Оказавшись в кольце его рук, Аля и не подумала вырваться. Губы парня оказались неумелыми — это она поняла сразу, сравнив его поцелуй с поцелуем Виталика — целоваться он её всё-таки научил... Но ей понравилось такое положение дел — явная неопытность двадцатилетнего курсанта по сравнению с ней, семнадцатилетней девчонкой...

...Пусть думает, что она уже «взрослая»...

Взяв инициативу в свои руки, Аля решила продемонстрировать высший пилотаж в поцелуйном искусстве, и это ей, кажется, удалось... Яростно целуя в ответ, парень прижимал её к себе всё крепче, Але казалось, что теперь от него исходит жар... Жар, который согревает её продрогшие тело и душу...

...Она не стала сопротивляться его ладони, когда, проникнув под лёгкую блузку, та сжала девичью грудь... Она не стала сопротивляться, когда та же ладонь спустилась ниже... Она сама растегнула все пуговицы и крючки... Ей казалось, что всё происходит во сне, и то, что она сейчас делает — не на самом деле, а понарошку... из любопытства... и, что, когда она проснётся, всё будет по-прежнему.

Александра вообще потеряла счёт времени... Такого с ней никогда ещё не было — она, которая так старательно избегала взрослых отношений со своим женихом, сейчас полностью отдавалась ласкам совершенно незнакомого ей парня, в чужой бане, среди тазов и бочек с водой, рядом с закопчённой печкой и деревянной, некрашеной лавкой...

...

...Пришла Александра в себя сразу, как только почувствовала резкую боль... В один момент вернувшись с небес на землю, она с ужасом ощутила на себе разгорячённое тело парня, пригвоздившее её к жёсткой влажной лавке. Первым порывом было оттолкнуть, вскочить и, схватив одежду, убежать отсюда... но страх и стыд от того, что случилось, моментально сковали всё тело. Попытка высвободиться была настолько слабой, что распалившийся парень её просто не заметил, или принял за ответную страсть.

...Она была настолько потрясена осознанием непоправимости произошедшего, что даже забыла, что изначально это была месть. Накатившая истерика вдруг придала сил, и девушка начала сопротивляться более чувствительно... На этот раз попытка увенчалась успехом, хотя и не сразу — сначала парень вдавил её в лавку, но спустя несколько секунд Аля почувствовала, как его тело содрогнулось, а затем расслабилось, и, воспользовавшись этим, она буквально сбросила с себя партнёра.

...Озноб не бил... он колотил... Обхватив обнажённые плечи руками, Александра сидела на лавке, не в силах встать и одеться. Курсант Саша тоже сидел неподалёку — на другом конце, отвернувшись в сторону. Положив на колени локти, парень смотрел в одну точку и не двигался.

— Почему ты сразу не сказала?.. — Але показалось, что в его голосе сквозит искренняя боль, — Я ведь думал, что ты не в первый раз...

— Вот и радуйся... — озноб добрался и до зубов — они стучали так, что мешали говорить, — Будешь потом всем рассказывать...

— Ну, зачем ты так... — он повернулся к ней и хотел обнять за плечи, но девушка нервно дёрнулась, — Аля...

— Уходи.

— Ты прости меня...

— Ты не слышал? Уходи!

— Я провожу тебя.

— Не надо меня провожать! — она хотела выкрикнуть эти слова, но получилось похоже на какое-то нервное прерывистое мычание, — Иди, тебя командир ждёт!

— Я всё равно уже опоздал...

— Да уйдёшь ты или нет?! — она с трудом подавила дикое желание запустить в него чем-нибудь тяжёлым, — У-хо-ди!..

Молча натягивая на себя мокрую одежду, Саша то и дело поглядывал на девушку — она лишь накинула на себя пальто и снова опустилась на лавку. Затянув ремень, повернулся, чтобы попрощаться.

— Аля... — он сделал шаг в её сторону, но она вдруг подняла на него полный ненависти взгляд.

— Если ты хоть кому-нибудь проговоришься о том, что сейчас здесь произошло... я скажу, что ты меня изнасиловал. Ты понял?..

— Зачем ты так... Ты мне, действительно, нравишься...

— Мой отец — начальник управления внутренних дел... — Аля говорила, не слушая его слов, пристально глядя в голубые, полные искреннего непонимания глаза, — Понятно?! И, если ты хоть кому-то... хоть слово... Пойдёшь за решётку... Понял?!

— Я понял, — едва усмехнувшись, парень взялся за ручку двери, — но я всё равно хотел бы с тобой встретиться ещё раз... Может, скажешь мне свой адрес?

— Ничего я тебе не дам!.. — она всё же сорвалась на истеричный крик, — Тебя здесь не было, понял?! И меня — не было!.. И ничего — не было!..

— Так... — он снова шагнул к ней, — Я тебя здесь не оставлю. Одевайся, я провожу...

— Да уйдёшь ты или нет?! — вскочив с лавки, Аля схватила первый попавшийся под руку таз и запустила им в Александра, — Уй-ди-и-и-и!..

Уже оказавшись в «общезитии», на своей постели, Аля вдруг подумала, что оставила в бане кучу улик — и валяющийся таз, и сдвинутую с места лавку, и не замытые на ней капельки крови...

«Ничего... Так и надо этой старой своднице... Нужно было ещё и мотоцикл перевернуть... И, вообще — сжечь эту баню к чёртовой матери...»

Девчонки в этот раз вернулись поздно — после танцев они ещё какое-то время пережидали дождь в здании сельского клуба, и лишь потом отправились в свою деревню, увязая в грязи чуть ли не по колено. Анюты с ними не было, впрочем, Аля и не ожидала увидеть её среди остальных студенток...

Завернувшись в тонкое шерстяное одеяло, накинутое поверх белой простыни, она не сводила взгляда с раскладушки Анюты. Перебирая в памяти сегодняшний вечер, она пыталась убедить себя, что всё, что произошло между ней и Сашей — мсть Виталику... Он так хотел добиться её... так пусть теперь получит!..

... Чем больше она об этом думала, тем меньше оставалось уверенности в собственной правоте. Ей ужасно захотелось сию же минуту оказаться у себя дома, в своей комнате, в своей мягкой постели... оказаться и забыть обо всём, как о страшном сне. Не было ничего... не было — и всё. Этого Сашу она вряд ли когда ещё увидит... Он даже не знает её фамилии... Она, конечно, зря сказала ему про отца. Не стоило раскрывать о себе все карты... Их знакомство было мимолетным, и новой встречи не будет — в следующую

пятницу она с остальными студентками уедет отсюда вечерним рейсовым автобусом... Уедет, оставив здесь все воспоминания... Они никогда не встретятся. Её слова об отце он, скорее всего, забудет, или решит, что она наврала...

Да, так и будет.

...Увидев вошедшую в помещение Анюту, Аля нарочно прикрыла глаза, оставив лишь едва заметную щёлочку. Она наблюдала, как девушка раздевается, как ложится в постель... По её жестам и движениям Аля пыталась догадаться, как прошёл Анютин вечер в обществе Виталика... было ли у них «то самое», или нет?.. Одежда Свиридовой была абсолютно сухой, что только подтверждало догадки Александры о том, что Аня провела вечер с Виталиком в доме бригадирши.

Ей ужасно хотелось съязвить по этому поводу, а ещё больше — схватить эту сучку за волосы, и бить... бить... бить — вон о ту стену... Но она только сильнее стиснула зубы и плотно закрыла глаза.

Всё воскресенье Аля провела в постели — после вчерашнего ливня и переживаний у неё поднялась температура. Находящаяся в соседнем селе аптека была закрыта, поэтому лечиться приходилось лишь аспирином, который оказался в походной аптечке почти у каждой студентки.

Уже к обеду девушка почувствовала себя особенно плохо, и это было единственной причиной, по которой она удерживалась от скандала с Анютой.

Видимо, чувствуя свою вину, та пыталась ухаживать за подругой, чем вызывала у Альки откровенную тошноту.

— Не прикасайся ко мне... — процедила та сквозь зубы, когда Аня попыталась положить ей на лоб мокрое полотенце, — Уйди... поняла?..

— Ну, хорошо... — видимо, догадавшись о причинах неприязни, Анюта тут же отошла от больной и улеглась на свою постель. Начавшийся вчера дождь так и лил, и поэтому все воскресные прогулки были отменены.

— Девчата! — в неожиданно отворившуюся дверь ввалилась грузная фигура Михалны, — Что же это такое... а?!

Судя по решительному виду бригадирши, пришла она не с благими намерениями. Подбоченившись, Михална встала посреди комнаты, пронзительным взглядом окидывая всех девчонок, включая и молоденькую преподавательницу.

— Марьмихална, что случилось? — преподавательница первой отреагировала на визит неожиданной гостьи.

— Нет, ну, я понимаю, что молодые... что мама с папой не научили... Так взрослые же кобылы, сами должны понимать!..

— Да что произошло?!

— А ну, признавайтесь, кто вчера последний мылся?! — Михална обвела всех очередным, не обещающим ничего хорошего, взглядом, — Сами признавайтесь, я ведь всё равно вычислю!

— Я последняя мылась... — заранее зная о своём «алиби», Аля подала с раскладушки больной голос.

— Я не про тебя, — бригадирша махнула на неё могучей рукой, — после тебя я заходила, всё было в порядке. Я спрашиваю, кто ночью ходил?!

— Марьмихална, я за наших девочек ручаюсь, — преподавательница приложила ладонь

к едва заметной груди, — они после бани все ушли в село на танцы, вернулись вместе, ночью. Сразу легли спать... А что там, в бане?

— А там... — Михална недобро прищурила глаз, — Там сплошное безобразие! Тазы валяются, лавки сдвинуты, на лавках кровь... Я вас, как порядочных, пригласила... а мне — такая благодарность?!

— Нет-нет... Это какое-то недоразумение... Да и зачем им идти ночью в вашу баню, если они ещё с вечера помылись?!

— А вы их не выгораживайте... — взгляд женщины остановился на Анюте, — Тем более, что уже враньё.

— Я не вру!

— Врёшь. Не все они на танцульках-то были, некоторые кавалеров своих ко мне приводили...

— Каких кавалеров?!

— А таких, — Михална так и буравила Анюту взглядом, — ну, что смотришь?! Во сколько ты ко мне ночлежника привела? В девять?..

— Ну, и что... — залившаяся пунцовым румянцем Аня пожала плечами. — Вы же сами его пустили переночевать...

—пустила! В дом, а не в баню! Я в баню только женщин пускаю, мужикам тама неча делать!

— Мы не были в вашей бане... — взяв себя в руки, Аня гордо тряхнула волосами, — И, вообще... Такие вопросы, Мария Михайловна, обсуждаются с глазу на глаз, а не делаются достоянием всей общественности.

— Е-е-дри-и-ть твою в коре-е-ень... — всплеснув руками, бригадирша хлопнула себя по бёдрам, — Ты глянь! За собой убирать не научились, а права качать — только в путь! Я, что ли, с твоим кавалером на веранде до утра сидела?! Кроме вас с ним некому было в бане бедокурить!

— Да я уже в двенадцать ушла, спросите у девочек!..

— И не собираюсь! И мотоцикл евоный караулить целую неделю не собираюсь!

— Вам что, места во дворе жалко?! — Аня возмущённо округлила глаза, — Вы же видели, какой ливень, разве можно несколько часов ехать под открытым небом!

— Может, вы мне объясните?! — преподавательница решила вклиниться в разговор, — Я ничего не понимаю! Какой ночлежник, какой мотоцикл?!

— Ко мне приехал знакомый, — стараясь не глядеть в сторону Александры, Аня неохотно решила всё объяснить руководительнице, — на мотоцикле. Но пошёл дождь, и нам некуда было идти... Я попросила Марию Михайловну пустить его на ночь, а мотоцикл поставить во дворе... И всё. Она согласилась... напоила нас чаем, мы ещё телевизор у неё посмотрели, просидели часа два... Потом вышли на веранду... Я побыла с ним немного, и ушла. А он должен был утром рейсовым автобусом уехать, потому, что дождь сильный... И ни в какую баню мы не ходили!

— Ну, не знаю! — Михална сердито поджала губы, — Кроме вас там быть некому было. Так что давай... иди, убирай за своим... этим... как его...

— Виталиком, — Аля не смогла удержаться от язвительной реплики.

— Да каким Виталиком... — махнув рукой, женщина старательно вспоминала имя парня, — этим... как его... Вспомнила!.. Вадиком!

Глава 6.

Услышав произнесённое Михалной имя, Анюта испытала некоторое облегчение — сама того не ведая, бригадирша обеспечила ей алиби перед Александрой. Вернее, это сама Аня второпях назвала Виталика именем своего жениха — вчера оно первым пришло ей в голову, когда ливень загнал парочку под вынужденный кров. Сделала она это нарочно, чтобы в понедельник Михална случайно не проговорилась, с кем на самом деле заявила к ней Анюта субботним вечером.

...Ливень, заставший их в лесу, сначала только развеселил — попытавшись укрыться от него под разлапистой елью, Аня с трепетом прижималась к широкой груди парня. Виталий натянул полы своей болоньевой куртки на её плечи и, обхватив руками, собой закрывал от упругих, холодных струй. Его объятия были тёплыми, и девушка поймала себя на мысли, что ей не хочется, чтобы дождь прекращался.

Дождь и не думал прекращаться — как по заказу, он только усиливался с каждой минутой, так, что Анюта почувствовала, как её ноги в лакированных туфельках начинают замерзать. Каблук одной туфли был сломан, но, несмотря на это, ни она сама, ни Виталий не подумали сначала поехать в деревню, чтобы Аня смогла переобуться.

Выехав из соседнего села, они свернули на первой же развилке — ночной лес так и манил влюблённую парочку... Виталий собирался развести костёр, но не успел из-за ливня. Постояв немного под деревом и основательно промокнув, он предложил Анюте поехать в деревню — переждать ненастье.

«Сандра узнает, что ты приезжал...» — сразу подумав о своей подруге, Аня пробормотала эти слова куда-то ему в ключицу.

«Я не могу допустить, чтобы ты заболела», — наклонившись, он в темноте отыскал губами её губы...

Анюте снова показалось, что земля уходит из-под ног... Даже несмотря на холодный дождь она была готова стоять вот так всю ночь — в его крепких объятиях, чувствуя, как сладкая истома наполняет её с головы до ног...

Как и в прошлый раз, Виталий не переходил границ дозволенного, он только целовал её, и Аня чувствовала себя в полной безопасности.

...По дороге в деревню они обогнали двух человек, и Ане показалось, что в девушке она узнала Александру...

Доехав до клуба, она решила не рисковать и не тратить время на переобувание — Сандра за это время могла добраться сюда и увидеть своего жениха, приехавшего вовсе не к ней. Крикнув Виталику, чтобы он ехал дальше, Аня крепче прижалась к его спине.

Она понимала, что, приведи она Виталика к себе, то вернувшись Александра сразу заявит на него свои права. И неизвестно, как поведёт себя он в этом случае — ведь он ещё не порвал с Сандрой, и не успел сказать важных слов ей, Анюте...

Особого выбора у неё не было, у Виталия — тем более, он вовсе никого не знал в этой Богом забытой деревне, поэтому единственным местом, где они сейчас могли обсушиться, не рискуя быть «пойманными за руку», был дом бригадирши. Виталик был мокрым с ног до головы, а ему ещё предстоял обратный путь...

...Михална жила через два дома от «общежития» студенток, и уже через минуту Виталькина «Ява» притормозила возле её калитки. Помня о том, что бригадирша обещала не закрывать ни калитку, ни баню, Анюта решительно шагнула в уже знакомый двор. Ей даже в голову не пришло тащить Виталика в баню — во-первых, это было неприлично, учитывая их короткое знакомство, а, во-вторых, туда могла прийти сама хозяйка, или какие-нибудь её

запоздалые гости, поэтому девушка сразу направилась к дому.

На стук женщина открыла сразу и, увидев промокших и продрогших молодых людей, впустила их в дом. Представляя своего спутника, Аня в последний момент решила не называть его настоящего имени.

«Это мой друг, одноклассник, — от того, что ей пришлось соврать, девушка слегка покраснела и часто-часто заморгала, — его зовут Вадик. Он привёз мне посылку от мамы... а теперь не знает, как ехать назад, ливень никак не кончается. Можно, он у вас переночует, а то ехать сейчас очень опасно».

Легко согласившись, женщина сразу согрела чайник и выставила на стол свежеиспечённые оладьи. Жила Михална совершенно одна, поэтому восприняла поздних гостей чуть ли не как подарок судьбы. За столом она долго и пытливо расспрашивала Виталика и Аню про их родителей, про учёбу, и, слушая Анютины правдивые ответы, сам Виталий включился в невольную игру. Судя по выражению его глаз, роль «Вадика» он играл с артистическим азартом и очень ею увлёкся, так, что Аня едва сдерживала себя, чтобы не расхохотаться.

Телевизор у Михалны был старый, чёрно-белый, но Аня была рада и такому — она чувствовала себя почти одичавшей без телевизора, без походов в кино или кафе, без шумных городских улиц и танцев под кассетный магнитофон.

Мокрую куртку Виталика и Анютин плащ Михална повесила на протянувшейся через всю кухню бельевой верёвке, прямо над горячей печкой, и, дав обоим по паре шерстяных носок, поставила сушиться мокрую обувь.

Согревшись домашним теплом, Аня совсем не хотела покидать уютную комнату с незатейливой деревенской мебелью, и, усевшись рядом с Виталием на старом низком диване, уставилась на экран телевизора. Парень обнял её, и, положив ему голову на плечо, Аня невольно закрыла глаза.

«От чё делает, а?.. — сидевшая к ним спиной на стуле Михална хлопала себя по толстым ляжкам и укоризненно прицокивала языком, — Ты ж смотри, ни стыда, ни совести... Да бросит он тебя, дура ты безмозглая... Поматросит, и бросит!»

Сквозь сладкую полудрёму слушая комментарии бригадирши к французской мелодраме, Аня невольно улыбалась. Ей было так хорошо сейчас... она подумала, что так хорошо ей ещё никогда не было.

«Мария Михайловна, у вас на веранде можно курить?» — неожиданно Виталик отвлёк женщину от переживательной картины.

«Можно, Вадик, можно, — не отрывая глаз от экрана, та согласно закивала, — там и спички есть, на окошке».

...Выйдя с Виталиком на веранду, Аня не смогла сдержать улыбки, вспомнив, как он изображал «Вадика». Тусклый свет лампочки-двадцатьпятки едва освещал сбитое из деревянных досок помещение с двумя небольшими окнами по обеим сторонам, завешанными хлопчатобумажным тюлем с вытянувшимися краями. Под тюлем угадывались короткие занавески-задержушки, закрывающие обзор двора, и придающие окружающей обстановке эффект уединённости.

«Слушай, ты так правдоподобно говорил о своих родителях, — усевшись на стоящий возле стены сундук, покрытый плюшевым покрывалом, Аня подняла взгляд на Виталия, — мама — прачка, папа — шофёр... А кто они у тебя на самом деле?»

«Я не похож на сына прачки и шофёра?» — присев рядом, парень тут же заключил

девушку в объятия.

«Не похож...»

Кокетливо закусив нижнюю губу, Аня смотрела в его серые глаза — они были так близко...

Они снова целовались... целовались...

...Его дыхание становилось прерывистым, а руки ещё крепче сжимали девичье, прикрытое тонким батником тело, так, что в какой-то момент Аня вдруг испугалась — ей не показалось, она явно почувствовала, как тело парня напряглось... пробежав губами по её лицу, он спустился к шее... плечу...

«Не надо — так...» — девушка смущённо отстранилась и поправила расстёгнутый Виталиком ворот батника.

«Чего ты боишься?..» — всё ещё тяжело дыша, он не стал настаивать и разжал руки.

«Я не боюсь... — Аня опустила вниз глаза — длинные ресницы трепетно задрожали, — Я не боюсь, но... нет».

Наступило неловкое молчание. Видимо, ожидавший другого, Виталий рассматривал коробок спичек, едва улыбаясь уголком губ. Аня сидела рядом молча, не зная, что сказать... Да и как можно объяснить свои чувства парню, с которым едва знакома? Пока они только целовались, она не ощущала никакой опасности... но всё оказалось намного сложнее. Ну, как объяснить ему, что она совершенно не готова к «этим самым» отношениям? Она свято верит, что они должны наступать только после свадьбы. Если она ему сейчас скажет об этом, не подумает ли Виталик, что Аня намекает именно на свадьбу?

...Глупости. Она вообще ни о чём таком не думает. Просто Виталик ей очень нравится... Даже больше, чем нравится... Но ей вполне достаточно его объятий и поцелуев.

«Знаешь, я, наверное, пойду...»

Сказав эти слова, она вдруг поняла, что не в силах сдвинуться с места. Нет, она решительно не хочет уходить от него...

«Подожди... — он положил свою ладонь ей на руку, — Обещаю, что не сделаю тебе ничего плохого. Только не уходи...»

«Хорошо...»

Аня вдруг подумала, что впервые за всё время пребывания здесь, вдали от родных ей людей, она не ощущает чувства сиротства — вполне типичного для молодых девушек, покинувших отчий дом, чувства... И причиной этому — парень, знакомство с которым она теперь считает совсем не случайным... и даже то, что она отнимает его у другой девушки, её вовсе не смущает.

...Они ещё долго сидели на прохладной веранде — сходя в дом, Аня попросила у Михалны тапочки для себя и Виталия, и угодливая хозяйка дала ей ещё и свой пуховый платок — накинуть на плечи, пока сушится плащ.

«А, всё-таки, кто твои родители?» — не удержалась от вопроса Аня.

«Мать — актриса областного театра».

«А отец?»

«Он работает в обкоме партии».

«Где?!»

Услышав о том, что отец парня — высокопоставленный партийный работник, Аня слегка опешила. У себя дома она была комсоргом класса, позже — школьного комитета комсомола, часто посещала горком, знала многих комсомольских работников. Её покойный

отец был парторгом в своём преподавательском коллективе, и из его откровенных разговоров с матерью Аня имела кое-какие представления о жизни номенклатурных чиновников и их детей.

Сама она в душе всегда мечтала хоть немного приблизиться к этому кругу людей... Нет, не из жадности материальных благ — с этим у девушки было всё в порядке, она не была завистливой. Но ей казалось, что это — особенный круг, в котором собрались исключительно образованные, интеллигентные, имеющие большие перспективы люди.

...Это ночное общение с Виталием только укрепило мнение — парень оказался на удивление интересным рассказчиком, с широким кругозором и разносторонними познаниями... Он так увлекательно рассказывал ей о поездках за границу, перемежая свои впечатления с пересказом исторических фактов, что Аня слушала его, раскрыв рот. Ей казалось, что она, отличница, медалистка, не знает и десятой доли того, что знает этот красивый, умный, обаятельный парень...

...Около двух часов ночи они нехотя попрощались — Ане было пора возвращаться к себе, иначе руководительница могла спохватиться и решить, что с ней что-то случилось.

«Ты уедешь утром?» — уже одевшись, она стояла в дверях, готовая покинуть дом Михалны.

«Да, мне нужно как можно раньше попасть домой. Я не предупредил родителей, что уеду... Они не в курсе, будут волноваться».

«Ты такой отчаянный...» — её синие глаза смотрели на него с неподдельным восхищением.

«Я подумал, что, если не увижу тебя сегодня, то не смогу спокойно жить...»

«Но это же триста километров...»

«Для меня это не предел. Тем более, ради тебя...»

«А, если дождь не прекратится?»

«Я уеду рейсовым автобусом, он в шесть, я уже узнавал».

«А мотоцикл?»

«Приеду за ним в следующую пятницу... и увезу тебя на нём».

«Ты, и вправду, сумасшедший...»

«Это всё из-за тебя...»

Взяв с него честное слово, что, если дождь не прекратится, то он уедет автобусом, Аня, наконец-то, нашла в себе силы уйти. Виталик отправился в дом, на постеленную в «зале» кровать.

Только подходя к клубу, Аня вспомнила об Александре и о том, как сейчас посмотрит той в глаза.

— Ничего я убирать не буду! — Аня упрямо смотрела на Михалну, — Мы не заходили в вашу баню! Вы что, не слышали, что мы были на веранде?!

— Больно надо, слушать, чем вы там занимаетесь, — женщина нахмурила подведённые карандашом брови на полном лице, — а только кроме вас некому было туда ходить! Я вот ещё в ваш институт напишу, да родителям вашим, пусть узнают, кого воспитали!

— А вот вас, видимо, вообще никто не воспитывал! — от напрасных обвинений Аня чуть не плакала, — Что вы такое говорите, да вы права не имеете так говорить!

Выросшая в интеллигентной семье, девушка никак не могла взять в толк, как можно быть такой двуличной — ведь только вчера та же Михална гостеприимно принимала их с

Виталиком у себя дома, всё расспрашивала про родителей, про учёбу... выводывала все секреты... сушила их одежду, давала тёплые носки и тапки... А сегодня утром при всех откровенно пыталась опозорить её, Анюту, обвиняя в том, чего она вовсе не делала.

— Марьмихална, — преподавательница решительно встала и начала одеваться, — раз такое дело, то я согласна пойти и убраться в вашей бане. Я несу ответственность за своих девочек, и уверена в том, что они тут совершенно ни при чём, но, раз такое дело... то идёмте.

— И не стыдно тебе?! — бригадирша снова бросила сердитый взгляд на Анюту, — Человек, учительница, пойдёт твои грехи убирать?!

— Ну, хорошо, — Аня сняла с вешалки свою рабочую курточку, — я тоже пойду... но только чтобы доказать, что я там не была!

Всю дорогу до двора Михалны Анюта проделала молча, всем своим видом показывая, что крайне оскорблена, но, шагнув за калитку, удивлённо уставилась на дощатый сарай — вопреки словам бригадирши, мотоцикла там не было.

— Когда уехал Виталик? — девушка обернулась к женщине, — Вы же сказали, что не собираетесь караулить его мотоцикл...

— Какой Виталик?! — та недоумённо уставилась на Анюту.

— То есть... Вадик. Когда он уехал?

— Вадик-то с самого ранья уехал... — бригадирша сверлила Аню подозрительным взглядом, — ушёл на автобус... А вот кто на мотоцикле уехал, не знаю... Может, и Виталик...

— Но ведь он куда-то делся?! Мотоцикл...

— Смотрите, Марьмихална... — преподавательница двумя пальцами достала из висевшего на калитке почтового ящика сложенный вдвое тетрадный листок, — По-моему, чья-то записка.

— А ну, дай... — взяв листок пухлой ладонью, женщина развернула его и внимательно прочитала, затем снова подняла на Анюту глаза, — Вернулся твой Вадик... Пока я у вас была, приходил. Пишет, что автобус отменили, забирает мотоцикл и поедет на нём. Спасибо говорит, за всё...

— Как же он теперь, в такую грязь... — Аня беспомощно развела руками и посмотрела вокруг, — Даже автобус отменили...

— Этот доедет! — со знанием дела констатировала бригадирша, — Этот парень сквозь стену пройдёт, сквозь игольное ушко пролезет. Я всяких повидала... И соврёт — недорого возьмёт.

— С чего вы взяли, что он врёт?!

— А что, правду говорит? — Михална недоверчиво усмехнулась, — и мать у него прачка, и отец — шофер... А сам одет как артист, и мотоцикл — вона какой... как во вчерашнем кине.

...Придя вместе с руководительницей в баню, Аня брезгливо осмотрелась вокруг — царивший беспорядок явно свидетельствовал о том, что ночью здесь кто-то был, уже после того, как мылись студентки. Она вдруг вспомнила, как, сидя вместе с Виталиком на веранде, вдруг слышала с улицы сквозь шум дождя какой-то шорох, как будто кто-то шёл по двору. Она хотела выглянуть наружу, и уже потянулась к занавеске, но парень перехватил её руку, и потянул к себе...

Через какое-то время шорох повторился, но она снова была в объятиях Виталика, и ей

совсем не хотелось их покидать.

Она только сейчас подумала, что это могли быть люди, проникшие в баню к Михалне...

Аня повесила на место все тазы и веники, поправила широкую деревянную лавку... подсохшие за ночь капельки крови ярко выделялись на светлом дереве, и она не знала, как их замывать — было противно и обидно...

Оглянувшись в поисках какой-нибудь тряпки, девушка краем глаза зацепила что-то блестящее, жёлтого цвета. Нагнувшись, подняла неизвестно как попавший сюда предмет: латунная пуговица с выбитой звездой легла на ладонь...

Аня совсем не разбиралась в атрибутике, но сразу догадалась, что пуговица эта с военной формы. Решив пока не говорить о своей находке, торопливо сунула пуговицу в карман.

— Аня, — войдя в помывочную из предбанника, преподавательница окликнула девушку, — ты только не обманывай... Ты и вправду не была здесь ночью?

— Вера Андреевна, честное слово! — Анюта произнесла эти слова с таким достоинством, что не оставалось сомнений — она не обманывает.

— Я ведь отвечаю за вас, — Вера Андреевна всё же решила продолжить разговор, — вы ещё не совершеннолетние, и, если что, мне первой попадёт.

— Это — не моё, — показывая пальцем на кровь, Аня пристально смотрела женщине в глаза, — я же дала вам честное слово!

— Я верю тебе, верю... Но на будущее, очень прошу — не уходи ночью одна... Хорошо?

— А мне некуда идти, — Анюта пожала плечиком, — Вадик уехал, и мы скоро уедем...

...Она всё-таки замыла лавку и вместе с преподавательницей вышла во двор. Ане казалось, что её унизили — грубо и несправедливо. Проходя мимо Михалны, копающейся в грядках, девушка не смогла смолчать.

— Вот, что я нашла! — вытащив из кармана пуговицу, она показала её бригадирше, — Откуда это у вас в бане?!

— Чегойто? — прищурившись, та издали разглядывала блестящий предмет фурнитуры.

— Пуговица! Армейская, между прочим!

— Так, кто там был, тому и лучше знать, — Михална перевела взгляд на Анюту, — Ты ж сама запуталась, с кем была — то ли с Вадиком, то ли с Виталиком... Вот и выдала сама себя!

— Между прочим, вы оскорбили мою честь и достоинство! — гордо подняв подбородок, Анюта отчеканила эту фразу.

— Это какую честь? — бригадирша упёрлась руками в круглые бока, — Ту, что по лавке размазана?

— Ну, что вы такое говорите?! — Вера Андреевна возмущённо уставилась на Михалну, — Марьмихална, мы с вами две недели бок о бок, ни разу не поссорились... А тут — такое!..

— Так и в баню я вас в первый раз за две недели пустила. А тут — такое!..

...К себе Анюта возвращалась, чувствуя, как всё внутри кипит и клокочет. Она думала, что, если Сандра сейчас скажет ей что-то обидное, то она не сдержится, и выдаст всё, что о ней думает...

А что, собственно, она о ней думает?.. Ничего, кроме того, что, по сути, увела её жениха...

Или ещё — не увела?..

Всё произошло так внезапно, совершенно неожиданно, и сама Аня ещё не осознала всех перемен...

...Мир перевернулся. Он стал совершенно другим... не таким, каким был раньше.

Ведь раньше в нём не было его — Виталия...

Войдя в клуб, Аня сразу ощутила на себе восемь пар любопытных глаз. Вернее, семь. Восьмая пара смотрела на неё с неприкрытой враждой, даже с ненавистью, и Аня впервые за все дни пожалела, что их с Сандрой раскладушки стоят рядом.

Единственное, чего она никак не могла понять — откуда та узнала, что Виталик вчера приезжал... Неужели кто-то из местных, с кем общался парень перед тем, как вызвать Аню из клуба, проговорился?

Вряд ли... Откуда им знать, кто — он, кто — Сандра...

Но Сандра точно была в курсе их тайны — это Аня прочла в её глазах вчера ночью, вернувшись от Виталика... Или она узнала их, когда они обгоняли её на мотоцикле?..

Стоп!.. Сандра была не одна!.. Аня заметила рядом с подругой мужскую фигуру, и, кажется, фигура эта была одета в военную форму...

Ну, конечно!.. Сандра шла в деревню не одна, а с курсантом... Уж не с тем ли, который пригласил её танцевать?..

— Ну, как там Вадик?.. — подруга смотрела с нескрываемой злобой, — Уехал?..

— Вадик?.. Да, уехал... — Аня лихорадочно соображала, что бы ответить, — Зато я кое-что нашла там, в бане...

— Что же ты там такого нашла?

— А вот что...

...Остаток дня Александра провела так же, в постели. Ночные воспоминания накатывали то и дело... они отзывались в душе болью и раскаянием, осознанием непоправимости, а, самое главное, абсолютной абсурдности произошедшего.

Закутавшись в одеяло с головой, девушка сквозь небольшую щёлку смотрела не отрываясь на стоявшую рядом с раскладушкой тумбочку — на крашеной белой краской поверхности одиноко лежала немая латунная свидетельница её неудачной мести... Наверное, чтобы сильнее задеть её, Сандру, Аня нарочно оставила пуговицу здесь, на виду.

Борясь с желанием схватить и закинуть куда-нибудь подальше. Аня продолжала смотреть на маленький жёлтый предмет, как будто наказывая себя за бессмысленный, дурацкий поступок.

Наконец, не выдержав, протянула руку... какое-то время подержала злополучную пуговицу в зажатом кулаке... затем села на постели и, придвинув к себе свой чемодан, открыла его и бросила пуговицу внутрь.

Глава 7.

К вечеру воскресенья Александре стало совсем плохо. Температура поползла дальше вверх, начался сильный кашель, от которого содрогалось и болело всё тело. Аспирин явно не помогал, и Вера Андреевна вызвала местного фельдшера. Ни о каком выходе на работу в понедельник не могло быть и речи, и, решив, что будет лучше известить Алькиных родителей о её болезни, преподавательница отправила им телефонограмму из сельсовета.

Кроме обычных писем у Александры была телефонная связь с домом — её мать

регулярно заказывала междугородние переговоры на номер деревенского клуба, и в назначенное время Аля ожидала звонка. Сегодня же звонок от Вероники Григорьевны прозвучал вне расписания — получив телефонограмму, та немедленно заказала разговор. Узнав о том, что дочь сильно простыла, женщина пообещала завтра же прислать за ней транспорт, и ещё минут десять инструктировала Веру Андреевну, как лечить простуду, если под рукой нет лекарств.

...Уколы, сделанные фельдшером, сбили жар и, проснувшись ночью в холодном поту, Аля почувствовала некоторое облегчение, сопряжённое с сильной слабостью. Но душевную рану лекарства излечить не смогли, и девушка какое-то время лежала на своей раскладушке, с ненавистью глядя на свою соседку. Это ведь она... она во всём виновата!.. Это она увела у неё парня... увела подло, исподтишка, до последнего притворяясь подругой... Это из-за неё Аля вчера сделала непоправимую ошибку!.. Это она — причина всех её бед!..

Аня спала, отвернувшись к стене, её волосы мягкой копной лежали на подушке, и Александра, как и вчера, ощутила непреодолимое желание ударить свою соперницу. Чем дольше она смотрела на Анюту, тем сильнее было это желание...

...Проснувшиеся от непонятного шума студентки сначала не могли понять, что происходит — сидя на краю раскладушки Ани Свиридовой, Александра пыталась улечься на подушку, но подушка почему-то шевелилась, из-под неё раздавались какие-то глухие звуки...

— Аля!.. — Вера Андреевна первой сообразила, в чём дело и, вскочив с постели, подбежала к девушке, — Что ты делаешь?!

— Убью, сучка!.. Сдохни!.. Сдохни!.. — Александра изо всех сил, которые у неё остались, колотила кулаками по подушке, брошенной на Анютино лицо, — Тварь!..

— Прекрати немедленно! — преподавательница оттащила девушку в сторону — это ей удалось без особых усилий: Аля к этому моменту истратила все свои силы, и сама была на грани обморока.

Кое-как уложив одну свою подопечную в постель, Вера Андреевна тут же кинулась к другой — выбравшись из невольного плена, перепуганная Аня громко всхлипывала, размазывая по щекам обильно текущие слёзы. Она крепко спала, когда подушка Александры накрыла ей лицо, и, проснувшись, девушка ощутила жуткий страх и панику. Если бы Аля не была так слаба, то кто знает, чем бы закончилось это ночное нападение, но её силы быстро иссякли, так, что к моменту пробуждения остальных Анюте почти удалось самой сбросить с себя нападавшую.

Проснувшиеся девчонки сонно потянулись «на разборки», но Вера Андреевна уговорила их снова разойтись по своим раскладушкам. Сама она остаток ночи провела рядом с Александрой, время от времени отходя к Анюте, чтобы успокоить, и пытаясь внушить той, что на самом деле Аля была в бреду и не могла себя контролировать...

Перепуганная насмерть Анюта тихонько проплакала до утра, в душе не понимая, почему преподавательница не подняла шума и не вызвала милицию — девушка была твёрдо уверена, что Александра хотела её задушить.

Когда на следующий день за девчонками пришла машина, Вера Андреевна не поехала вместе с ними на поле, а осталась с Алей, заодно взяв на себя обязанности дежурной. Она долго пыталась разговорить девушку, расспрашивала, что послужило причиной её поступка, но та упрямо молчала... Вернувшись на обед, студентки обнаружили, что Александры и её вещей нет — буквально полчаса назад за ней приехал автомобиль из ведомства её отца, и девушку увезли домой.

Оставшиеся до окончания полевых работ дни Анюта почти ни с кем не общалась, и на все любопытные расспросы отвечала уклончиво. Несмотря на полную неясность, все девчонки сделали для себя вывод: ссора между подругами произошла на почве ревности, из-за парня... и неизвестно, как теперь будут развиваться их отношения и дальнейшая учёба в одной группе... И что, учитывая должность родителя Альки, скорее всего, победа будет именно на её стороне.

Дождавшись последней рабочей пятницы, Анюта с облегчением собрала свой чемодан и, в последний раз окинув взглядом деревенский клуб, вместе с остальными вышла на улицу и направилась к остановке междугороднего автобуса.

Первые три недели её взрослой, самостоятельной жизни принесли много событий... Она и представить себе не могла, что ожидает её этой осенью, но в одном была твёрдо уверена: в её жизнь пришла настоящая любовь... и ни за что на свете она не откажется от этой любви... Ни за что на свете!

...Если только Виталик сам не изменит своего решения...

Вернувшись в город, Анюта с огромной радостью встретила со своей соседкой по комнате Нелькой — по приезде в колхоз её отправили в другую деревню, и подружки не виделись с того самого дня. После неудачной «дружбы» с Сандрой, Ане показалось, что она встретила по-настоящему близкого и родного человека. С Нелли ни подружились ещё на вступительных экзаменах, и теперь, оказавшись соседками, сблизилась ещё больше. Сбегав в магазин, девчонки устроили пир в своей комнате, и целый вечер делились впечатлениями.

Аня так долго носила в себе свою тайну, что не смогла смолчать, и всё рассказала про Виталика и про все события последних дней... Её глаза горели, а щёки покрылись нежным румянцем, когда она рассказывала о любимом парне, так, что Нелли в конце концов стало ясно: её новая подруга «пропала» окончательно!

— Слушай, ну, он, вообще-то, ничего... — вспоминая парня, который переносил их через грязь, Нелька одобрительно кивала крашеной перекисью водорода головой, — Симпотный!

— А ты знаешь, кто его родители?! — уплетая жареную крупными ломтиками картошку с солёным огурцом, Анюта восторженно округлила синие глаза.

— Кто? — Нелли не отставала от подруги и, подцепив вилкой выложенную на тарелку кильку в томате, с аппетитом отправила её в рот, — Ну, кто, Ань?! Начальник какой-нибудь?

— У него мать — артистка! Играет в областном драмтеатре.

— Ни фиги себе... — красиво очерченные Нелькины брови удивлённо поползли вверх, — А папаша?

— А отец — работает в обкоме. Партийная шишка, мне кажется, поважнее, чем отец у Сандры.

— Да какая она Сандра?! — блестящие от масла губы скривились в презрительной гримасе, — обос...андра...

Громко прыснув от придуманного слова, обе девушки закатились весёлым смехом. Аня, которая сидела рядом со своей кроватью, повалилась на неё, держась руками за живот. Нет, всё-таки Нелли — замечательная соседка и подруга, несмотря на своё явно пролетарское происхождение. Она весёлая и остроумная, не ползет за словом в карман... И с ней можно откровенничать смело, не то, что с Сандрой...

Аня вспомнила, как в первые дни знакомства вечерами болтала с той, думая, что нашла

себе достойную собеседницу... Теперь ей казалось, что Сандра с самого начала внушала недоверие своим явным высокомерием по отношению к другим и привычкой вызывать на откровенность... Хорошо, что Аня не очень-то откровенничала с ней, так, немного рассказала про Вадика, про свои увлечения, про родителей... Она наивно думала, что новая подруга в ответ так же расскажет о себе, но Сандра крепко держала язык за зубами. Впрочем, Аняте не очень-то было интересно узнавать про её высокопоставленного отца... если честно, она больше ждала рассказа о Виталике... Но о своём парне Сандра предпочитала не распространяться — вообще.

— Представляешь, она меня хотела задушить! — после ужина, расслабившись, девчонки разошлись по кроватям и теперь негромко и откровенно переговаривались.

— Ну, а остальные — что?! — подложив под голову руку, Нелли удивлённо смотрела на Анюту, — Неужели тебя не поддержали?!

— Поддержали... Но, знаешь, как-то тайком... Как будто боялись, что она услышит.

— Это всё из-за её отца. Никто не захочет с ним связываться...

— Я тоже так подумала.

— Ну, а Виталик?.. Ему ты рассказала?

— Пока нет, мы недолго сегодня виделись, — вспомнив о парне, Аня смущённо улыбнулась и слегка покраснела, — представляешь, подъезжаем мы на автобусе, а он стоит... Городских по пути высадили, остались только те, кто из общаги, никто никого не встречает... Только — меня!

— Да, здорово... — Нелли мечтательно закатила глаза, — Романтично так!..

— Ой, знаешь, он такой романтичный... — Аня последовала примеру подружки — синий-пресиний взгляд устремился вверх, — И отчаянный... Когда в первый раз приехал в деревню на мотоцикле, я подумала, что он ради Сандры... А он потом говорит — Аня, это всё ради тебя... Представляешь?!

— Представляю...

— Он вообще... такой... Я даже передать не могу...

— А как ты теперь с этой... обос...адрой?

— Не знаю, но... почему-то, я её не боюсь. Я знаю, что Виталик меня не даст в обиду.

Аля поправилась за неделю — мать подняла на ноги знакомых врачей, и ежедневные лекарства и процедуры сделали своё дело. В институт девушка пришла уже в начале октября.

Всё это время Виталик почти не появлялся на её горизонте — он позвонил лишь один раз, чтобы справиться о её здоровье. По его тону Аля поняла, что звонил парень из вежливости, и, скорее всего, с подачи своей матери, которая поощряла его увлечение Александрой. Ссылаясь на занятость, он всё откладывал визит к ней домой, и увиделись они только после её выздоровления — возле крыльца института, в котором училась Аля.

— Привет, — выйдя из корпуса, девушка с удивлением увидела на ступеньках своего парня, — не ожидала тебя здесь увидеть...

— Привет, — при виде её Виталик заметно растерялся, но быстро справился с собой, — ты уже совсем поправилась?

— Странный вопрос после такой долгой разлуки... — подняв на парня чуть прищуренный взгляд, Аля усмехнулась, — Или ты ждал не меня?

— Нет, почему... — было видно, что он на ходу придумывает, чем бы оправдать своё присутствие здесь, но делает это очень вяло и неохотно.

— Ты пешком или на «Яве»?

— Я на машине.

— Ну, поехали... — дерзко глядя ему в глаза, Александра поправила модную кепи на голове, — Что?.. Что-то не так?..

— Послушай...

— А... — она «понимающе» скривила красивые губы, — Понятно... Ты здесь по другому поводу... Да?

— Сандра... — парень собирался с духом, чтобы сказать что-то важное для них обоих, но в последний момент перевёл взгляд куда-то за спину Александры, — Да.

— А вот и другой повод... — оглянувшись, девушка насмешливо хмыкнула, — Значит, я была права.

— Нам с тобой нужно серьёзно поговорить, — Виталик произнёс эти слова торопливо, не сводя взгляда с остановившейся на верхней ступени Анюты, — но не сейчас.

— Да ладно, не переживай... — собрав всё своё мужество, Аля хлопнула его по плечу, — Я же всё понимаю. Не все такие недотроги, как я... Попалась лёгкая добыча, да. Виталик?.. Ты хоть пользуешься изделием номер два? Настоятельно рекомендую, во избежание серьёзных последствий.

— Перестань.

— Да мне-то что... Это тебе потом лечиться. Кто-то любит интеллектуальные беседы... А кто-то деревенскую баню с мужиками... Так что, счастливо развлекся!

Выпалив эти слова, Александра торопливо сошла с лестницы и почти бегом направилась к автобусной остановке. Она сегодня впервые пришла на занятия, и вот, надо же... Видимо, Виталик не знал о том, что врач закрыла ей больничный... Пришёл встречать эту тварь... И она хороша! И не боится же!.. Нищая медалистка. Да попади она в её, Алину компанию, парни не оставили бы без внимания эту провинциальную куклу!.. Жаль, что Олегу не удалось её обломать... и придушить её не удалось... Но ничего, всё ещё впереди.

Виталика Аньке она не простит. Она его любит... она поняла это окончательно после того, как он охладел к ней.

Сначала она сильно переживала... ей было стыдно перед ним, она не знала, как посмотреть ему в глаза... Но потом Александра постаралась убедить себя, что её измена — это справедливая месть... и, что, когда он вернётся, у неё будет причина его простить...

А он вернётся. Обязательно.

...Первые десять дней учёбы прошли спокойно — больная Сандра не посещала занятия, и Аня почти забыла обо всех неприятностях. Виталик пришёл к ней сразу же после её возвращения — Анюта увидела его, как только вышла из автобуса во дворе общежития... Он каждый день встречал её с занятий, и они вместе гуляли по городу, заходили в кафе, просто сидели в парке на скамейке... Аня даже не задавала себе вопроса — как ему удаётся совмещать собственную учёбу с этими встречами... Она безоговорочно принимала его ухаживания, а, вернее, любовь... и любила... любила сама...

И даже вернувшаяся на учёбу Сандра не смогла испортить ей настроения...

Лишь однажды, после занятий, Анюта слегка понервничала, когда увидела Виталика рядом с бывшей невестой на крыльце института. Почувствовав, как внутри всё холодеет, она замерла на верхней ступеньке...

...Лицо и улыбка Виталика сказали за него абсолютно всё! Аня сразу поняла, что она —

любима им... любима и желанна, и что встреча с Сандрой — лишь случайность, и не стоит переживать из-за такого пустяка...

...Несколько раз Виталик заходил к ней в общежитие — сначала Аня смущалась, представляя, насколько убога обстановка её жилища по сравнению с тем домашним убранством, к которому привык сын высокопоставленных родителей, но потом успокоилась — парень вёл себя так, будто сам привык к спартанской жизни, и совершенно не обращал внимания на пока необжитые апартаменты Ани и Нелли.

К концу октября Аня уже привыкла к мысли, что она — любимая девушка Виталия Мясникова, завидного жениха, студента престижного вуза и просто обаятельного, умного и порядочного парня. Она уже не с таким трепетом принимала от него цветы, и даже командовала, на какой ряд взять билеты в кино. Она воспринимала Виталика как часть самой себя, и искренне удивлялась, как она раньше жила без него... Она честно написала обо всём своему школьному другу Вадиму, а заодно и матери, которая в каждом письме теперь спрашивала о Виталике и просила дочь не делать необдуманных поступков... Читая эти строки, девушка улыбалась. Никаких необдуманных поступков и быть не может! Виталик любит её искренне, и ему от неё ничего не нужно!

Внимания на Александру Анюта старалась не обращать, и это ей удавалось. В аудитории они сидели далеко друг от друга, и после занятий не пересекались. Ане стало казаться, что Сандра успокоилась и смирилась с потерей жениха, во всяком случае, та не проявляла никакого видимого интереса к его с Анютой отношениям.

Единственное, чего никак не могла дожидаться Анечка, было знакомство с родителями Виталия... В глубине души она считала, что он должен познакомить её с отцом и матерью, это было бы залогом его искренних чувств... Но он молчал, и к себе Анюту пока не приглашал.

Веря ему безгранично, Аня терпеливо ждала этой заветной минуты...

...Непривычное для себя головокружение Аля впервые ощутила на занятиях в институте. Записывая за преподавателем, она вдруг с удивлением обнаружила, что пишет не в строчку — буквы резко поехали вверх, при этом сама девушка ощутила, что не понимает, где пол, а где потолок... Аля не знала, на что списывать своё состояние, и вечером рассказала обо всём матери. Та посетовала, что дочь накануне поздно легла спать и не выспалась, но на следующее утро сама насторожилась: за завтраком Александру вдруг затошнило, и девушка убежала в туалет.

Отца при этом не было — он уже уехал на службу, и Вероника Григорьевна решила допросить дочь с пристрастием.

— Аля, — мать пристально смотрела на побледневшее лицо Александры, — ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Ты о чём? — та подняла искренне удивлённый взгляд.

— У вас было что-нибудь с Виталиком? — в ожидании ответа Вероника затаила дыхание, — Только не скрывай!

— Мама, ну, ты что?! — судя по выражению лица, Александра говорила правду, — Нет, конечно!

— Ты не обманываешь?..

— Нет!

С облегчением вздохнув, женщина принялась обмахиваться бумажной салфеткой, всем

своим видом показывая, какой камень упал с её души. Решив, что и тошнота, и головокружение — результат какого-нибудь заболевания, она сказала, что запишет дочь на приём к врачу в ведомственной поликлинике мужа.

Но надолго успокоиться не пришлось — и тошнота, и головокружение повторились снова, и встревоженная мать провела собственное расследование, основанное на особенностях женского организма, что только добавило тревоги — дочь утверждала, что у неё «всё нормально», но делала это так неубедительно, что у Вероники Григорьевны появились серьёзные сомнения в её правдивости.

— Ты меня обманываешь, — приперев Александру к стенке, мать сверлила её пытливым взглядом, — Аля, скажи правду! Поверь, это лучше, чем скрывать... всё тайное становится явным!

— Мама! — Александра чеканила слова, глядя в глаза матери, — У меня с Виталиком никогда и ничего не было! Я не вру! И мы с ним больше не встречаемся, я же тебе говорила, он нашёл себе какую-то дуру!

— Ну, хорошо... — обескураженная искренним тоном дочери, Вероника Григорьевна задумчиво смотрела на своё отражение в зеркальном серванте польской стенки, уставленном хрустальными вазами и фужерами, — В таком случае, завтра же я записываю тебя на обследование. Здоровье нужно беречь...

...Вечером, в постели, Александра никак не могла уснуть. Мысль о беременности в результате одной-единственной близости даже не приходила ей в голову, и она сначала искренне возмущалась словам матери... Но, когда спустя неделю, приступы тошноты участились, она «вспомнила» и о других признаках, о которых знают даже дети, и которые она списала на простуду две недели назад...

Ужасная догадка, которая до этого лишь маячила где-то вдалеке, теперь обрушилась на неё, как горная лавина...

«Этого не может быть...»

Но как тогда быть с признаками?.. Как ни крути, а они — есть. С той самой ночи, о которой она боялась даже вспоминать, прошло уже около месяца... Если бы знать наверняка!..

Решив пока не признаваться матери ни в чём, она с покорностью сдала все анализы и прошла ряд обследований. Результат и радовал, и огорчал одновременно: судя по всему, девушка была абсолютно здорова.

О своей тошноте Александра больше не рассказывала, стараясь скрывать её от матери, но та замечала всё: и внезапную бледность, и плохой аппетит.

— Завтра мы с тобой идём к гинекологу, — «обрадовала» она дочь в одно прекрасное утро.

— Что значит — мы с тобой? — Аля недоумённо нахмурилась, — Вместе, что ли?

— Да, вместе. Вернее, идёшь ты, а я — с тобой.

— Зачем?

— Затем, что ты несовершеннолетняя. Так положено.

— Я не пойду.

— Что значит — не пойду?! — мать сверлила дочь пронзительным взглядом, будто пыталась по глазам считать информацию, — Аля, я хочу знать наверняка, что с тобой происходит!

— Со мной всё в порядке, — девушка угрюмо уставилась в чашку чая, — и никуда я не

пойду.

— Доченька... — решив сменить тактику, Вероника Григорьевна участливо положила ладонь на Алину руку, — Послушай меня... Ты ещё очень юная девочка... Ты могла совершить ошибку... Такое бывает, и, поверь, я хочу тебе только добра!

— Мама, ну, хватит! — Александра нетерпеливо дёрнулась, — Послушай, мне надоели твои версии...

— Нет, это ты меня послушай! — голос матери снова стал металлическим, — Послушай, а потом фыркай! Пока мы говорим без участия отца, а ты можешь себе представить подобный разговор в его присутствии...

— Да уж... — девушка усмехнулась, но, тем не менее, тут же замолчала в ожидании монолога матери.

— Пока мы говорим об этом вдвоём... И, если ты расскажешь мне всю правду, я обещаю тебе, что придумаю, как решить эту проблему, если она есть... В противном случае, завтра мы идём к гинекологу... И, если подтвердится то, о чём я пока только догадываюсь, твоя беременность станет достоянием гласности... ты меня понимаешь?!

— Не совсем.

— Аля, прекрати! — мать изо всех сил опустила кулак на стол, — Я повторяю ещё раз! Если всё вскрыется в кабинете гинеколога, я не ручаюсь, что эта новость тут же не разнесётся по городу! Она дойдёт до отца! А что тогда будет — ты даже представить не можешь... Даже я не могу этого представить!

— Ну, хорошо... — от слов Вероники Григорьевны Аля вдруг сникла и опустила глаза, — А что будет, если... если я всё расскажу?..

— Тогда я обещаю тебе, что решу все вопросы самым бескровным способом. Только не скрывай, слышишь?!

— Слышу.

— И?..

— Мама... — девушка вдруг покраснела с ног до головы, — Мне кажется, ты права... Я — беременна...

Глава 8.

Несмотря на то, что Вероника Григорьевна сама вызвала дочь на откровенность, признание Александры повергло её в настоящий шок. Возможно, женщина до последнего надеялась, что дочь всё-таки рассеет её тревогу, но правда совпала с самыми худшими предположениями.

В первый момент она даже не смогла сказать ни слова, а только сидела, чувствуя, как перехватывает дыхание. Глядя на мать, Аля серьёзно перепугалась, и, сбегав на кухню, принесла той стакан воды.

— Боже мой... Боже мой... — потирая кончиками пальцев виски, Вероника Григорьевна, наконец, тяжело задыхалась, — Нет... только не это...

— Мамочка... — побледневшая ещё больше Александра присела перед ней на корточки и схватила за руки, — Мамочка, что с тобой?!

— Что со мной... что со мной... — глядя в одну точку, мать, казалось, впала в ступор, но спустя минуту, вдруг перевела взгляд на дочь, — Так... спокойно... только спокойно...

— Мам, попей... — Аля снова протянула стакан, — Может, лекарство какое-нибудь принести?..

— Нет... — нервно сглотнув, женщина сделала глубокий вдох и медленно выдохнула, —

Ничего не нужно...

— Мама...

— Подожди... всё потом... все эмоции — потом... Сейчас ты ответишь мне на вопросы.

Поняла?

— Поняла...

— Виталик уже знает?

— Нет, я...

— Я сказала. Пока ты только отвечаешь на мои вопросы... — мужественно сохраняя хладнокровие, женщина изо всех сил сцепила пальцы рук, — Кто ещё знает об этом? Ты с кем-то делилась?

— Нет, — пожав плечами, Александра покачала головой, — ни с кем.

— Какой срок? Когда у вас всё произошло?

— Четырнадцатого сентября...

— Подожди... — мать непонимающе нахмурилась, — ты же была на картошке... А... ну, да, он же приезжал, кажется, да?..

— Он приезжал, но...

— Подожди... — судя по выражению лица, женщина о чём-то сосредоточенно думала, — Выходит, он приехал, и... ну, подлец... Вот подлец!..

— Мама...

— Не защищай!.. Он — подлец, потому, что знал, что ты несовершеннолетняя, и всё равно... Попользовался, а теперь другую нашёл?! Сволочь!.. Ну, ничего... ничего... Ему не отвертеться!..

Вскочив с места, Вероника Григорьевна нервно ходила из угла в угол, лихорадочно соображая, как исправлять возникшую ситуацию. Она даже не заметила, как, изменившись в лице, Александра попыталась что-то сказать... попыталась, но в последний момент передумала.

— Так... Отцу пока ни слова... Вообще — никому ни слова... Поняла?..

— Поняла, — Аля покорно кивнула и, подумав о чём-то, отчаянно закусил губу.

— Главное, знать наверняка... — мать говорила, жестикулируя одной рукой, а другой упершись в бок, — Пока мы не знаем наверняка, ни один человек на свете не должен ничего знать... Иначе дойдёт до отца, и тогда... О, Боже...

Представив себе, какой разразится скандал, если супруг узнает о том, что его семнадцатилетняя дочь вступила в половые отношения с мужчиной, Вероника схватилась за голову и со стоном опустилась на мягкое кресло. Супруг был старше её на десять лет, и глубоко чтит мораль. В семейных разговорах он не раз намекал, что не пощадит даже родных детей, если они собьются с пути и будут вести безнравственный образ жизни. О том, что будет, если окажется, что Александра, действительно, беременна, женщина предпочла даже не думать.

— Мама... — Александра снова присела возле матери, — Тебе плохо?

— Нам будет плохо... ты даже не представляешь, как нам будет плохо... Отец убьёт нас обоих...

— Мама... Ну, может, ещё не подтвердится...

— Хорошо бы... Хотя я уже сомневаюсь... Но ничего... Ничего... Он у меня ответит! Я его посажу!..

— Кого?!

— Виталика... — женщина схватила дочь за плечи, — Он ответит за всё!

— Не надо его сажать... Мама, ты что?! — Аля испуганно смотрела на мать, — Он ни в чём не виноват!

— Как это?! — та недоумённо вытаращилась на дочь, — Он против тебя — взрослый мужчина! Он тебя совратил, и должен будет понести наказание!

— Мамочка... я его люблю...

— Любишь?.. ну, да... — новая мысль осенила Веронику Григорьевну, — Он женится... Да-да, женится, ничего, годом раньше, годом позже...

— Мы больше не встречаемся, — Александра угрюмо уставилась на носок своего тапочка, — у него сейчас другое увлечение.

— Это неважно! Ребёнок его, значит, женится он на тебе. Это спасёт и меня, и тебя... и Виталика. Я сейчас же звоню его родителям!

Вскочив на ноги, Вероника торопливо схватила телефон и уже собралась набирать номер квартиры Мясниковых, но Аля вырвала у неё из рук трубку.

— Мамочка, не звони... Пожалуйста!..

На лице дочери был написан такой неподдельный испуг, что мать растерянно опустила руки.

— Не звонить?! Почему?..

— Не надо... пожалуйста...

— Я не понимаю... почему ты не хочешь, чтобы я позвонила? Тогда будет не так страшно рассказать всё папе... Ты боишься?.. Но чего?.. Он тебя запугивал?

— Да нет же...

— Подожди... он что, тебя изнасиловал?!

— Мама, нет!.. — теперь Александра смотрела так умоляюще, что казалось, ещё чуть-чуть, и она упадёт на колени.

— Тогда объясни, почему? Ты сама только что сказала, что любишь Виталика... Если ты не хочешь его прощать, то я должна сказать тебе...

— Нет... дело не в этом...

— Тогда я звоню, — Вероника Григорьевна снова решительно потянулась за телефоном, — не вижу причин молчать... Во всяком случае, когда вернётся папа, мне будет, чем смягчить ситуацию. Виталик тебя совратил, но он — отец твоего ребёнка...

— Он не отец!..

Услышав ответ дочери, женщина неожиданно замерла... Постояв так несколько секунд, медленно повернулась.

— Что?!

— Виталик — не отец, мама...

— Как — не отец?.. А кто тогда... отец?..

— Ты его не знаешь...

...Вернувшийся запоздно Семён Ильич с удивлением втягивал носом запах валокордина вперемешку с валерьянкой и лицезрел, как совершенно больная на вид супруга с перевязанной полотенцем головой лежит на кровати в полуобморочном состоянии. На все его вопросы Вероника отвечала, что у неё резко поднялось давление, и что завтра ей будет уже лучше.

После того, как ей пришлось во всём признаться матери, Аля почувствовала небольшое

облегчение. Всё это время она носила в себе невыносимую боль, так и не выветрившуюся после возвращения домой. И то, что её бросил Виталий, и её опрометчивый, непоправимый поступок, и, как следствие, наступившая беременность — все эти беды свалились на девушку в один момент, и даже высокое положение, которое занимали её родители, не могло повлиять на её сегодняшнее состояние, а, напротив, только усугубляло его. Напрасно все думают, что «элитные» дети избавлены от проблем, или могут решать их одним щелчком пальца высокопоставленного папы... Зная своего отца, Аля могла не сомневаться: его проклятие будет обеспечено ей до конца дней.

Единственное, что оставалось — довериться матери и надеяться, что той удастся «что-нибудь придумать».

Услышав полную версию исповеди дочери, Вероника Григорьевна чуть не потеряла сознание. Она никак не могла взять в толк, что всё, что рассказала ей Аля — чистая правда. Если её связь с любимым Виталиком она могла понять и даже оправдать, то близость с незнакомым парнем, в какой-то деревенской бане, на деревянной лавке не поддавалась материнской логике. Она сначала не поверила, решив, что Аля просто выгораживает Виталика, но дочь призналась, что в тот вечер он был уже с Анютой.

Обречённо понимая, что разговор с мужем неизбежен, Вероника Григорьевна в ближайший выходной вместе с Алей нанесла визит своей матери, и Алькиной бабушке, чтобы получить от той необходимые совет и поддержку.

...

Инга Мелентьевна, высокая, сухощавая шестидесятипятилетняя дама, всю жизнь проработала врачом-фтизиатром, но, несмотря на то, что лечила чужие прокуренные лёгкие, сама дымилась как паровоз добрую половину жизни. Более того, курила она не «Родопи» и не «Ту-134», и даже не «Приму». Инга Мелентьевна курила исключительно «Беломор», и никогда не изменяла своей вредной привычке.

Дверь своим дочери и внучке женщина открывала, по обыкновению, с папиросой во рту, с ярко подведёнными чёрным карандашом глазами и высокой причёской, которую она делала ежедневно, независимо от «выхода в свет».

— Мама, у нас беда... — Вероника произнесла эти слова, как только за ними закрылась дверь

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Невозмутимо устроившись за кухонным столом, Инга Мелентьевна глубоко затаилась и подняла на дочь чуть прищуренный взгляд. Невысокого роста, с довольно большим бюстом и округлыми формами, Вероника не была похожа на свою мать. Она была намного женственнее, мягче и передала по наследству свои черты Александре.

...Выслушав дочь, Инга Мелентьевна не повела даже бровью, она так и сидела с невозмутимым видом, закинув ногу на ногу, как будто ожидая продолжения рассказа.

— Я не знаю, что делать... — Вероника подняла на неё умоляющий взгляд, — Понимаешь, я не могу отвести её к своему гинекологу... Вдруг, беременность не подтвердится, а слухи поползут... Эти Зеленские всё разнесут по белу свету... А, если подтвердится, придётся делать аборт, и что тогда будет, я представить себе не могу!.. Сеня меня не простит... Он так печётся о своей репутации, что мне иногда кажется, что он готов променять нас на своё доброе имя!

— А я тебе говорила... — Инга Мелентьевна впервые нарушила молчание, — Он — самодур.

— Мама, что нам делать?.. Я не хочу никакой огласки!..

— Если бы ты только могла себе представить, что хранят истории болезней высшего эшелона власти... Ты бы ужаснулась. Ты слишком мало вращалась в этом кругу... — женщина потянулась за очередной «беломориной», — Ничего, привыкнешь.

— Так что нам делать?!

— Как что? — мать неторопливо прикурила от спички, — Рожать.

— Да что ты, мама... — Вероника замахала ухоженными руками, — Об этом и речи не может быть! Ты можешь себе представить, дочь начальника УВД рождает в восемнадцать лет, без мужа! Это же позор!

— Аборт Але делать я не позволю, — голос у Инги был прокуренным: низким, с хрипотцой, и эти слова она произнесла таким тоном, что молчавшая всё это время внучка подняла на неё испуганные глаза.

— Бабушка... — девушка положила на стол руки и чуть подалась вперёд, — Но как же я — потом?!

— Как все. За всё приходится платить... Но только не абортom.

— Мама... — Вероника снова попыталась обратиться к матери, но та перебила её на полуслове:

— Первую беременность прерывать нельзя! Ты хочешь, чтобы она осталась бесплодной?!

— Я не знаю, как скажу Сене...

— Так и скажешь. Не убьёт. А, если сделаете аборт, я сама ему обо всём расскажу. Вот аборта он вам точно не простит.

— Мама!..

— Бабушка!..

— Я сказала! И вы меня знаете.

— Тогда у нас один выход... — Вероника посмотрела на дочь, — Найти этого парня...

— Зачем? — Инга Мелентьевна удивлённо приподняла брови, — Насколько я поняла, Аля замуж за него не рвётся?

— Нет, конечно... — Александра недовольно сморщилась, — Я Витальку люблю...

— Хорошо же ты его любишь... — бабушка усмехнулась, — Или это сейчас так модно?

— Нет-нет... его нужно найти, — для пущей убедительности Вероника стукнула ладонью по столу, — пусть тоже несёт ответственность!

— Ты хочешь посадить его за изнасилование?! — Инга переводила взгляд с дочери на внучку, — А смысл?!

— При чём тут смысл?! Это же его ребёнок! Должно быть какое-то оправдание!..

— Так оправдание или обвинение?! — бабушка повысила тон и остановила взгляд на Александре, — Как зовут этого мальчика?

— Саша...

— Удивительное совпадение... Теперь скажи, только честно... Ты сама пошла на этот шаг?.. Или он тебя заставил?.. Учти, что, если ты сейчас соврёшь, будешь потом мучиться всю жизнь.

— Сама... — низко опустив голову, Аля почувствовала, как глаза наполняются слезами — впервые за эти дни она собралась расплакаться.

— Вот видишь... — Инга Мелентьевна перевела взгляд на Веронику, — Сама... А ты парня по такой статье посадить захотела...

— Мама, мы к тебе за советом приехали, а ты так ничего толком и не сказала! — Вероника обиженно поджала губы, — И аборт нельзя, и парня искать нельзя, и обвинять его нельзя... А что можно-то?!

— Я сказала — рожать. А парня... лучше не трогайте. От того, что его посадят, Але легче не будет, только грех на душе. А суд, а следствие?.. Сами знаете, придётся всё грязное бельё наизнанку вывернуть... А огласка?! Нет... если и искать этого Сашу, то лишь для того, чтобы сказать о ребёнке. Вдруг, сам обрадуется?

— Да не нужен он мне! — Алька в сердцах выскочила из бабушкиной кухни, — Можете вы понять, или нет?!

...Вернувшись домой, Вероника Григорьевна никак не могла успокоиться. Визит к матери ничего не дал. Ни один из вариантов решения проблемы не устраивал — то её, то Александру. Напрашивалось единственное решение — всё рассказать отцу, и ждать его «приговора»... но, подумав, женщина решила подождать ещё какое-то время, чтобы уже наверняка убедиться в беременности Александры и подготовить почву для разговора с мужем... Она договорилась с дочерью оставить всё в глубокой тайне, благо время пока позволяло не предпринимать никаких действий.

...Вероника Григорьевна впервые за много лет была рада, что супруг очень занят на работе. Напряжение, в котором она теперь пребывала, лишило её сна и покоя... Перебирая в мыслях события последних дней, женщина во всём винила мужа...

...И, действительно, что за абсурд?! С их дочерью случилась беда, а она, мать, не может ей помочь, хотя положение Семёна Ильича даёт огромные возможности! Но она не может ими воспользоваться, потому, что он, видите ли, «не той закалки»! Он боится запачкать своё имя, и по этой причине она не может обратиться за помощью в его ведомственную поликлинику... А, ведь, её мать права — там лечится всё милицейское руководство, включая жён и детей, и какие только болезни их не поражают — вплоть до наркомании и венерических заболеваний! И не стесняются, тащат за руки своих чад, умоляют о спасении!.. И плевать им на общественное мнение!.. Мало того — на служебных машинах вылавливают своих деток по значным местам... А она — жена начальника, боится попросить, чтобы её подкинули до работы!.. Другие вон на рынок, по магазинам личных водителей гоняют... Но только не она!..

Она вынуждена скрывать от мужа абсолютно всё — знакомства на торговых базах, в гастрономах... ей даже пришлось соврать ему, что новую модную польскую стенку она купила в магазине по записи... хотя на самом деле она приобрела её «по блату», через знакомого товароведа...

Да что там говорить!.. подчинённые Семёна Ильича имеют намного больше, чем их начальник!.. Они пользуются всеми благами, которые приходят вместе с должностью, как оклад и форменный костюм... и являются неотъемлемой частью этой самой должности.

...Как ей хочется всё это высказать супругу... Это же он!.. он настоял на том, чтобы Аля ехала на эту чёртову картошку!.. Если бы она осталась дома, ничего этого бы не случилось!.. И в её ужасном поступке тоже есть вина отца! Он совершенно не занимался своими детьми... всё ловил преступников, поднимался по служебной лестнице... «приносил пользу Родине»... а в это время его собственные дети росли без отцовского глаза — разве можно считать воспитанием еженедельные нудные лекции о морали и нравственности?! Дети перестали воспринимать его нравоучения... более того — они начали делать всё наоборот, тем самым выражая свой протест!..

...И вот — результат. Он запугал всех своей репутацией, и из-за этого она, Вероника, теперь боится признаться ему в беременности их дочери... боится довериться своему врачу... Она всего боится!

...Нет, это неправильно. Она должна принять какое-то решение. Аля, конечно, виновата... но она ещё так молода... а кто не делает ошибок в молодости?.. И кто, как не мать, должен прийти на помощь?!

— А классно иметь подругу с таким богатым женихом! — слизывая с пальцев сливочный крем, Нелька бросила на Анюту довольный взгляд, — После каждого визита твоего Виталика у нас царский ужин с тортом и букет цветов!

— Ну, пока ещё не жених... — пряча счастливую улыбку, Аня нарочито пожала плечами, — А насчёт богатства я и сама не знаю... Мне как-то всё равно...

— Главное, не растолстеть! — подружка отрезала себе очередной кусок бисквитного торта и придвинула чашку с чаем, — Ты не вздумай за него до конца учёбы замуж выходить!

— Почему?!

— Потому, что без тебя никто уже ничего вкусенького не принесёт!

— Да ладно, скажешь тоже... Я вообще про это не думаю.

— А ты думай. Упустишь, другого такого не найдёшь. Кстати, ты у него дома так и не была?

— Пока нет. Но я и сама не хочу.

— Почему?

— Страшно... Представляешь, у них даже домработница есть! Я себе такого и представить не могу.

— Ничего себе, буржуи...

— Виталик говорит, что, на самом деле, его маме некогда заниматься домашним хозяйством, она постоянно в театре, или на гастролях... Отец тоже вечно занят, вот они и держат домработницу.

— Интересно, какая у них квартира? — управившись с тортом, Нелли собрала грязные чашки и блюда со стола, — Наверное, как вся наша секция?!

— Не знаю, я не спрашивала... неудобно как-то, — Аня взяла из рук подруги посуду, — давай, я сама помою...

Выйдя в общую кухню их секции, девушка прошла к раковине и открыла воду. Сегодня они с Виталиком гуляли по городу, а, когда она собралась домой, он купил им с Нелькой торт. Он вообще постоянно балует её — цветами, сладостями... Иногда ей кажется, что он относится к ней, как к ребёнку — бережно и ласково... Он старше её на три года, и через несколько дней у него день рождения — двенадцатого числа, как и её собственный... Только она родилась в марте, а Виталик — в ноябре. Но она почему-то думает, что это совпадение чисел — неспроста... Может, он и есть — её судьба?..

Хорошо, если так... Иначе она просто умрёт от горя...

...А ещё он сказал, что хочет отпраздновать свой день рождения только с ней вдвоём... и пригласил её в ресторан. Она ещё ни разу в жизни не была в ресторане! Наверное, это смешно, но это — так...

Она пойдёт в ресторан со своим любимым парнем!.. Она наденет самое красивое платье... Она сделает причёску в парикмахерской... Она не будет надевать косынку, чтобы не помять уложенные волосы!..

Это будет самый счастливый день в её жизни... Двенадцатое ноября тысяча девятьсот восемьдесят второго года...

Только бы не было дождя...

— Татьяна Алексеевна, вы понимаете, что этот разговор и всё остальное должно остаться между нами? — Вероника Григорьевна пристально посмотрела на женщину в белом халате, сидящую за столом своего кабинета, — Я отблагодарю вас, и в дальнейшем вы можете рассчитывать на мою помощь, если она вам понадобится.

— Я всё понимаю, — врач Татьяна Алексеевна смотрела на свою посетительницу поверх больших очков в светлой оправе, — в любом случае, я обязана хранить врачебную тайну, поэтому можете ни о чём не беспокоиться.

— Але нет ещё восемнадцати, поэтому, сами понимаете... но я, как мать, даю своё согласие...

— Вероника Григорьевна... — врач сняла очки и устало потёрла переносицу, — Давайте, не будем забегать вперёд. Приводите дочь завтра, и, если ваши опасения подтвердятся, назначим день...

— Да-да... Только, прошу вас заранее... Муж не должен ни о чём знать, это будет катастрофа... Но он одиннадцатого ноября уезжает в командировку на целую неделю... Всё нужно будет сделать именно в этот период.

...Вернувшись домой, Вероника сразу прошла в комнату дочери — надев наушники, та слушала магнитофонную запись концерта зарубежной группы. При виде матери, девушка и не подумала выключить музыку, так что той пришлось снимать с неё наушники самой.

— Завтра мы идём к гинекологу. Я договорилась, — присев напротив, Вероника пристально посмотрела на дочь.

— И когда?.. Ну, это... операция...

— Отец уедет одиннадцатого... Думаю, в этот же день.

Глава 9.

Вероника Григорьевна проснулась очень рано. Вернее, она практически не спала всю ночь, и предутреннее забытие, накатившее внезапно, вряд ли можно было назвать сном. Поставленный с вечера будильник нарушил тишину, и женщина нехотя поднялась с постели.

Посмотрев на всё ещё спящего супруга, накинула на плечи яркий шёлковый халат и вышла из спальни. Семён Ильич должен был встать ровно через пять минут — эта привычка выработалась у него за много лет: услышав во сне будильник, он ещё ровно пять минут пребывал в состоянии покоя, а затем просыпался самостоятельно, чем до сих пор удивлял своих домашних.

Выйдя на кухню, женщина зажгла газовую плиту и поставила на неё полный чайник. Её двоюродная сестра, исполнявшая обязанности домработницы, приходила к девяти утра, поэтому утренний кофе Вероника варила собственноручно. Завести домработницу ей посоветовала знакомая, жена ответственного партийного работника, и первое время Вероника Григорьевна стеснялась, да и супруг был категорически против. Но позже, прислушавшись к мнению подруги, Вероника всё же уговорила мужа, обосновав свою просьбу желанием помочь своей родственнице — Галя, так звали двоюродную сестру, жила в глухой деревне, совершенно одна, и с охотой переехала в областной город. В этом был двойной смысл: получив новую квартиру, Семён Ильич прописал Галю в старой, и оставил там жить, благо прежняя квартира не была ведомственной. Женщине было тридцать пять,

она была младше Вероники на семь лет. Детей у Галины не было, замуж она не собиралась, и, обустроившись на новом месте, полностью погрузилась в свои новые заботы: приносила продукты, готовила обед и ужин, убирала квартиру своих высокопоставленных родственников, пока они и их дети были на работе и учёбе. Естественно, Галина не была в курсе всех дел семьи, все разговоры с дочерью по поводу беременности и предстоящего аборта Вероника Григорьевна вела в отсутствии сестры, и теперь сосредоточенно придумывала причину, по которой Гале не нужно было бы приходить в ближайшие несколько дней, чтобы не заметить отсутствия Александры и потом случайно не проговориться Семёну Ильичу, что его дочери не было дома целых три дня.

— Доброе утро, — проснувшийся супруг появился в дверях кухни, на ходу затягивая пояс дорогого махрового халата в крупную бело-коричневую полосу.

— Доброе утро! — широко улыбаясь, Вероника подошла к мужу и, обняв, расцеловала в обе щёки, — товарищ полковник, разрешите поздравить вас с профессиональным праздником!

— Спасибо, Верочка, — Семён Ильич послушно поворачивал лицо для поцелуев, сохраняя серьёзное выражение, — ну, хватит, хватит... Зацеловала...

— Заметь, зацеловала любя! — жена лукаво блеснула глазами и, открыв двухкамерный холодильник, достала оттуда заранее припасённый торт, — Скорее умывайся, и за стол!

— Вот это я не буду, — махнув на торт рукой, супруг открыл ящик импортного кухонного гарнитура розово-перламутрового цвета, и достал оттуда пачку «Мальборо», — и, вообще, наверное, завтракать не буду.

— Как это — не будешь?! — Вероника Григорьевна продолжала доставать из холодильника продукты — копчёную колбасу, голландский сыр, сливочное масло, сгущённые сливки.

— Нет аппетита. Пожалуй, только кофе выпью.

— Но я готовила тебе праздничный завтрак! — супруга расстроено опустила руки, — Сеня, так нельзя... Ты сейчас уедешь на целый день, пока поздравления, награждения... Когда ещё тот банкет?!

— Ничего, мы народ ко всему привычный. Да, машина за тобой придёт в половине пятого, будь готова, концерт ровно в пять.

— Хорошо, — жена послушно кивнула, — ты съешь хоть кусочек торта, Сенечка...

— Пусть Алька торт ест, а то я вчера на неё посмотрел — бледная какая-то, худая... Учёба на неё так действует, что ли?!

— Наверное... — мгновенно побледнев, Вероника отвела глаза и начала демонстративно намазывать кусочки белого батона сливочным маслом, — Не привыкла ещё, да переживает из-за Виталия...

— А что с Виталием? — супруг собрался выйти из кухни, но, услышав имя дочкиного жениха, обернулся в дверях.

— Представляешь, он её бросил, — женщина с деланным равнодушием продолжала делать бутерброды, — глупость, конечно... Но она сильно переживает.

— Бросил?... — хмыкнув, Семён покрутил головой, — Не знал...

— Да когда тебе, Сеня?! У тебя своих забот... да и ерунда это всё, первая любовь... Пройдёт...

— Если честно, мне он не очень нравился. Слишком дерзкий, авантюрного склада... Олег-то с ним всё ещё дружит?

— Дружит...

— Плохо...

— Ну, почему? — Вероника Григорьевна пожала плечами, — Ничего плохого не вижу.

Виталий умный, начитанный, у них с Олегом общие интересы...

— Знаю я их интересы. Не далее, как вчера ребята из шестого отделения задержали одного такого начитанного молодчика — разбил витрину в ювелирном магазине!

— Ужас... — Вероника Григорьевна поёжилась, — Ограбление, да?

— Если бы. Выбирал своей девушке кольцо. Да не понравилось, как его обслужили...

Ты только представь, Вера, ему — двадцать лет, а он кольцо золотое покупает!

— Ну, может, ему родители деньги дали...

— Ясное дело, что родители! Так вот в родителях вся проблема. Когда проверили документы, оказалось, что это — Антон Ракитин...

— Ракитин?.. — нахмурившись, Вероника как будто вспоминала, где она слышала эту фамилию, затем снова подняла взгляд на мужа, — Это что, сын Ракитина?..

— Догадливая, — хмыкнул Семён Ильич, — именно. Так вот, вместо того, чтобы заключить этого мерзавца под стражу, ребята были вынуждены отвезти его домой, чуть ли не с извинениями! И, заметь, это далеко не первый, и, уверен, не последний случай!

— Сенечка, Ракитин — второй секретарь, а Мясников просто курирует культуру...

— Вот именно — просто курирует... Ты думаешь, почему он Виталия не пустил учиться в Москву?! Да потому, что там не будет ему такого снисхождения! Там своя элита... случись что, разбираться не будут, кто его отец, потом, может, и вспомнят. А здесь выйдет сухим из воды, как и этот Ракитин. А всё почему? А потому, что родители совести не имеют — ни партийной, ни человеческой! Нет... не те люди теперь в партии... не те...

— Ты прав, — супруга понимающе кивнула, — Знаешь, я думаю, что, если бы не муж, то и жена Мясникова не играла бы главных ролей в своём театре. По моим наблюдениям, она не самая талантливая актриса.

— О чём и речь.

...Проводив мужа на службу, Вероника вздохнула с облегчением. Ещё немного, и проблема, которая не даёт ей спокойно жить, будет решена. Сегодня — день милиции, она взяла на работе отгул, чтобы присутствовать на праздничных мероприятиях вместе с мужем. По плану у неё посещение салона красоты, приготовления, праздничный концерт и банкет вместе с супругом. День пролетит в приятных хлопотах и мероприятиях.

А завтра... Завтра Семён уедет в командировку. Она проводит его рано утром... А потом отвезёт Александру в больницу.

Она долго сомневалась — что делать... но после мучительных размышлений пришла к единственно правильному, на её взгляд, решению: сделать дочери аборт. Это, конечно, опасно... но что в наше время не опасно? Даст Бог, всё обойдётся без осложнений, и Семён ни о чём не узнает. Зато Аля сможет продолжать учёбу и жить нормальной жизнью. Она ещё слишком молоденькая, чтобы становиться матерью, тем более, без мужа. Мало того, что это — позор для их такой благополучной семьи, так это ещё и препятствие для её личного счастья. Она ещё встретит своего мужчину...

У неё впереди вся жизнь.

...

— Мама, мне не будет больно?.. — Вернувшись из института, Александра уединилась с матерью в родительской спальне, пока Галина в соседней комнате гладила вечернее платье

Вероники для поездки на праздничный концерт в честь дня милиции.

Девушка, кажется, впервые за эти дни всерьёз задумалась, какая процедура ожидает её завтра.

— Нет, не будет, — посмотрев на дочь через зеркало трельяжа, мать снова принялась красить длинные ресницы, — тебе сделают наркоз, ты ничего не почувствуешь.

— Скорее бы... — усевшись на кровать, Аля нервно постукивала носком ступни по полу, — Так хочется, чтобы всё поскорее закончилось.

— Закончится. Главное, не выходи из своей палаты и не общайся ни с кем. Ты будешь лежать одна, поэтому можешь не беспокоиться...

— Мама... а можно сделать так, чтобы меня выписали сразу?.. какая разница, где я буду лежать, дома или там, в больнице?

— Нет... это очень серьёзная операция... И поэтому ты должна оставаться под наблюдением врача. Тем более, что папы не будет дома, это такой шанс!.. Если бы не его командировка, у нас бы ничего не получилось. Так что настраивайся... И ничего не бойся. Через два часа я уеду на концерт, а ты никуда сегодня не ходи...

— Вероника, Семён Ильич звонит, — внезапно в дверь заглянула Галина, — просит срочно подойти к телефону...

После ухода матери Аля так и осталась сидеть на родительской кровати, глядя в одну точку... Узнав, что ей предстоит сделать аборт, она испытала настоящее облегчение. По своей, ещё детский, наивности она даже представить себе не могла, что это за процедура, и ждала её с нетерпением. Ей совершенно не хотелось становиться матерью, тем более, что она ничего не знала об отце ребёнка, кроме имени и фамилии, которые запомнила совершенно случайно. Она даже не знала, сколько ему лет, и откуда он родом. Курсант военного училища Саша Морозов больше не появлялся в её жизни, и Александре ни разу не пришло в голову, почему он не сделал ни одной попытки разыскать её — зная институт и курс, это было не так сложно. Однако, парень так и не объявился, а ведь сам говорил, что она ему нравится. Впрочем, она была этому рада — ей совсем не хотелось видеться с ним... никогда.

Всё, что осталось у неё на память о своём неуклюжем шаге во взрослую жизнь — латунная форменная пуговица, которую она зачем-то бросила в свой чемодан там, в деревне...

— Аля, — неожиданно вошедшая мать растерянно остановилась посреди комнаты, — у нас непредвиденные обстоятельства.

— Какие?

— Отец никуда не едет...

— Почему? — дочь удивлённо округлила серые, с поволокой глаза, — Он же собирался...

— Командировка отменяется.

— И как теперь?.. Мне же завтра в больницу...

— Ничего не получится, — Вероника медленно подошла к кровати и присела рядом с Александрой, — если только...

— Что?.. — в глазах девушки загорелся огонёк надежды, — Если — что?..

— Если только Татьяна Алексеевна возьмёт на себя ответственность... так... Я звоню!

Снова вскочив с постели, Вероника Григорьевна выбежала в гостиную и схватила телефон. Она уже набирала номер врача, как вдруг заметила, что дверь в соседнюю комнату

приоткрыта — Галина всё ещё продолжала гладить, теперь уже постельное бельё. Захлопнув дверь, Вероника вместе с телефоном вернулась в свою спальню, на ходу разматывая длинный шнур. Убедившись ещё раз, что лишних ушей нет, она торопливо покрутила диск...

...Разговор с Татьяной Алексеевной был неутешителен — так категорически отказывалась братья за аборт несовершеннолетней Али в случае, если девушка после не останется под её строгим наблюдением.

— Вероника Григорьевна, нет, нет и ещё раз нет. Сделать прерывание вашей дочери и тут же отпустить её домой я не имею права! Вы можете пожаловаться на меня куда угодно, в профком, партком, даже во всемирную организацию здравоохранения! Но я не возьму на себя такую ответственность! А, если у Али откроется кровотечение, или начнётся сепсис?! Вы — взрослая женщина, и понимаете, чем может грозить такая операция. Либо Аля остаётся под моим присмотром, либо я просто не берусь ни за что... Ваш муж сразу меня засудит! Можете, конечно, забрать её под расписку, но учтите, если что, вы первая будете нести ответственность!

— Вот чёрт... — со злостью бросив трубку, Вероника Григорьевна с размаху уселась на банкетку, — Она у меня с работы вылетит!.. Я этого так не оставлю... Разговаривает сс мной, как с какой-то колхозницей!.. представляешь?!

— Мам, что?.. — Александра смотрела на мать испуганно, — Ничего не получается?..

— Пока нет, но я что-нибудь придумаю...

— Может, папа позже уедет?

— Не знаю. Судя по его тону, случилось что-то из ряда вон выходящее.

— Что?!

— Не знаю... он только сказал, что все торжества отменяются, и концерт с банкетом тоже. И ещё сказал, чтобы мы никуда из дома не отлучались, ни сегодня, ни завтра...

— Это — война?! — глаза дочери стали похожи на два огромных фарфоровых блюдца, — Мама... это может быть война?..

— Не знаю... — до матери только сейчас, кажется, стало доходить, что причины, по которым отменяется командировка Семёна Ильича, а, заодно, и праздничные мероприятия, слишком серьёзны, чтобы отставить их на второй план, — Он пока ничего не объяснил... Но, думаю, скоро мы всё узнаем.

Утром одиннадцатого ноября, собираясь на учёбу, девчонки ворчали по поводу заунывной классической музыки, льющейся со вчерашнего дня из репродуктора. Она никак не соответствовала из весёлому настроению. Накануне Нелька получила из дома посылку, в которой обнаружила модные югославские сапоги, которые её мать «урвала», отстояв огромную очередь в универмаге, и которые девушка собиралась сегодня надеть в институт. Приподнятое настроение Анюты имело под собой совершенно другую, но единственно важную для неё причину. Вчера Виталик водил её в театр, на «Женитьбу Фигаро»... Роль графини играла его мать — Софья Мясникова, и этот факт делал бессмертную пьесу ещё интереснее в глазах влюблённой девушки...

Сидя рядом с Виталиком на балконе, Аня чувствовала себя чуть ли не принцессой — так всё было красиво вокруг... До этого она всего лишь один раз была в театре, когда ездила вместе со своим классом на экскурсию в Свердловск... В её родном городе театра не было, лишь самодеятельные студии, но всё это было не то... Вчерашний же спектакль оставил в её душе незабываемое впечатление... Когда, по окончании представления, Виталик провёл её

за кулисы, в гримёрку матери, Анечка ощутила самое настоящее благоговение. Переступив порог святая святых, она так и застыла в дверях, и, если бы не сам Виталик, она не сдвинулась бы с места, увидев вблизи настоящую театральную приму... Сняв парик, та ещё не успела смыть грим и сменить костюм, и предстала перед Анютой в платье Розиты, с разбросанными по плечам рыжими волнистыми прядями.

...Аня даже не обратила внимания на чуть снисходительный взгляд, которым наградила её Софья, когда Виталик представил ей свою спутницу. Девушка не знала, что нужно говорить в таких случаях, но она искренне посчитала, что обязана произнести какие-то слова. Она не совсем умело поблагодарила актрису за спектакль и ещё менее умело похвалила её игру, смущаясь и путаясь в словах. К счастью, Виталик взял инициативу в свои руки и, наскоро произнеся какие-то дежурные сыновние фразы, увёл вконец растерявшуюся Анюту в раздевалку.

«У тебя такая красивая мама...» — всё ещё представляя перед собой рыжеволосую, сероглазую сорокапятилетнюю красавицу, которой нельзя было дать и сорока, восхищённо произнесла девушка, пока гардеробщица искала их одежду.

«Ты ей тоже понравилась».

Помогая Ане надеть тёмно-бордовое пальто с норковым воротником, Виталий не переставал улыбаться, любуясь её отражением в большом зеркале. Ей показалось, что улыбается он многозначительно, как будто что-то тщательно утаивая от неё до поры до времени.

«Ты думаешь, что понравилась?» — она смотрела на него с нескрываемой надеждой.

«Думаю, что — да!»

...Этих слов хватило, чтобы настроение взлетело вверх воздушным шариком, и так и зависло где-то в небесной, цвета её глаз, синеве...

Причину траурной музыки и отмены вчерашних концертов девчонки узнали в обед, вместе с остальными студентами, и вообще — вместе со всей страной. Войдя в аудиторию, преподаватель английского языка какое-то время молча смотрел на своих подопечных, потом, подойдя к кафедре, заложил руки за спину.

«Товарищи студенты... нашу страну постигло огромное горе... Умер генеральный секретарь коммунистической партии... Леонид Ильич Брежнев... Убедительная просьба, сохранять спокойствие... не посещать увеселительных заведений... вести себя достойно во все дни предстоящего траура...»

Первой мыслью, посетившей Анюту после того, как прошёл первый шок, была мысль о завтрашнем дне рождения Виталика. Опомившись, она честно попыталась устыдиться, но ничего из этой попытки не вышло — романтический ужин с женихом не смогло затмить даже трагическое известие о смерти генсека...

...Виталия она увидела, как только вышла после занятий на улицу — он ждал её на крыльце института.

— Привет, — его поцелуй и обаятельная улыбка сразу рассеяли все её тревоги.

— Привет... — чувствуя спиной завистливые взгляды однокурсниц, Аня смущённо улыбнулась в ответ, — Как хорошо, что ты пришёл...

— Я целый день хотел тебя увидеть. Поехали?..

— Куда?! — Анюта подняла на парня удивлённый взгляд.

— Увидишь...

Виталик очень любил производить эффектные впечатления, поэтому, услышав это его «увидишь», Анечка оказалась в предвкушении очередного сюрприза. Она всё чаще ловила себя на мысли, что привыкает к его знакам внимания, и уже довольно избалована ими. Она даже забыла о том, что произошло в стране.

— Ой, слушай... — уже сойдя с крыльца, она вдруг повернулась к своему спутнику, — Такой ужас, да?..

— Где — ужас?! — Виталик нарочно нахмурившись, покрутил головой, — Какой ужас?!

— Ну, это... — она растерянно посмотрела на него, — Брежнев умер...

— А, ты об этом! — парень театрально хлопнул себя по лбу, — Это уже не новость!.. Он давно был на грани, в общем-то вполне ожидаемое событие.

— Возможно, но всё равно...

— Анечка, это — естественный процесс!.. Все люди — смертны, и поэтому нужно брать от жизни всё, что она нам даёт! Прошу!

Открыв перед девушкой дверь чёрной «Волги», которая ждала их на стоянке, Виталий жестом пригласил Анюту в салон. Водителя не было, и он сам занял место за рулём.

...Дом, к которому они подъехали спустя полчаса, был элитным, из новостроек. Аня с изумлением оглядывала огромный холл на первом этаже, с широкой, светлой лестницей, расходящейся на верхнем пролёте по обе стороны... а так же сидевшую за окошком консьержку... и кабину лифта внушительных размеров, ярко освещённую, абсолютно чистую, с зеркалом во всю стену. Пол в холле был устелен светлым линолеумом и тоже был идеально чистым, так, что девушка машинально посмотрела на свои сапожки.

Поднявшись вместе с ней на пятый этаж, Виталий открыл одну из двух дверей на широкой площадке, и приветливо посмотрел на Анюту. Шагнув в квартиру, девушка невольно застыла: прихожая была, скорее, похожа на тронный зал, устеленный коврами дорожками, с мягкими креслами вдоль стен, с зеркальными шкафами для одежды, со свисающей с потолка трёхъярусной хрустальной люстрой... Да и вся квартира была похожа на дворец, во всяком случае, так показалось Анечке. Особенно поразила её кухня — она была просто гигантских размеров, и Виталий называл её столовой...

— Ты чего-то испугалась?.. — он пристально посмотрел на девушку, когда они переступили порог его комнаты, — Если родителей, то их нет, и ещё долго не будет. А домработница уже ушла.

— А они точно не придут? — Аня осторожно оглядывала стены, оклеенные бордовыми, в золотых узорах, обоями.

— Точно, — обняв сзади за плечи, Виталик прикоснулся губами к её щеке, — отец теперь в обкоме надолго застрял... А мать у сестры... Спектакли отменили, так она решила это время с пользой провести.

— Послушай... — чувствуя, как его поцелуи становятся всё откровеннее, Анюта решила отвлечь парня, — А как же завтра? Если траур, то, наверное, нельзя идти в ресторан?

— Кто сказал?..

— Ну, не знаю... нас предупредили, чтобы не вздумали ходить в увеселительные заведения.

— А кто сказал, что ресторан — это увеселительное заведение? — несмотря на её слабое сопротивление, Виталий всё крепче сжимал объятия, ладонью норовя попасть за вырез блузки на груди Анюты, — Ресторан это предприятие общественного питания... И человек не должен умирать голодной смертью, даже если в стране траур...

— Виталик, не надо... — Аня с огромным усилием разжала его руки, — Я говорила, что не могу...

— Ну, почему?.. — он смотрел на неё из-под полуопущенных век, глубоко дыша, — Ведь я тебя люблю...

— Нет... — боясь, что, ещё чуть-чуть, и она снова бросится в его объятия, Аня поспешно отошла к окну, — Для меня это слишком серьёзно.

— Только после свадьбы?.. — он подумал, что пошутил, но, поймав строгий взгляд, тут же осёкся.

— Только после свадьбы, — твёрдость, с которой Аня произнесла эти слова, не оставляла сомнений в том, что девушка имеет непоколебимые принципы.

— А, если это — любовь?

— А, если она вдруг пройдёт?

— А, если — нет?..

— А, если — да?.. Вот ты... ты хотел бы жениться на девушке, которая... — Аня стеснялась откровенно говорить на эту тему, и тщательно подбирала слова, — которая до тебя уже... с кем-то...

— Зачем — с кем-то? — улыбаясь, парень буквально гипнотизировал её своим взглядом, — Не с кем-то, а со мной... Какая разница — до свадьбы, или после...

...Услышав его аргумент, Аня почувствовала, как огромная волна восторга наполняет всё её существо...

Виталий явно намекнул, что он хочет жениться — на ней!..

— Ну, если только... — стараясь не показать виду, она изо всех сил сохраняла невозмутимый вид, — Если только...

— Только — что?..

— За день до свадьбы.

— Ловлю на слове... — она снова подошёл к ней близко и, обняв, пристально посмотрел в глаза, — И учти... ты сказала это сама...

Глава 10.

Весь день одиннадцатого ноября Аля провела дома. Мать успокоила её, что время пока не упущено, и, как только закончится траур, отец уедет в свою командировку. Олега она предупредила, чтобы тот не проговорился отцу об отсутствии сестры — у него самого столько скрываемых ею проступков, что будет молчать, как миленький. А Галина уедет в деревню — «отдохнуть», на недельку, Вероника уже придумала, как уговорить двоюродную сестру на эту поездку.

Решив, что пропуск занятий был и так запланирован, Александра не поехала в институт. В последнее время она изо всех сил сдерживала себя там, чтобы не наговорить гадостей Свиридовой. Исподтишка наблюдая за соперницей, Аля уже придумала план мести, но решила воплотить его, как только избавится от беременности. Она ни за что не простит этой дерзкой гадине Виталика. Напрасно та думает, что победила... Она ещё умоется слезами, она ещё пожалеет, что не сдохла тогда, под подушкой...

— Привет, — вернувшись домой, Олег заглянул в приоткрытую дверь комнаты сестры, — ты чего, прогуляла сегодня?

— Угу, — лишь мельком взглянув на брата, Аля продолжала сидеть в мягком кресле, подобрав под себя ноги.

— А чего?

— Не твоё дело... — неожиданно девушка повернулась всем корпусом и посмотрела на Олега с каким-то интересом, — Слушай... ты идёшь завтра к Мясникову на день рождения?

— Завтра — нет...

— Он тебя не пригласил?!

— Пригласил, но не завтра. В субботу будем оттягиваться, у него на даче.

— А завтра?.. — Аля удивлённо приподняла тоненькие, ниточкой, брови, — Почему не завтра?..

— Завтра... — брат поморщился, как будто не хотел говорить на эту тему, — Завтра он отмечает с этой... с твоей Аней... только вдвоём...

— Она не моя... — почувствовав, как тысячи иголок вонзаются в сердце, Александра побледнела, — И где же?.. Не знаешь?..

— Почему, знаю. В «Москве».

— Я так и подумала... — представив себе обеденный зал одного из лучших в городе ресторанов, где обычно кутили дети чиновников, Александра едва улыбнулась уголком губ, — А он не боится, что его папочке потом придётся отдуваться? Всё-таки траур...

— Ты же знаешь Виталика. Он любит порисоваться, особенно перед женским полом.

— Такой, как Свиридова, за счастье и в привокзальном буфете посидеть... Она дура, скажи? — недобро усмехнувшись, Аля встала с кресла и медленно подошла к окну, — Кстати, как она тебе — вообще?

— Дура, но... как тёлка — классная... — видимо, вспомнив о неудачной попытке любовного приключения с Анютой, Олег произнёс последние слова как-то зловеще, — На пару ночей бы сошла.

— Ненадолго он с ней, как думаешь?..

— Не знаю... если честно, тут я вообще не понимаю, что с Виталей творится...

Аля ожидала услышать подтверждение своим словам, но брат неожиданно задумался. Судя по выражению лица, он сильно сомневался в утверждении сестры, что у Виталия с Анютой всё «ненадолго». Она пристально смотрела на Олега, чувствуя, как отпустившая, было, боль снова возвращается той же тысячей острых игл...

— Он с ней спит?.. Не знаешь?

— Тебе-то зачем знать? — Олег посмотрел на сестру с нескрываемым удивлением, — Мазохистка, что ли?

— Не твоё дело. Я задала вопрос... Он с ней спит?

— Насколько мне известно, нет. Бережёт, как зеницу ока.

— Понятно... — Александра снова усмехнулась. Слова брата не оставляли шансов её израненному сердцу.

...Бережёт, значит... А её, Сандру, так и норовил затащить в постель.

— Ты чего? — глядя на её изменившееся лицо, Олег осторожно окликнул сестру, — Расстроилась, что ли?

— Больно надо. Пусть бережёт, если дурак. Потом такой сюрприз ему будет...

— Ты о чём?

— Ни о чём. Просто мысли вслух.

— А точнее? — Олег заинтересованно уставился на сестру.

— А, если точнее... — для пущей убедительности того, что она собиралась сейчас произнести, Аля сложила на груди руки и придала лицу многозначительное выражение, — Только не говори ему, а то расстроится...

— Что не говорить-то?

— Когда мы были на картошке, она один раз поздно пришла. А утром припёрлась наша бригадирша... И наехала на Свиридову. Оказывается, та ночью мылась в бане с каким-то парнем. Бригадирша так и сказала, что лавка кровью испачкана, грозилась родителям написать.

— Чё, серьёзно?!

— Серьёзной некуда. Все девчонки свидетели. И Свиридова пошла убираться, как миленькая, даже не пикнула. Куча народу видела, и наша Вера Андреевна в том числе.

— Ни фиги себе... Придётся Витале глаза открыть.

— Не вздумай! — Александра старательно изобразила возмущение, — Я тебе по секрету рассказала!

— Да ничего себе секрет! Он ей — цветы, подарки... он же в натуре думает, что она ещё девочка!

— Ну, и пусть себе думает, — снова отвернувшись к окну, Аля едва сдерживала довольную улыбку, — хотя...

— Знать бы наверняка... Точняк она уже... того?..

— Сам проверь... слабо?

— Провоцируешь?

— Нет, просто навожу на размышления.

— Слушай... — опершись о дверной наличник, Олег пытливо посмотрел на Александру, — Я тут недавно ваш разговор с матушкой подслушал... нечаянно, конечно... Ничего, правда, не понял, но... ты чё, в натуре, залетела, что ли?!

— Я?! — собрав в кулак всё своё мужество, Александра изумлённо вытаращила глаза, — Ты не перегрелся?!

— Виталя в курсе?

— Какой Виталя?! У нас с ним ничего не было, можешь сам спросить!

— Делать мне нечего... Только я не глухой. Вы про аборт говорили.

— Ну, и что?! Мать мне обо всём рассказывает... И не для твоих ушей эти разговоры, понял?! Иди, лучше, Свиридову проверь!

— Может, и проверю... — ухмыльнувшись, парень повернулся, чтобы уйти, — Если случай подвернётся.

Собираясь в ресторан Аня начала сразу, как только вернулась с занятий. Перебрав весь свой гардероб, она никак не могла решить, на чём остановить свой выбор — то ли на светло-голубой кофточке с люрексом, надетой поверх юбки-четырёхклинки, то ли на тёмно-зелёном трикотинном платье с узким чёрным лакированным пояском, подчёркивающим её тонкую талию. Нелли поехала в гости к дальним родственникам, и ещё не вернулась в общежитие, так что посоветоваться было не с кем. Решив сначала сходить в парикмахерскую, а потом уже подобрать наряд под новую причёску, Анечка оделась и вышла на улицу. Несмотря на траурные дни, город жил своей жизнью — автобусы и трамваи ходили по заданным маршрутам, двери магазинов открывались перед покупателями, парикмахерские ждали своих клиентов.

...Аня уже давно мечтала сделать химическую завивку. Дома её отговаривала мама — та искренне считала, что густые тёмно-русые пряди дочери не нуждаются в дополнительных процедурах, и что шестимесячная завивка только испортит Анютины и без того шикарные

волосы.

Теперь же строгой мамы не было рядом, а прийти в ресторан с завивкой очень хотелось... Анечка давно уже приберегла пять рублей на новую причёску, и теперь решительно входила в салон красоты, расположенный неподалёку от её общежития.

...Пряча улыбку, Анюта смотрела на своё отражение — тонкие деревянные бигуди, усеявшие голову, делали её похожей на какую-то инопланетянку. Она уже представляла себя с пышной, в мелких колечках, причёской... Почти все девчонки из её группы были с «химией», ну, разве Александра Дзюба и ещё пара студенток не пошли на поводу у моды... Но у Сандры длинные волосы, которые она завязывает в «хвост» на самой макушке... может, это новая мода? Аня ещё помнила, как в восьмом классе отчаянно рассталась со своей длинной косой — ради того, чтобы подстричься под «сессон»... Увидев дочь в новом облике, мать чуть не упала в обморок... Сейчас Аня жалела, что тогда так необдуманно распорядилась своими волосами. Теперь она бы так не поступила...

Но ведь «химия» — не стрижка... Это всего лишь завивка. И это — так шикарно...

— Всё, — сделав последний штрих расчёской, парикмахерша заученным движением сняла с Ани клеёнчатую накидку, — готово.

— Ой... спасибо...

Девушка не могла оторвать взгляда от зеркала: пышная, густая шевелюра смотрелась на её голове как кудрявое облако, обволакивающее и плечи, и часть спины... Волосы почему-то стали светлее на тон и приобрели золотистый оттенок, что очень понравилось Анечке. Единственное, чему она не очень обрадовалась, был запах сероводорода, исходящий от волос... Но, решив, что за оставшиеся до ресторана часы он выветрится, она с удовольствием рассчиталась и выбежала на улицу. Осень давно была готова отдать свои права зиме — холодный ветер кружил над городом снежинки, без спросу забирался под полы тёплого пальто и вырывал из рук маленькую сумочку... Ане совсем не хотелось надевать на голову тёплую вязаную шапочку с отворотом... Ведь тогда никто не увидел бы её новой причёски...

Хотя... конечно, это не для всех. Это — для Виталика...

Вернувшись в общежитие, Аня с ужасом посмотрела на часы — поход в парикмахерскую занял слишком много времени, и в запасе оставался всего лишь час, чтобы окончательно утвердить наряд и накраситься.

— Ну, как? — подбоченившись, она встала посреди комнаты перед вернувшейся из гостей Нелли, — Мне идёт?

— Отпад... — взирая на вздыбившуюся в разные стороны копну волос подруги, Нелька восхищённо вытаращила и без того огромные глазницы, — Только заколочками заколи... Вот здесь... и здесь...

...Народу в ресторане было немного — видимо, не решаясь веселиться на публику, завсегдатаи в эти дни предпочитали отсиживаться дома или на своих элитных дачах. Сидя в шикарном зале, Аня не переставала искренне восхищаться убранством — рельефные стены и потолки, резная мебель, белоснежные скатерти, хрустальные фужеры на столе... Такое она видела только в кино, и то в заграничном. Блюда же, заказанные Виталиком, просто привели девушку в ступор. Несмотря на то, что она отлично знала правила этикета, Аня слегка стушевалась, увидев на столе совершенно незнакомые ей горячие и холодные закуски. Она даже решила их не пробовать, ограничившись салатами и отбивной, но Виталик рассеял все её сомнения, демонстративно орудуя одной лишь вилкой.

Он заказал шампанское и коньяк, и уже ко второму часу их пребывания здесь был довольно навеселе. Аню это очень огорчало, разговор с трезвым Виталиком приносил ей удовольствие, но Виталик выпивший оказался совершенно другим — более дерзким и настойчивым. Впрочем, к самой Анюте это не имело никакого отношения, парень вступил в спор с официантом, когда тот отказался включить музыку, ссылаясь на траур.

— Толик... я не прошу у тебя привезти сюда оркестр... Включи нам магнитофон, и всё!

Слушая, как двадцатидвухлетний Виталий фамильярно называет Толиком человека, годящегося ему в отцы, Аня внутренне сжалась. Ей стало ужасно неловко, будто это именно она вела себя по-хамски.

— Виталий Иванович, не положено, — официант, напротив, был очень тактичен, — у нас распоряжение...

— Толик, — поймав мужчину за рукав, Виталий потянул того к себе, — у меня сегодня день рождения. И я пришёл с любимой девушкой... Как ты думаешь, что победит — любовь к девушке, или любовь к партии?

— Лучше закроем тему, — оглянувшись по сторонам, «Толик» сказал эти слова вполголоса, — вы ничего не говорили, я ничего не слышал.

— Да брось ты!.. — парень, напротив, даже не заботился о конфиденциальности разговора, — Давай нам музыку, я всё оплачу.

Вынув сотенную купюру, Виталий сунул её в карман официанта.

— Этого хватит?

— Вполне... — тот смягчил тон, и, ещё раз оглянувшись, наклонился, — Только без танцев... Хорошо? А то вас не тронут, а мне — по полной...

— Да брось ты... — засмеялся вслед ему Виталик, — Никто никого не тронет... Старый мир рухнул, на смену идёт свобода.

Аня с замиранием сердца слушала эти разговоры. Она и сама бы с удовольствием потанцевала, но это было так страшно... Ведь их предупредили!

— Ну, что, пойдём, потанцуем? — протягивая ей руку, Виталий улыбался так обаятельно, что Анечка не смогла ему отказать.

— Но ведь нельзя... — уже вкладывая свою ладошку в его крепкую кисть, она неуверенно произнесла эти слова, — А, если кто-нибудь расскажет?..

— Кому? — он смотрел на неё, как на маленького ребёнка, — Моему папе?..

— Ну, хотя бы ему...

— А дальше — что?.. как ты думаешь?..

— Не знаю...

— Вот и я не знаю, — Виталик рассмеялся, — и никто не знает! Потому, что у меня день рождения... и я танцую с самой красивой на свете девушкой... Разве это наказуемо?!

...Танцую с Виталием под «Старинные часы» Пугачёвой, Анюта испытывала неловкость не только потому, что нарушала запрет комитета комсомола института. Собираясь в ресторан, она так торопилась, что больше не замечала «аромата», которым благоухали её волосы, а вот сейчас вдруг ощутила его сполна. Это был всё тот же сероводород, оставшийся после химической завивки, и который не смогли перебить ни запахи итальянской кухни, ни её любимый «Сигнатюр».

— Зачем ты это сделала? — как будто прочитав её мысли, Виталий провёл рукой по Анютиным волосам.

— Что? — нарочно сделав вид, что не понимает вопроса, Аня чуть прикрыла в

блаженстве глаза.

— Завивку... — его пальцы утонули в пушистой копне, губы приблизились к её лицу, — У тебя и так шикарные волосы...

— Я хотела тебе понравиться...

— Ты мне и так нравишься... — он целовал её, совершенно не стесняясь посторонних, и Аня невольно скосила глаза на других посетителей.

— Виталик, не надо...

— Надо... — его горячее дыхание коснулось её шеи, — Анечка... Я так тебя люблю... А ты?... ты меня любишь?

— Да... — не прошептала, а, скорее, выдохнула девушка.

— Я не расслышал...

— Да... — уже громче произнесла Аня.

— Правда?! — его глаза смотрели на неё близко-близко, — Это — правда?!

— Правда... — пряча пылающее лицо где-то у него на груди, Аня чуть кивнула головой.

— Мы сейчас поедem ко мне...

— Куда?

— На дачу. Ты ещё не видела нашей дачи... Мы сейчас поедem туда... Там никого нет...

— Я не поеду... — она отчаянно замотала головой, — Виталик, я не поеду.

— Поедешь, — всё крепче сжимая её в кольце своих рук, он пьянел на глазах, — Анечка... я больше так не могу... я люблю тебя, понимаешь?..

— Нет, — Аня вдруг резко отстранилась, — я никуда не поеду, и вообще... мне уже пора.

— Неужели ты и правда такая строгая?.. — улыбнувшись, он взял в руки её лицо, — Ты не шутишь? Только после свадьбы?

— Да, после свадьбы, — Аня чуть нахмурила брови, — я не шучу.

— Какая строгая у меня будет жена...

— Ты уверен? — она всё же не смогла сдержать улыбки, — Что я буду твоей женой?

— Уверен... — его губы в очередной раз коснулись её губ, — Как и в том, что мы сейчас поедem на дачу.

— Мы поедem домой.

— Ты сама говорила, что за день до свадьбы... А свадьба — завтра.

— Что?! — Аня громко рассмеялась, но тут же смолкла, испуганно оглянувшись по сторонам.

— Завтра — свадьба... Не веришь?! — Виталик поднял вверх одну руку и громко позвал, — Официант!..

— Слушаю, — Анатолий тут же подошёл к молодым людям.

— Поставь нам «Обручальное кольцо»!

— Думаю, что не стоит, — мужчина многозначительно покачал головой, — и пить вам тоже на сегодня хватит.

— Я не ясно сказал?! «Обручальное кольцо»! У меня завтра свадьба, я хочу сделать подарок своей любимой женщине!

— Виталий Иванович... — бросив взгляд на соседний столик, за которым сидела компания людей среднего возраста, Анатолий чуть наклонился в сторону Виталика, — Не стоит. Если медляк ещё туда-сюда, то быстрый танец... не надо.

— Ты не понял?! — схватив за грудки, парень с силой встряхнул официанта, — Я

сказал!.. Что прикажу, то и поставишь, понял?!

— Виталик, не надо!.. — Аня испуганно пыталась разжать его руки, — Виталик, ну, пожалуйста!..

...Всё произошло так стремительно, что никто из окружающих не успел вмешаться.

...Звон разбившегося зеркала и залитое кровью лицо лежащего на полу Толика — всё, что врезалось в память девушки после того, как Виталик окончательно потерял над собой контроль. Глядя, как из-под надувшейся, разрезанной осколком кожи лба официанта пульсирующей стружкой вытекает кровь, Аня сама чуть было не потеряла сознание. Она никак не могла поверить в происходящее, и только смотрела, как вокруг мужчины собирается толпа посетителей... как кто-то пытается привести его в чувство... вытаскивает застрявший в голове зеркальный, окровавленный осколок...

— Не бойся... — в миг протрезвевший Виталий сжал её ладонь дрожащей рукой, — Ты только не бойся... Ничего не будет.

— Ты его убил... Да?! — побелевшими губами прошептала Аня, не сводя глаз с официанта.

— Нет, нет... — торопливо ответил Виталий, за руку оттаскивая её в сторону, — Он живой... вот увидишь... он живой.

— Что теперь будет?! — она подняла на него полный ужаса взгляд, — Виталик... что теперь будет?!

— Ничего не будет... — обняв, он изо всех сил прижал к себе девушку, — Вот увидишь...

...В общежитие Аня вернулась далеко за полночь. Приезд скорой помощи, милиции, составление протокола, показания, которые ей пришлось дать — всё это перемешалось в её сознании, как овощи в салате, так, что она не могла бы в хронологической точности восстановить все события этого несчастного вечера.

Она переживала и за официанта — он так и не пришёл в сознание, и за Виталика, которого увёз домой отец, Иван Мясников, которого вызвали сразу, как только выяснили личность молодого человека. Перед тем, как приехала милиция, он успел сунуть Анечке деньги — в панике она так и не поняла, зачем...

После составления всех документов Мясников-старший сам оплатил и за ужин, и за разбитое зеркало, и за разбитую посуду. Схватив сына за шиворот, он с силой толкнул того вперёд, указав направление на выход.

— Аня!.. — вспомнив о девушке, Виталий попытался вернуться за ней, но Иван Михайлович встал у него на пути, — Аня!.. Поехали!..

— Какая ещё Аня?! — могучая ладонь отца с силой впечаталась в плечо сына, — Пошёл!..

— Это — моя Аня! — сын никак не хотел смириться с тем, что Аня остаётся одна и повторил попытку вернуться.

— Это ты — Аня? — недовольный Мясников, наконец, обратил внимание на перепуганную девушку, — Идём!

Покорно просеменив до чёрной «Волги», припаркованной у ресторана, Аня уселась на заднее сиденье. Отец занял место за рулём, усадив рядом с собой непутёвого сына.

...Сидя сзади, как мышка, всю дорогу Аня с надеждой ловила их разговор...

— Я тебе что говорил?! — со злостью поворачивая руль, Мясников-старший цедил сквозь зубы, — Сидеть дома, никуда не ходить, тем более — в ресторан!

— У меня день рождения... — мрачно огрызнулся Виталий, — Я что, не имею права его отметить?!

— Дур-рак... — отец в сердцах стукнул кулаком по рулю, — Ты что, не понимаешь?!

— Понимаю! Траур, ну, и что?!

— Да при чём тут траур?! — Иван Михайлович уже не просто говорил на повышенных тонах, он — орал, — Если бы только траур!.. Ты что, не понимаешь, что сейчас — переломный момент?! Всё может произойти, вплоть до смены курса, ты это понимаешь?!

— И что?

— И ты в этот момент подставляешь мне такую подножку?! Это вчера ты мог перебить морды всем, кто там сидел, а я мог замять это дело... Но я не знаю, как будет завтра! И никто не знает!..

— Завтра ещё не наступило.

— Ошибаешься! — отец чуть сбавил тон, — Уже. Наступило.

— Чё, в натуре — смена курса? — Виталий удивлённо обернулся к отцу, — Только кроме шуток...

— Какие к чертям шулки?!

— Ну, серьёзно, па... что происходит?

— Если бы я знал... Я знаю только одно: у власти будет другой человек. И сейчас каждый будет цепляться за своё место. А меня завтра за твою выходку могут выбросить под зад коленом, с волчьим билетом. Эпоха лояльности закончилась.

— Уже известно, кто будет генсеком?

— Известно... Андропов будет, старый гэбист... так что никаких поблажек.

— Ну, прости, пап... — сын тоже перешёл на виноватый тон, — Обойдётся...

— Обойдётся... — негромко проворчал отец, — Снимут меня, мать тоже пострадает...

Ты хоть понимаешь, что ты наделал?!

— Понимаю.

— Понимаю... Ни хрена ты не понимаешь. Теперь главное, чтобы этот официант выжил...

— Да выживет. Ему просто зеркалом лоб вспоролло...

— Если бы. Судя по всему, тяжёлая форма сотрясения, плюс потеря крови. Завтра с утра поедем к Дзюбе... — Иван Михайлович нервно сжал губы, — Придётся на старости лет ментовские сапоги лизать...

— Да ладно... — сын недоверчиво усмехнулся, — Он что, по старой дружбе дело не закроет?

— А он что, по-твоему, дурнее меня? — отец бросил на сына взгляд исподлобья, — Не понимает, какой момент наступает?! Ему что, партбилет нагрудный карман жмёт?! Или должность надоела?! Если бы пару недель назад — я бы не сомневался, что дело будет закрыто. А сейчас... сейчас на двести процентов уверен, что не захочет Семён Ильич рисковать... Падлой буду — не захочет.

...Сидевшей сзади Анюте показалось, что мужчины совсем забыли про неё, и, как только автомобиль остановился у дома, где жили Мясниковы, поспешно открыла дверь.

— Аня, — Виталий тут же заключил её в объятия, — идём...

— Куда?! — отец с силой тряхнул его сзади за плечо, — Куда — идём?!

— Аня пойдёт со мной, — Виталик упрямо дёрнул плечом, — заодно познакомитесь. Это — моя девушка.

— Не время сейчас знакомиться, — Иван Михайлович бросил на Анюту тяжёлый взгляд с высоты своего исполинского роста, — как-нибудь в другой раз.

— Нет-нет, я — домой... — вырвавшись, Аня тут же попятилась назад, — Всё хорошо, Виталик... ты тоже иди домой!

— Куда — ночью?! — он попытался поймать её за руку, но Аня отступила ещё на шаг, — Ты никуда не пойдёшь!..

— Не беспокойся! — она сделала ещё несколько торопливых шагов, — Всё хорошо!.. До завтра!

Развернувшись, девушка кинулась прочь по улице, боясь, что парень бросится её догонять. Ей совсем не хотелось, чтобы именно сейчас Виталий вышел из-под родительского контроля, и поэтому бежала изо всех сил.

...Она даже не сообразила, что может взять такси — в сумочке лежали Виталькины деньги... Она так и пробежала пешком до самого общежития, и, только войдя в свою комнату, осознала, какой огромный проделала путь — одна, по пустынным ночным улицам всё ещё чужого ей города...

— Ну, что, как?! — сонная Нелька оторвала от подушки тяжёлую голову, — Хорошо погуляли?..

— Лучше некуда...

Глава 11.

Первая мысль, мелькнувшая в голове проснувшейся следующим утром Анюты, была, конечно, о Виталии. Вернувшись ночью в общежитие, она уснула только благодаря жуткой усталости после того, как пешком прошла добрую треть огромного города. Она нехотя отвечала на вопросы Нелли, едва сдерживая себя, чтобы не сорваться на крик. Ей было очень тяжело, вдвойне из-за того, что она ничего не знала о судьбе Виталика.

В институте она едва отсидела четыре пары, совершенно не слушая преподавателей, на автомате конспектируя лекции и совершенно не понимая смысла написанного. После занятий она торопливо оделась и выбежала на крыльцо...

...Напрасно Анечка всматривалась в каждого прохожего, идущего в сторону института, напрасно мёрзла целых полчаса на мраморных ступенях... Виталик не пришёл встречать её по обыкновению, и это только добавило тревоги.

Нерешительно войдя в кабину телефона-автомата, Аня вставила монетку в монетоприёмник. Она знала номер домашнего телефона Мясниковых, но почти никогда не звонила Виталику — он всегда сам находил её, где бы она ни была. Набрав заветные цифры, девушка с трепетом слушала длинные, кажущиеся бесконечными, гудки.

— Алло, — после характерного щелчка в трубке, наконец, раздался женский недовольный голос.

— Здравствуйте, — робко поздоровалась Аня, — позовите, пожалуйста, Виталия.

— Кто его спрашивает?

— Это Аня...

— Его нет.

— А когда он будет?.. — услышав ответ, Анечка чуть было не расплакалась прямо в трубку.

— Понятия не имею. До свидания.

— До свидания... — сквозь короткие гудки расстроено попрощалась девушка.

...Больше всего удручала неизвестность. Приехав в общежитие, Аня даже не посмотрела

на пирожные, оставшиеся после последнего визита Виталика, и которые они с Нелькой вяло поедали каждый день за вечерним чаем... Она старательно обходила взглядом букет из девяти гвоздик, который он подарил ей позавчера... Яркие-красные бутоны слегка увяли, мелкие лепестки чуть завернулись внутрь, и Аня ещё утром подумала, что нужно бы сменить воду и добавить в неё немного сахара, но ей казалось, что, дотронься она до этих цветов, они уколут её — без шипов... но до боли, до крови... проникая до самого сердца...

Всё, что напоминало ей о Виталии, приносило нестерпимые мучения. Причина этому была: в глубине души Аня чувствовала, что всё, что произошло вчера в ресторане, будет иметь последствия... трагические последствия для них обоих. Ей очень хотелось узнать о судьбе официанта, но она не знала, в какую больницу его увезли.

Не в силах отвечать на очередные Нелькины расспросы, она улеглась на кровать и закрыла глаза, но уснуть не получилось. Полежав так какое-то время, она накинула тёплую кофту и спустилась на нижний этаж общежития.

Иногда Виталий звонил ей на таксофон, расположенный в холле возле рабочего места вахтёра. «Поймав» первого попавшегося студента, идущего в корпус, где жила Анюта, вахтёр просил того пригласить Аню Свиридову из шестьсот двадцать первой комнаты, и уже через несколько минут счастливая Анечка бежала вниз по ступенькам, чтобы услышать дорогой, любимый голос.

Вот и сегодня она надеялась, что Виталик сам позвонит ей... он почувствует, что она ждёт его звонка — рядом с таксофоном!..

...Прошло уже около часа, но таксофон так и молчал. Вторая попытка позвонить на квартиру Мясниковых отозвалась в душе лишней болью.

— Здравствуйте, это Аня... — чувствуя, как сердце пытается пробить грудную клетку, девушка ненадолго затаила дыхание, — Виталик дома?

— Виталика нет, и не будет, — ей ответил всё тот же недовольный женский голос, — и вы сюда больше не звоните.

— Подождите!.. пожалуйста... — раздавшиеся следом короткие гудки были сродни одиночным выстрелам, наповал убивающим последние остатки надежды.

Из последних сил сдерживая слёзы, Аня повесила трубку. Она только сейчас почувствовала, как сильно замёрзла, и, попросив вахтёршу позвать её, «если что», нехотя поднялась к себе на этаж.

...Неужели, официант умер?! И теперь Виталика посадят... и отец ему не поможет — Аня слышала ночью его откровения... В связи с последними событиями в стране, теперь он не так всемогущ, чтобы избавить от тюрьмы единственного сына...

Конечно, Виталий виноват... Он грубо повёл себя с этим Анатолием... Но он не хотел его убивать! Это — чистая случайность, несчастный случай!

...Наверное, он в уже в тюрьме... А, может, его родственники во всём винят её, Анюту?! Иначе, почему ей сказали больше не звонить на квартиру Мясниковых?!

Ну, конечно... Они думают, что во всём виновата она...

Мысли роем вились в Анечкиной голове. Она совершенно не знала, что ей теперь делать. Неужели она больше не увидит Виталия?! Она даже не знает, как идёт следствие, когда состоится суд, пустят ли её на заседание?..

...Она даже не подумала, что сама проходит по делу, как свидетель, а, значит, будет приглашена на допрос. Сосредоточившись на постигшем её горе, Анюта потеряла способность логического мышления.

Единственное, что волновало её сейчас больше всего — у кого бы узнать о судьбе своего парня. По всему выходило, что только у Олега... Они с Виталиком — друзья...

Но как его найти?!

...С этими сумбурными мыслями Аня переступила порог своей комнаты. Неподдельное горе, написанное на её лице, передалось и Нелли. Ничего не знающая девушка решила пока не донимать подругу расспросами, справедливо рассудив, что та расскажет обо всём сама, как только «созреет» для откровенности.

...«Созрела» Аня лишь поздно вечером, после долгожданного звонка Виталика. Она уже ни на что не надеялась, когда заглянувший в комнату сосед по секции окликнул её по имени.

— Аня, там тебе на таксу звонят.

— Мне?! — девушка лежала, отвернувшись к стене, но, услышав заветное слово «такса» моментально вскочила с кровати, — Сейчас...

...Ступни никак не хотели помещаться внутри тапочек. Аня уже была готова бежать босиком...

Преодолев за несколько секунд все лестничные пролёты, она подлетела к висящему на стене таксофону и схватила лежавшую на полке трубку.

— Алло!..

— Анечка...

Услышав голос Виталика, она всё же не сдержалась. Слёзы ручьём потекли по бледному от переживаний лицу, плечи задрожали...

— Виталик... ты где?!

— Я дома. Аня... — судя по голосу, настроение у парня было подавленное, — Мы пока не сможем с тобой увидеться... Анечка, ты меня слышишь?!

— Слы-шу... — захлёбываясь слезами, Аня буквально зашлась тихим плачем, — Слы-шу...

— Анечка, не плачь... — парень говорил негромко, как будто опасаясь, что его кто-то услышит, — Ну, пожалуйста... любимая моя...

— Я тебя очень люблю... — проглатывая вместе со слезами буквы, Аня горячо шептала в трубку, — Люблю тебя...

— И я тебя очень люблю. Послушай меня... Мы обязательно встретимся. Обязательно... Я всё тебе расскажу...

— Я знаю, что ты не виноват! — решив, что парень имеет в виду вчерашний инцидент, Аня поспешила его заверить в своей преданности, — Виталик, я ничего не скажу против тебя! Слышишь?! Пусть меня убивают, но я ничего не скажу!..

— Аня, Аня... — он пытался прервать её лихорадочную речь, — Послушай меня... Ничего говорить не придётся. Дело, скорее всего, закроют... Слышишь?

— Да, слышу!.. — она размазывала слёзы по лицу, — Правда, закроют?!

— На девяносто девять процентов.

— Правда?!

— Но мы пока не сможем с тобой увидеться.

— А когда?.. Когда мы увидимся?!

— Я найду тебя. Анечка... Я хочу, чтобы ты знала, что я очень тебя люблю... Что я только тебя люблю...

— Когда ты придёшь?..

— Я не знаю. Ты меня не жди пока. И не ищи. Я приду к тебе сам.

...Аня с трудом воспринимала то, что сообщил ей Виталий, настолько была потрясена его звонком. Из всего услышанного она поняла только одно: дело против него закроют. Она даже не спросила, жив ли официант.

«Скорее всего, жив, иначе бы Виталика не оставили на свободе».

...Он позвонил, и, судя по всему с ним всё в порядке... это — главное. Он сказал, что придёт... он обязательно придёт! Он всегда выполняет свои обещания...

— Аня... — увидев едва стоящую на ногах Анюту, Нелли не смогла сдержать вопроса, — Что всё-таки случилось?!

— Я расскажу... — с трудом справляясь с охватившим её ознобом, Аня присела на кровать, — Теперь я тебе расскажу всё...

В четвёртом часу ночи Александру разбудил дверной звонок. Сонно посмотрев на часы, она невольно прислушалась. Прихожая была далеко от её комнаты, но девушка явно услышала мужской голос — зычный, низкий, он был похож на голос Ивана Мясникова, отца Виталия. Алю визит ночного гостя испугал. Даже не зная подробностей, было ясно, что причина, по которой он явился на квартиру начальника УВД в это время, крайне серьёзная.

Тихонько встав с постели, Аля на цыпочках вышла из спальни и подкралась к кабинету отца, в котором скрылись мужчины. Она чутко прислушивалась к приглушённым голосам, доносившимся из-за двери, но слов разобрать не удалось.

— Аля... — на ходу завязывая халат, Вероника Григорьевна показала в коридоре, — Ты почему не спишь?!

— Мама... — девушка тревожно смотрела на мать, — Кто это?.. Это дядя Ваня?!

— Да, — шёпотом ответила мать, — дядя Ваня...

— Что-то случилось?!

— Пока не знаю, — мать подошла ближе и тоже прислушалась, — он позвонил папе полчаса назад, и сказал, что им необходимо увидеться, при чём, очень срочно.

— Может, что-то с Виталиком?..

— Не знаю, — Вероника слегка потянула дочь за рукав халата, — идём, нехорошо подслушивать.

— Я хочу знать, что случилось! Вчера у Виталика был день рождения...

— Узнаешь, всему своё время. Идём.

Нехотя подчинившись, Александра вернулась к себе. Ложиться она не стала, а, чуть приоткрыв дверь, присела в кресло так, чтобы был виден коридор. Она сидела так довольно долго, но мужчины всё не выходили из кабинета. Не выдержав, она всё же прилегла...

...Уснула она незаметно. В этом не было ничего необычного — во-первых, на дворе была глубокая ночь, во-вторых, вчера она легла слишком поздно... Она весь вечер просидела, глядя в тёмное окно и не зажигая верхнего света, представляя, как именно в эти минуты Виталий развлекается в самом шикарном ресторане города со Свиридовой. Такого приступа ревности Аля не испытывала ещё никогда. Она даже не задумывалась о причинах этой самой ревности — то ли это была её любовь к Виталию, то ли обыкновенная женская обида, обострённая личными обстоятельствами.

Впрочем, всё это было сейчас неважно... Важно было одно: он предпочёл ей другую девушку. Он унизил, растоптал её чувства к нему... её первые серьёзные чувства.

«Интересно, чем она лучше меня?..»

С этими мыслями она, наконец-то провалилась в беспокойный сон, спустя пару часов нарушенный визитом Виталькиного отца.

— Аля... — кто-то тормозил её за плечо, — Ты спишь?..

— Сплю... — узнав голос матери, Александра подняла голову, — Мам... что случилось?.. Мясников ушёл?

— Ушёл, только что... Я думала, ты не спишь, хочешь узнать, что случилось... ну, ладно, спи...

— А что случилось?.. — Аля тут же села в постели, — Что-то с Виталиком?

— Да... — присев рядом, мать внимательно посмотрела на дочь, — Пока папа разговаривал с Иваном, мне позвонила Соня. Она всё рассказала. Вечером Виталик устроил в ресторане драку.

— И всё?.. — девушка с облегчением вздохнула, — Я думала, что-то серьёзное.

— Не всё. Он ударил официанта, тот головой врезался в настенное зеркало, у него несколько ран, большая потеря крови и сильное сотрясение. Ночью пришлось делать операцию, сейчас он в тяжёлом состоянии...

— Ничего себе... — Аля облизнула вмиг пересохшие губы, — И что теперь?..

— Иван отвёз Виталика домой. Он боится, что этот случай может навредить его карьере... Он приехал к папе, чтобы тот не дал делу ход.

— А папа?..

— Папа ни в какую.

— Почему? Ели этот мужик жив, папа может Виталика отмазать!

— В принципе, может, но... — Вероника задумалась, — Но папа сам сейчас может пострадать. Слишком острый момент... Смена власти. Все боятся за свои кресла... так что, боюсь, Виталику светит уголовное дело.

— А его отцу? — Аля в темноте всматривалась в профиль матери, — Ему что грозит?

— Ничего хорошего. Могут исключить из партии, как следствие — выгнать из обкома.

— За что?! — Александра искренне удивилась словам Вероники Григорьевны, — Это же Виталька натворил...

— Натворил... — мать усмехнулась, — Ох, и натворил твой Виталик... Траур, а он в ресторане развлекается... сын ответственного партийного работника... Да ещё в такой неподходящий момент! Выгонят Ваню из партии... как пить дать, выгонят.

— А мать его — что?

— Плачет, что она ещё может делать. На её карьере актрисы тоже можно ставить крест. Хотя... — Вероника махнула рукой, — Мне её жаль, чисто по-человечески, но, если честно, как актриса она — полный ноль. Хотя и прима театра.

— И что ты ей пообещала?

— Что я могла ей пообещать? Сказала, что поговорю с папой. Но...

— Мама... — девушка вдруг обвила шею матери руками, — Мамочка... поговори с папой... Пусть он что-нибудь сделает!.. Мамочка... Виталика ведь посадят!.. мама... пожалуйста...

— Что же я-то могу сделать?! — обняв дочь в ответ, Вероника тяжело вздохнула, — Мне его тоже очень жаль, так по-глупому попасть...

— Тем более, мамочка!.. Поговори с папой!..

— Я даже не знаю, что может послужить причиной такого явного риска... Это может стоить ему должности в нынешних условиях.

— А где он? Спит?

— Да где там... На кухне сидит, курит, как паровоз. Думаешь, легко ему это решение далось?! Они же с Иваном как-никак старые приятели... Да своя рубашка ближе к телу.

— На кухне?.. — спустив вниз ноги, Аля нащупала тапочки, — Угу...

— Ты куда? — Вероника с удивлением смотрела на дочь, — Аля?..

— К папе. Я поговорю с ним сама.

Подойдя к закрытым дверям кухни, Аля решительно потянула на себя ручку.

...Семён Ильич, действительно, сидел за кухонным столом с сигаретой в руке. Судя по его мрачному виду, настроение было не из лучших. Александра хорошо знала этот тяжёлый отцовский взгляд... И она, и Олег с детства знали, что, когда отец смотрит таким взглядом, к нему лучше не подходить. Если бы дело касалось её самой, то она так бы и сделала...

Но Виталий... Она слишком его любит, чтобы не попытаться спасти...

...Ведь тогда он будет ей обязан...

— Ты-то чего не спишь? — увидев дочь, Семён Ильич нахмурился и затушил в пепельнице очередной окурочек.

— Папа... Что с Виталиком? Я слышала, как дядя Ваня приезжал.

— Вляпался твой Виталик. По самые помидоры... — отец саркастически усмехнулся, — Нашёл же время!..

— А ты... ты можешь ему помочь?

— Как я ему помогу? — Семён бросил на Алю взгляд исподлобья, — Сам натворил, самому и ответ держать.

— Пап... — присев напротив, девушка смотрела на отца серьёзным взглядом, — Помоги ему, пожалуйста... ты же можешь!

— Не могу. И разговор окончен, — тот стукнул по столу кулаком, — я его отцу сейчас отказал, отцу, понимаешь?! А это для меня совсем не лёгкое решение! Так что марш спать. Заступница...

— Папа!.. — неожиданно Аля кинулась к отцу и присела перед ним на корточки, трогательно заглядывая в глаза, — папочка!.. Спаси его, пожалуйста!

— Да тебе-то какой интерес?.. — Семён недоверчиво хмыкнул, глядя на дочь, — Он же бросил тебя, мать сказала. Считай, что понёс заслуженное наказание.

— Он не бросил!.. Мы просто поссорились!..

— А ты вообще в курсе, что вчера он был с девицей?

— Ну, и что!.. Мы с ним поспорили... Эта девчонка, она ничего для него не значит... Помоги ему, папочка!

— Не проси, Аля... не искушай... — покачав головой, Семён Ильич попытался отвести от себя руки дочери, — Ты же первая страдаешь, если что. Я же не за свою шкуру переживаю... как вы все не поймёте?! Вы что, думаете, что я такой деревянный?! Только и думаю, что о своей работе, а вы для меня это — так... ерунда... Думаете, ведь?! А это не так, дочка. Нет у меня дороже никого, чем моя семья. Ты, Олег, мама... О вас и думаю, в первую очередь.

— А, если бы у тебя был внук?.. Ты о нём бы тоже думал, так ведь?! — дочь смотрела на него с таким отчаянием, что мужчина насторожился.

— Что?! — нахмурившись, он чуть подался вперёд, — Это ты сейчас к чему?..

— Папа... — Александра глубоко вдохнула и шумно выдохнула, — Папочка... мы всё равно собирались вам сказать... В общем... У нас с Виталиком будет ребёнок.

— Что-о-о?! — глаза отца в мгновение превратились в два огромных чайных блюдца, — Что-о-о?!

— У нас с Виталиком будет ребёнок... твой внук. Или внучка...

— Да... да я его... — потрясая руками, Семён Ильич силился что-то сказать, но никак не находил нужных слов, а те, что приходили ему на ум, не мог произнести в присутствии дочери, — Да я его засужу!.. я его в порошок сотру!.. Мерзавец!..

Вскочив с места, мужчина торопливо заходил по кухне, сжимая и разжимая кулаки, так, что, услышав его громкий топот, Вероника Григорьевна тоже заглянула в кухню.

— Сеня, — увидев мужа в практически невменяемом состоянии, женщина испуганно застыла на месте, — что ещё случилось?!

— Что случилось?! — муж остановился напротив, буравя её пронзительным взглядом, — Ты ведь знала, да?! Ну, что ты молчишь?! Знала, ведь?!

— Что знала?.. — супруга растерянно смотрела то на дочь, то на мужа, — Да что случилось-то?!

— Мама... — делая глазами знак, Аля уставилась на мать в упор, — Я всё сказала папе... Я знаю, что ты хотела поговорить с ним сама, но у меня не было выхода. Я сказала ему, что у нас с Виталиком будет ребёнок.

— У вас с Вит... — запнувшись на полуслове, Вероника Григорьевна смотрела на дочь непонимающе, — Ах... ну, да... у вас будет ребёнок... да-да...

— Ты хоть понимаешь, что я с вами со всеми сделаю?! — перекинув свой гнев на жену, Семён Ильич сжал побелевшие губы, — Да я вас своими руками!..

...Понимая, что другого выхода нет, обе женщины покорно слушали проклятия главы семьи. Аля сама не могла понять, как это признание вырвалось из её уст. Она совершенно не собиралась обманывать отца, она всего лишь хотела уговорить его помочь Виталию Мясникову... Но, выпалив «признание», в следующий момент вдруг поняла, что лучшего шанса вернуть парня у неё уже не будет. Вполуха слушая отца, она отчаянно соображала, как теперь поставить в известность семью Виталия и, в первую очередь, его самого, что план его спасения готов, и нужно всего лишь его согласие сыграть роль отца их ребёнка...

А Семён Ильич... он, конечно, ещё будет изводить и её, и мать своими упрёками и угрозами, но вряд ли захочет сделать своего будущего внука безотцовщиной ещё до рождения... Во всяком случае, это единственный способ помочь Виталику... и ей самой.

— Ты что?! — втолкнув Александру в спальню, мать схватила её за плечи и с силой встряхнула, — Ты что, с ума сошла?!

— Не сошла... — Аля и сама испугалась того, что только что сотворила, — Просто я хочу вытащить Витальку...

— Но папа будет вынужден рисковать собственным креслом, это ты хоть понимаешь?! — Вероника говорила громким шёпотом, — Нельзя играть чувствами, Аля, нельзя!.. Тем более, Виталик... А, если он не примет твою игру?!

— Не примет, значит, пойдёт в тюрьму, — Аля угрюмо смотрела на свои тапки, — у него будет выбор.

...Сидя в комнате Александры, мать и дочь со страхом ждали решения отца. Зная его характер, они могли предполагать любой исход дела — Семён Ильич был человеком настроения, но всё равно, в душе были уверены, что сердце любящего отца возьмёт верх над сердцем государственного человека...

— Я только одного не пойму, — неожиданно появившись в дверях, Семён был хмур, но

уже более спокоен, — почему Иван мне ничего не сказал?!

— Потому, что он ничего не знает, — Вероника постаралась принять как можно более невозмутимый вид, — они же всё скрывали, Сеня. Но они любят друг друга, понимаешь?! И что теперь, Але аборт делать?!

— Это исключено, — сказал, как отрезал Семён Ильич, — не позволю!

— Тогда ребёнок останется сиротой...

— Не останется... — нахмурившись ещё больше, пробурчал супруг, — Звони Мясниковым... Скажи, пусть приезжают.

— Когда, Сеня?! — супруга смотрела на него с плохо скрываемой радостью.

— Вечером, естественно! Сейчас я на службу.

Глава 12.

— Мама... Теперь надо предупредить Витальку и его родителей... Да?.. — сидя на корточках перед матерью, Аля смотрела на неё по-детски наивно, широко распахнутыми глазами, — Да, мам?..

— О чём?

После полной событий ночи наступило утро, и, воспользовавшись тем, что Семён Ильич уехал на службу, женщины могли вести разговор, не боясь, что их услышат. Олег, который всегда любил поспать, не проснулся даже ночью, и сейчас всё ещё не выходил из своей комнаты.

— Ну, как... — девушка растерянно пожала плечами, — Чтобы они не проговорились папе... ну, что это всё только ради Витальки...

— Господи... — в глазах матери сквозили одновременно и боль, и жалось, и безграничная любовь, — Какой же ты ещё ребёнок... заварила кашу, а как расхлёбывать, даже и не знаешь...

— Почему?..

— Глупенькая ты моя... — Вероника Григорьевна прижала к себе голову дочери, — какая же ты глупенькая...

— А как?.. мама?.. Ну, как теперь?..

— Теперь?.. А теперь уже надо стоять до конца.

— Как?!

— Слушай меня... — отстранив от себя Александру, Вероника Григорьевна пристально уставилась ей в глаза, — Теперь слушай меня внимательно. Всю правду никто не должен знать, кроме нас с тобой. Поняла? Только я и ты.

— А Виталик?.. — девушка смотрела в ответ непонимающим взглядом, — Он же должен знать, что я только ради него...

— Он будет знать. Он будет знать, что ради него ты обманула папу, а, заодно, и меня. О своей настоящей беременности ты сейчас должна забыть, как будто её нет. Понимаешь?

— Нет, — девушка честно покачала головой.

— Представь, что ты не беременна. А просто оговорила себя и Виталика, ради его спасения. И теперь вы вместе с ним будете обманывать и его родителей, и нас.

— Но ведь я...

— Про это мы вспомним потом. А сейчас — забудь. Иначе можешь проговориться. Теперь тебе придётся вести двойную игру. Сейчас ты позвонишь Виталику и скажешь, что у тебя есть к нему разговор. Это нужно сделать как можно скорее... Отец может не выдержать, и связаться с Мясниковыми, и тогда окажется, что Виталик ни о чём не знает, а

назад уже пути не будет. Так что, звони.

...Выйдя из спальни дочери, Вероника Григорьевна вошла в ванную и защёлкнула за собой замок. Глядя на своё отражение в большом зеркале, расчесала волосы и заколола их на затылке. Открыла холодную воду и умывалась долго, без мыла, как будто хотела смыть с лица последнюю тень тревоги и сомнения... Потом оперлась ладонями о края новой импортной раковины, и стояла так какое-то время, опустив голову и прикрыв глаза...

«Господи... что же мы делаем?!»

После того, как Аля выпалила неожиданное «признание», первым порывом было подтвердить её слова о беременности, но опровергнуть причастие к ней Виталика... но, мгновенно прокрутив в голове всю ситуацию, она изменила своё решение. Лучшего шанса оправдать беременность Александры, и заставить Виталика жениться на ней вряд ли бы подвернулось. Она, конечно, сама была за аборт... но, раз судьба посылает им эту возможность, не воспользоваться ею — преступление. С Виталиком они потом как-нибудь разберутся... А вот оправдать дочь перед Семёном, это огромная и неразрешимая проблема. Не скажешь ведь, на самом деле, что отцом её ребёнка является простой курсант, о котором сама Аля не знает абсолютно ничего... Только имя и фамилию. А уж о том, как Семён будет сживать со свету её, Веронику, за то, что она так воспитала их дочь, лучше не думать вообще.

Нет, пожалуй, другого выхода у них нет... А для Виталика женитьба на Альке намного выгоднее, чем судимость.

«И всё-таки... Что же теперь будет?!»

— Это плохая шутка, Сандра, — голос Виталия в телефонной трубке звучал угрюмо, — так что извини, не принимаю.

— Я не шучу, — девушка слушала биение своего сердца — оно отдавалось даже в кончиках длинных, тонких пальцев, — я сказала отцу, что беременна от тебя. Он уехал на службу, и сказал, чтобы ты приехал к нам вечером вместе с родителями.

— Что за ерунда, — судя по тону, Виталий начинал злиться, — ты хочешь на меня повесить ещё и изнасилование?!

— Дурак, — Аля в сердцах хотела бросить трубку, но в последний момент передумала, — ты — дурак, понял?! Я тебя хотела спасти, а ты такую ерунду говоришь?! Ну, если тебе в тюрьму хочется, то, пожалуйста. Я скажу отцу, что пошутила. Чао, бамбино.

...Она сидела на кровати, обхватив руками колени, когда через десять минут зазвонил телефон.

— Это я... — уже другим тоном произнёс Виталик, — Прости, Сандра... я ещё не проснулся...

— Ты ещё и спал? — девушка усмехнулась, — Ну, ты и фрукт. Мы вот из-за тебя всю ночь не спали, переживали...

— Ну, извини. Так что Семён Ильич сказал? Он поможет, если я скажу, что ты от меня беременна?

— Думаю, что да.

— Он так сказал, или это твои догадки?

— Он не сказал. Он ничего не скажет, я его знаю. Но он поможет, иначе бы не приглашал вас вечером. Впрочем, повторюсь, у тебя есть выбор.

— Хорошо, хорошо, — парень нетерпеливо перебил девушку на последнем слове, — я всё понял. Я должен подумать.

— Подумать?! — Александра от возмущения застыла с широко открытыми глазами, — Ну-ну... подумай. Только не опоздай.

Снова положив трубку, она плашмя упала на мягкую постель. Зря она думала, что Виталик тут же кинется целовать ей ноги... Он, видите ли, ещё подумает!

«Коз-зёл!..»

Не надо было ей ничего говорить отцу. Сейчас бы все протоколы уже попали в сводку, и уголовное дело Виталию было бы обеспечено. Впрочем, и сейчас ещё не поздно отказаться от своих слов. Пусть ему Свиридова передачи таскает...

...Следующий звонок от Виталия прозвучал только через два с половиной часа.

— Сандра, — в его голосе чувствовалось невероятное напряжение, как будто этот разговор стоил ему огромных усилий, — нам нужно увидеться, но... Я не могу сейчас уйти из дома. Ты собираешься в институт?

— Нет, я не собираюсь в институт, — нарочито равнодушным тоном произнесла девушка, — а что?

— Ты не могла бы приехать ко мне сама?

— Ну, ты даёшь. Я ради тебя наговорила на себя всякую чушь... я же ещё и должна к тебе ехать?!

— Ну, тогда я не знаю. Отец запретил из дома выходить.

— Давно ли ты такой послушный? — Аля ехидно усмехнулась, и, как бы нехотя, добавила, — Ну, ладно... Я приеду прямо сейчас.

...Собираясь в дом к Мясниковым, Александра чуть не прыгала от радости. Проснувшийся к этому времени Олег с удивлением смотрел на сестру, радостно перебегающую из комнаты в комнату в поисках то сумочки, то бижутерии, то перчаток.

— У нас всё нормально? — стоя в дверях прихожей, брат наблюдал, как сестра торопливо надевает кожаные сапожки итальянского производства.

— Да, а что? — едва бросив на него взгляд, Аля принялась надевать драповое приталенное пальто с воротником из голубого песка, закрывающим половину спины, плечи и всю грудь.

— Да какие-то все с утра пристукнутые. Витале позвонил, он вообще говорить не хочет, как вчера погулял... В институт не поехал...

— А ты сам-то поехал? — Александра бросила на Олега ещё один взгляд — исподлобья, — Чего тогда к другим пристаёшь?

— У меня уважительная причина.

— Это какая же?

— Учиться неохота.

Дома Виталик оказался не один — дверь Але открыла домработница Мясниковых Фаина, белокурая миловидная женщина тридцати лет.

— Алечка, девочка моя, здравствуй! — Софья Вениаминовна с распостёртыми объятиями вышла в прихожую и направилась к девушке, — Как я по тебе соскучилась!

— Здравствуйте, тётя Соня, — Александра подставила лицо под трехкратный поцелуй, — я к Виталику.

— Я знаю, он мне сказал, что ты придёшь. Спасибо тебе, дорогая, что решила поддержать нас...

— А где он? — не очень-то обращая внимание на театрально-демонстративную встречу,

Аля по-свойски шагнула в сторону гостиной.

— У себя, — Софья Вениаминовна горько нахмурила брови и отрешённо махнула рукой, — переживает ужасно! Иван Михалыч приезжал к вам ночью... Семён бы и рад помочь, но... мы всё понимаем... Алечка, мы, конечно, всё понимаем!

— Я пройду? — обернувшись, девушка кивнула на дверь комнаты Виталия.

— Ну, конечно, конечно! Я сейчас скажу Фае, чтобы она поставила чай.

Слушая мать Виталика, Александра усмехнулась про себя. Несмотря на свой юный возраст, она прекрасно понимала, чем вызвано это явное заискивание. Софья и раньше поощряла отношения своего сына с дочерью начальника УВД, и причины этому были. Родная сестра Софьи Вениаминовны была директором продовольственного магазина, и заведовала дефицитными продуктами. Она снабжала ими семью Мясниковых, и связи в милиции были выгодны обеим. К тому же, зная авантюрный характер своего единственного сына, Софья могла предполагать, что однажды эти связи могут ей очень пригодиться. Сейчас выходило, что она не ошибалась.

Толкнув дверь, Аля переступила порог комнаты своего бывшего жениха. Последний раз она была здесь в конце лета.

Виталик лежал на большой кровати, отвернувшись лицом к стене и, казалось, спал.

— А у тебя железные нервы, — Аля произнесла эти слова громко, с явной насмешкой. Услышав её голос, парень резко повернулся и сел.

— Привет, Сандра, — потирая ладонями лицо, он глубоко и шумно вздохнул, — Спасибо, что пришла.

— Да не за что, — бросив сумочку на стол, девушка с размаху шлёпнулась в глубокое кожаное кресло, закинула ногу на ногу, — если честно, то я пожалела, что так сболтнула отцу. Может, тебе это вовсе и не нужно. Ты вон спишь спокойно, у тебя всё в порядке... Да?

— Нет. Не в порядке, — парень подался вперёд и нервно сцепил пальцы рук, — я не спал... Мать дала какие-то таблетки... В общем, я попал, Сандра.

— Что, всё так плохо?

— Не то слово. Мужик этот, которого я... в общем, у него серьёзная черепно-мозговая травма. Отец узнавал в больнице, ему делали трепанацию, и неизвестно, выживет он, или нет.

— Чем же ты его так огрел?! — девушка удивлённо округлила глаза, — Гирей, что ли?

— Кулаком. Но, как сказали отцу, такой удар бывает один на сотню... И он был именно мой. К тому же, он в зеркало врезался, ему там осколками череп вспорол... в общем, тяжкие последствия. Вся надежда была на Семёна Ильича... Отец бы оплатил и лечение, и всё остальное... договорились бы с ним как-нибудь... Но Семён Ильич сказал, что именно сейчас не может ничего сделать. Если бы не траур, не смена власти... В общем, все обстоятельства против меня.

— И что тебе грозит?

— Лет пять минимум... даже если дадут условно, отцу грозит исключение, он уже все варианты пробил. Матери тоже ничего хорошего не светит...

— Зато отдохнул ништяк... Да?.. — Александра многозначительно посмотрела на молодого человека, — Кстати, а что делала Свиридова в это время? Почему она тебя не остановила? Ведь драка была из-за неё?

— Нет, она тут ни при чём, — Виталий говорил глухим голосом, опустив голову вниз, — и, вообще, давай не будем про это...

— Ну, конечно... — Аля не оставляла ехидного тона, — Это же не ты... это же я тебя бросила, да?..

— Послушай, Сандра, — Виталий поднял на неё взгляд, — давай сейчас не будем про это? Да, я нехорошо поступил с тобой... я всё признаю... но ты ведь не ради этого сказала, что беременна, правда? Или... или ты сейчас просто тупо хочешь отомстить?.. Подала надежду, а теперь...

— Ты точно придурок, — Александра покачала головой, — при чём, конченный. Я что, самоубийца, просто так отцу такие вещи говорить?! Тем более, что у нас с тобой ничего не было...

— Так ты ему точно сказала?

— А почему, ты думаешь, протокол у него в сейфе, а не у дежурного в сводке?!

— В сейфе?.. откуда ты знаешь? Он сам сказал?

— Мать ему звонила перед моим уходом. Он ещё ночью позвонил в дежурную часть, чтобы твой протокол ему привезли и на стол положили.

— Что теперь я должен делать?.. — вздохнув с явным облегчением, парень уставился на свою собеседницу, — Что теперь вообще делать?..

— Теперь... — Аля бросила на него осторожный взгляд и тут же отвела его в сторону, — Теперь у тебя два варианта. Либо мы говорим, что у нас будет ребёнок... и тогда отец делает всё возможное ради предполагаемого внука... Либо я говорю, что пошутила... и все свободны.

— Да уж... — Виталий невесело усмехнулся, — Все свободны... Кроме меня.

— Смотри сам.

— Ну, хорошо... сейчас мы с тобой выходим и говорим обо всём моей маме... она звонит отцу... вечером мы едем к вам...

— Мои уже в курсе, — Аля насмешливо скривила губы.

— Ну, а дальше — что?.. Допустим, Семён Ильич поверит, не даст делу ход... А потом?.. Ребёнка-то нет...

— Придётся сделать так, что будет... — Александра исподтишка наблюдала за Виталиком, — Ну, или я потом признаюсь всем, что просто хотела тебя на себе женить... и всё выдумала про ребёнка...

— Женить?! — до парня, кажется, только сейчас окончательно дошло, чего, в конце концов, добивается его бывшая девушка, — Ты предлагаешь...

— Предлагать должен ты! — догадавшись по его тону, что он и не думал о женитьбе, она выкрикнула это с обидой, — Ты что, тупой?! Или думаешь, что отец будет рисковать своей должностью ради постороннего человека?! Впрочем, я повторяю ещё раз, у тебя есть выбор. Я свой вариант предложила, но, вижу, что зря. Не буду навязываться. Прощай...

Вскочив с кресла, Аля торопливо шагнула к двери. Ей стало невыносимо обидно, что она вот так унижается перед этим предателем... А он, действительно, предатель, он предал её, променял на другую... И, действительно, какая же она дура!.. Его не пугает даже тюрьма, а она так хотела его спасти...

Кинувшись к вешалке, она торопилась одеться, чтобы не расплакаться прямо здесь, в квартире Мясниковых.

— Сандра, подожди!.. — Виталий широкими шагами пересёк огромную прихожую и схватил её за локоть, — Подожди!..

— Что тебе надо?!

В её глазах было столько искренней обиды и боли, что ему стало по-настоящему стыдно... Она, действительно, хочет ему помочь... И это, действительно, шанс. Сын приятеля и муж дочери — два совершенно разных статуса... И, если в первом случае Семён Ильич Дзюба отказал в помощи, то во втором случае сделает всё, от него зависящее, чтобы его родной внук не остался сиротой...

— Идём, — он решительно потянул её за руку, — слышишь, Сандра?

Сопротивляться Аля не стала. Она покорно пошла за ним следом в гостиную, где находилась Софья Вениаминовна. Увидев в дверях сына с девушкой, та подняла на них полные страдания глаза.

— Мама... — Виталик встал перед матерью, держа за руку Александру, — Мы не можем больше скрывать...

— Что?! — женщина машинально схватилась за сердце, — Что ещё?!

— Ты успокойся... — судя по тону, парень сильно волновался, — Ничего страшного... Скорее, наоборот. В общем, мы с Алей... у нас будет ребёнок.

— Как... — Софья Вениаминовна переводила растерянный взгляд с сына на Александру, — Как — ребёнок?!

— Вы простите нас, тётя Соня... — Аля скромно потупила глаза, — Но... так получилось... И мои родители уже знают.

— Знают?! — женщина вытаращила изумлённые глаза, — А почему мы до сих пор не знали?!

— Я сказала им только утром. И ещё... — девушка нарочно сжала ладонь Виталика, — Виталькин протокол находится у папы... Так что, возможно, всё утрясётся...

— Это правда?! Алечка!.. Это — правда?! — в глазах Софьи блеснули неподдельные слёзы.

— Правда...

— Но Ваня сказал, что...

— Папа принял решение потом, когда дядя Ваня уже уехал.

— Софья Вениаминовна, — хорошенькое лицо Фаины заглянуло в дверь, — вас Иван Михайлович, к телефону...

Оставшись вдвоём в гостиной, молодые люди старались не смотреть друг на друга. Казалось, чувство неловкости охватило обоих после вынужденного «признания».

— Слушай... — Виталий, наконец, нарушил тягостное молчание, — А, если твой отец потребует подтверждения? Как тогда?..

— У матери есть знакомый гинеколог... — отвернувшись к окну, Аля почувствовала, как впервые за сегодняшний день её лицо заливается краской, — Думаю, она даст справку...

— Так Вероника Григорьевна в курсе?..

— Нет, но... — догадавшись, что практически выдала тайну, Аля лихорадочно соображала, как теперь исправлять положение, — Я могу сказать врачу, что у меня есть признаки... что меня тошнит... в общем, всё это неважно, как-нибудь выкручусь... Главное, чтобы против тебя дело не завели.

— А что, если твой отец скажет, что сам воспитает внука...

— Ты ищешь причину, чтобы отказаться? Дело твоё... Ты не теряешь ровным счётом ничего... кроме свободы.

Появившаяся в гостиной Софья Вениаминовна прервала их негромкий разговор.

— Ваня всё уже знает! — она посмотрела на Алю, потом перевела взгляд на сына, —

Папа уже всё знает! Семён сам позвонил ему... Виталик, ты понимаешь, что это значит?! Это значит, что он поможет... Семён поможет, сынок!.. Алечка!.. — женщина снова посмотрела на девушку, — Твой малыш... вернее, ваш малыш!.. Он спас Виталика... Я уже его обожаю, Алечка! Я его обожаю!..

— Мне пора, — демонстративно не обращая внимания на слова Софьи, Аля сделала шаг из комнаты, затем снова обернулась на Виталия, — проводишь?

— Да, конечно, — он угрюмо проследовал вслед за ней в прихожую, — наверное, я должен тебя поблагодарить...

— Наверное?.. — Александра насмешливо ухмыльнулась уголком губ, — Наверное — не стоит.

— Прости, Сандра... — парень взмахнул обеими руками, — Я, наверное, не то говорю сейчас, но ты меня пойми... Столько всего навалилось за последние сутки... просто я ещё не привык... не вжился в роль...

— Ты же любишь играть разные роли?.. — девушка многозначительно приподняла тоненькие брови, — Так что это — твоя стихия... ты должен получить удовольствие!.. Впрочем, до вечера у тебя есть время, чтобы всё ещё раз обдумать. А то получается, что я тебя хочу женить на себе насильно.

— Ну, зачем ты, я же извинился. Ты представить себе не можешь, как мне тяжело...

— Виталик, а ты что, Алечку одну отпускаешь?! — Софья Вениаминовна вошла в прихожую, — Мало того, что она не захотела с нами выпить чаю, так ещё и одна уходит!.. Немедленно поезжай с ней!

— А отец? Он сказал, из дома ни ногой.

— Я так понимаю, что обстоятельства изменились... — мать недвусмысленно посмотрела на сына, — И ты просто обязан сейчас поехать с Алей. А мы с папой приедем вечером...

...Визит Мясниковых затянулся до позднего вечера. Виталий и Александра в очередной раз повторили своё «признание», уже в торжественной обстановке, в присутствии всех родителей, после чего молодой человек попросил у Семёна Ильича руки его дочери. Сделав чересчур строгое лицо, тот с видимой неохотой сказал своё родительское «да»...

...Проводив, наконец, гостей, Вероника Григорьевна вошла в спальню дочери и присела рядом на кровать.

— Что же мы с тобой наделали-то... а?.. Алька... — глядя куда-то вниз, вполголоса произнесла женщина.

— Мы спасли Виталика... — шёпотом ответила Александра, — И меня тоже...

— Господи... что теперь будет?! Может, надо было просто сделать аборт...

— Я люблю его, мама.

— А он?.. Он-то любит?..

— Полюбит, — девушка упрямо поджала губы, — а не полюбит, сядет, как миленький.

— Ох, боюсь... как бы слезами всё не обернулось. Да поздно бояться...

— Мам... — повернувшись к матери, Аля вдруг стала похожа на маленькую девочку, — А что мне теперь говорить Витальке?.. Ведь два месяца уже...

— Ничего не говори... Свадьба будет сразу, как закончится траур. В ЗАГСе распишут по справке, а справку Татьяна Алексеевна даст настоящую. А там... там уже как-нибудь я с ней договорюсь. Она тебе другую карточку заведёт, с другим сроком... Родишь семимесячного...

— А Виталик не догадается?..

— Надо сделать так, чтобы не догадался...

— Как?!

— Я тебя научу... я тебя всему научу... И пусть Бог меня накажет.

Глава 13.

Вот уже который день Александра не появлялась в институте. Погружённая в свои невесёлые мысли Аня даже не сразу заметила её отсутствия. Лишь на третий или четвёртый день после неудачного дня рождения Виталика она более реально начала воспринимать происходящее, и с удивлением обнаружила, что не видит Сандру среди одноклассниц.

Впрочем, этот факт её вовсе не расстроил, скорее, наоборот. Всё, что занимало её сейчас больше всего, было связано с Виталием, а о нём у Анечки не было никаких сведений. Во время последнего телефонного разговора он сказал ей, чтобы она не звонила и не искала с ним встречи, и что он сам найдёт её, как только обстоятельства сложатся лучшим образом. Все эти дни Аня только и думала об этих самых обстоятельствах, терпеливо ожидая, когда снова сможет увидеть своего любимого парня.

...Она почему-то уповала на день похорон Брежнева... Ей казалось, что дело именно в них, ведь все только и заняты подготовкой к этому событию... Вот и партийное начальство тоже готовится...

К чему конкретно готовится «партийное начальство» в лице Мясникова-старшего, Аня не могла себе представить, но наивно думала, что ему сейчас просто не до Витальки, и что, как только все траурные мероприятия завершатся, он окончательно утрясёт все проблемы, связанные с сыном.

Виталий будет полностью освобождён из-под домашнего родительского ареста.

...Она ждала его звонка и пятнадцатого, и шестнадцатого ноября... Но Виталий не звонил и не появлялся.

Неизвестность угнетала, и Аня совсем извелась за эти дни. Наконец, не выдержав, семнадцатого числа она после занятий зашла в телефонную будку и набрала номер квартиры Мясниковых. Она втайне надеялась услышать самого Виталия, но вместо него ответила какая-то женщина, видимо, домработница. Помня о предупреждении, Аня не стала разговаривать и повесила трубку... В этот день она ещё несколько раз набирала заветный номер, но парень так и не ответил.

— Алло!.. Ну, что вы молчите?! — под вечер, устав от непонятных звонков, женщина на том конце сорвалась на крик, но, видимо, услышав вопрос кого-то из членов семьи Виталия, тут же перешла на более спокойный тон, — Кто-то звонит целый день, и молчит!.. Понятия не имею!..

Торопливо повесив трубку общежитского таксофона, Аня нехотя поднялась на свой этаж. Увидев подругу в дверях комнаты, Нелька вопросительно вытаращила на неё свои глазищи.

— Ну, чего, Ань?! Дозвонилась?

— Нет, — пройдя к своей кровати, Аня легла поверх голубого, в белую снежинку, покрывала и свернулась скорбным калачиком, — его не подпускают к телефону.

— Может, его дома нет?

— Я чувствую, что он дома... Просто его не подпускают.

— Почему ты так думаешь?

— Не знаю... мне кажется, из-за меня... его родители во всём винят меня...

— С чего ты взяла?! — Нелли удивлённо приподняла тоненькие, свежесвыщипанные в ниточку бровки, — Делать им больше нечего, только тебя винить! Он подрался, а ты виновата?!

— Виновата... — Аня убеждённо кивнула сама себе, — Надо было его удержать, а я не успела.

— Ага... — Нелька скептически усмехнулась, — Удержишь такого!.. Он на две головы тебя выше, да здоровый такой...

— Всё равно... Я должна была его удержать... должна!

— Ань... — не в силах смотреть, как страдает подруга, Нелли присела рядом с Анютой и положила ей на плечо ладошку, — Ну, не переживай ты так... Вот увидишь, завтра уже позвонит! Или вообще — сам приедет! Вот увидишь!..

...Он не позвонил и на следующий день. Вернувшись после занятий в общежитие, Аня мужественно прошла мимо таксофона. Она уже не знала, что и думать. Прошла почти неделя с того дня, как они виделись в последний раз. Она не имела ни малейшего понятия о том, что на самом деле происходит с Виталием... Дома ли он, или его забрали «в тюрьму»... И, если дома, то почему он до сих пор не подал о себе никакой весточки?..

«Он в тюрьме!..»

Да, видимо, его отцу не удалось уладить дело... И Виталика забрали... Иначе он нашёл бы способ сообщить о себе.

...Анюта промучилась до позднего вечера. Она несколько раз порывалась пойти позвонить с таксофона на квартиру Мясниковых, и каждый раз останавливала себя. В это время его родители должны быть дома, а они не будут с ней разговаривать! Нет, нужно звонить днём, когда в квартире одна домработница... Завтра она так и сделает! Она только спросит о Виталике!.. Неужели эта женщина откажет в такой малости?!

На следующий день, отсидев всего одну пару, Аня покинула аудиторию и спустилась в вестибюль. Институтский таксофон, как всегда, не работал, и она, получив в гардеробе пальто, вышла на улицу. Ближайший телефон-автомат находился неподалёку, на углу двух улиц, и Анечка добежала до него за пару минут.

...Набирая номер, она слышала, как оглушительно стучит сердце...

— Алло! — уже знакомый женский голос ответил на удивление быстро, как будто женщина нарочно ждала её звонка, — Слушаю!

— Здравствуйте, — с трудом справляясь с дрожью в голосе, поздоровалась Анюта, — с кем я разговариваю?

— Вы куда звоните? — настороженно переспросила женщина.

— Я звоню на квартиру Мясниковых... С кем я говорю?

— Это Фаина.

Мать Виталика звали Софья, и, зная это, Анечка немного осмелела.

— Скажите... — девушка внезапно запнулась, — Скажите... а Виталий дома?..

— Его нет... — в голосе Фаины послышалась усмешка, — До свидания.

— Подождите!.. — видимо, в возгласе Анюты было столько неподдельного отчаяния, что женщина не положила трубку, а продолжала слушать, — Подождите!.. Вы мне только скажите, он в тюрьме?!

— С чего вы взяли, что он в тюрьме?! — теперь в тоне Фаины сквозило искреннее удивление.

— А где он?!

— Послушайте, девушка... — женщина чуть приглушила голос, — Не звоните ему больше. Это всё, что я могу вам сказать.

— Пожалуйста, не вешаете трубку!.. Вы мне только скажите, что с ним?! Он точно не в тюрьме?!

— Нет.

Что-то в этом «нет» насторожило Анюту... Женщина сказала это слово иронично, даже многозначительно.

— А где... где он? Ну, пожалуйста... мне больше ничего не нужно...

— С ним всё в порядке. Можете не беспокоиться.

— Он сейчас дома?..

— Нет, не дома... Девушка, я ответила на все ваши вопросы. И поэтому очень прошу, больше сюда не звоните... Это же вы звоните и молчите в трубку?

— Н-нет... — неуверенно соврала Аня, — Это не я... Просто... мне нужно было узнать...

— До свидания.

Торопливость, с которой Фаина попрощалась и повесила трубку, могла означать лишь одно: кто-то вошёл в квартиру...

Возвращаться на занятия не было ни сил, ни настроения, и Аня поехала к себе в общежитие. Разговор с домработницей Мясниковых ничего не прояснил, кроме того, что с Виталием всё в порядке. Но почему-то сейчас Анечку этот факт вовсе не радовал... Нет, она, конечно, испытала облегчение, узнав, что любимый парень не в тюрьме, а дома, и, судя по всему, жив и здоров... Но этот факт только добавил неясности. Если дело с официантом удалось утрясти, то почему Виталик до сих пор не объявился, и ничего ей не объяснил? Он мог хотя бы позвонить...

...Когда Нелли вернулась из института, она застала свою подружку лежащей на кровати. Анечка не спала... Она молча смотрела в одну точку полным печали взглядом...

— Ну, что?.. — присев рядом, Нелька участливо смотрела на подружку, — Дозвонилась?

— Дозвонилась... — одними губами беззвучно прошептала та.

— И чего?..

— Ничего.

— Как — ничего? Ты с ним говорила?

— Нет. С домработницей.

— Ну, и?..

— Она сказала, что с Виталиком всё в порядке... и, чтобы я больше не звонила...

— Ну, вот! — Нелька радостно потрепала Аню за плечо, — Всё в порядке! Я же говорила!

— Но он мне так и не позвонил...

— Позвонит! — уверенно кивнула подружка, — Да не убивайся так, Аня! Подожди... — девушка внезапно нахмурилась, — У вас... у тебя с ним что-то было?..

— Нет... — Аня покачала головой, — Но какая разница...

— Огромная! Если ничего не было, то и переживать не стоит!

— А я не могу... — Анюта присела на кровати и подняла на Нельку полный страдания взгляд, — Не могу, понимаешь?! Мне кажется, что его нет, и меня тоже — нет...

— Кстати... — как будто вспомнив о чём-то, Нелли закусил губу и потупила глаза, — Ты ушла сегодня, и не слышала... в общем, говорят, что Дзюба замуж выходит.

— Кто?.. Сандра?.. — на несколько секунд замерев от услышанной новости, Аня почувствовала, как внутри что-то предательски зануло, — Откуда ты знаешь?

— Светка Мартынова сказала по секрету Вальке Милютиной. А Милютина — всем остальным, тоже по секрету...

— Да ну... Когда бы она успела, по-моему, у неё никого не было после Виталика...

— Не знаю, за что купила, за то и продаю. У Мартыновой мать в милиции работает, вроде бы сведения оттуда... Но, в любом случае, не зря Дзюбы уже неделю на занятиях нет.

— Вообще-то да... — Аня растерянно кивнула, — Странно...

Внезапная догадка обожгла всё внутри... Дело Виталика могли закрыть только с помощью кого-то в органах... Мясников-старший что-то говорил об отце Сандры, когда вёз сына из ресторана домой!.. Нет... Этого не может быть...

— И когда она выходит замуж? — в один миг пересохшими губами спросила Анечка, — Не сказали?

— Послезавтра.

— А за кого, не знаешь?..

— Не-а... — судя по выражению лица, Нелли говорила искренне, — Светка не сказала. А ты что подумала?.. Про Виталика?! Да ну-у-у!.. Ань, ты что! Он тебя любит!

Долгожданный звонок прозвучал на следующий день. Отсидев после бессонной ночи три пары в институте, измученная сомнениями Аня вернулась в общежитие, и, как и в предыдущие дни, тут же улеглась на кровать. Делать ничего не хотелось, не хотелось ни есть, ни пить... Она молча лежала и смотрела на увядшие гвоздики... В другое время она давно бы выбросила поникшие цветы, но теперь никак не решалась это сделать. Это были цветы, подаренные ей Виталиком... Они напоминали ей о нём... о его руках, его любимых глазах... Глядя на подругу, Нелли тоже не трогала пожухлый букет... он так и стоял в стеклянной голубой вазе на широком подоконнике.

— Анька! — внезапно вбежавшая в комнату Нелли смотрела на Аню радостным взглядом, — Беги вниз! Тебе Виталик звонит!

— Виталик?! — приподняв голову с подушки, та как будто не могла поверить словам соседки, — А ты откуда знаешь?!

— Да я трубку сняла! Представляешь?! Он на меня попал! Да беги скорее, пока не отключился!..

...Ей хватило нескольких секунд, чтобы оказаться внизу.

— Алло!..

— Аня... — это был, действительно, Виталий, — Нам срочно нужно увидеться!

...Ну, конечно... конечно, она немедленно оденется и побежит в парк... это недалеко от общаги... Они не раз гуляли там вместе... Сейчас... она только оденется!..

От радости, что она сейчас увидит своего любимого парня, Анечка даже не задумалась, почему Виталик сам не пришёл к ней, а предложил встретиться в почти безлюдном месте...

Не отвечая на Нелькины расспросы, она торопливо оделась, и уже через несколько минут была на крыльце общежития. Дорога до парка заняла ещё около пяти минут...

Видимо, придя чуть раньше, он уже ждал её на заснеженной аллее.

— Вита-а-а-ли-и-и-к!..

...Повиснув на нём с разбегу, Анечка не могла сдержать слёз... Она так долго ждала этой минуты... Вот сейчас... сейчас он рассеет все её сомнения... успокоит... Он такой сильный и надёжный, и теперь у них всё будет хорошо.

...Схватив в охапку. Виталий изо всех сил на весу прижимал к себе обмякшее девичье тело. Что-то настораживало в его долгом молчании... и, уткнувшись лицом в его плечо, Аня нарочно долго не разжимала рук, чтобы оттянуть минуту объяснения.

...Взглянув, наконец, в его серые глаза, она вдруг осознала, что предчувствия её не обманули, и что сейчас она услышит что-то страшное...

— Анечка... — он тоже вглядывался в неё, как будто хотел запомнить на всю жизнь дорогие черты, — Я хочу, чтобы ты знала... я люблю только тебя... И буду любить всегда...

— Я тоже тебя люблю, — всё, что она хотела ему сказать, вдруг вылетело из головы, осталась лишь одна эта фраза, — я тебя очень люблю...

— Мы всё равно будем вместе... ты слышишь?.. Аня... Мы всё равно будем когда-нибудь вместе!

— Почему?.. Почему — когда-нибудь?.. — она попыталась рассмеяться, — Мы уже вместе... мы ведь вместе?..

— Мы будем... обязательно будем... у нас всё будет хорошо...

— Но ведь всё уже хорошо... Разве нет?

— Нет... — он взял в ладони её лицо, — Всё плохо... очень плохо.

— Плохо?.. ты под следствием?.. — её синие глаза смотрели на него с нескрываемым отчаянием, — Тебя могут посадить?..

— Нет... — внезапно отстранившись, парень сделал несколько шагов в сторону, затем так же внезапно повернулся к девушке, — Аня, послушай...

— Почему ты так долго не приходил?.. — ему показалось, что она боится услышать его признания, — ты был в тюрьме?..

— Нет. Я не был в тюрьме.

— А где... Где ты был?..

— Дома. Я не мог прийти. Я и сегодня не мог... нас не должны видеть вместе... И... мы больше не можем быть вместе... какое-то время...

— Не можем... — она эхом повторила за ним эти слова, — Почему?..

— Так сложились обстоятельства... — он глубоко и судорожно вздохнул, — В общем... я должен жениться.

— Жениться?!

...Ей показалось, что земля уходит из-под ног. Ещё днём, услышав принесённую Нелькой весть, в глубине души Аня почувствовала беду. Она не могла понять, откуда идёт это чувство, но уже осознавала его неизбежность.

...В сгущающихся сумерках заснеженная дорожка была едва различимой, и Аня бежала, скорее, по интуиции, подгоняемая одной мыслью — не видеть его больше никогда! Она была уже в конце аллеи, когда Виталий догнал её, и на ходу заключил в объятия...

...Она плохо понимала смысл его отрывистых фраз, запоминая лишь слова.

Он любит только её... Они обязательно будут вместе, со временем... кажется, он повторял эти слова уже в сотый раз... Он просит его простить... он умрёт, если она не простит его...

— Аня!.. — он тряс её за плечи, когда она вдруг очнулась, будто ото сна, — Ну, скажи что-нибудь! Анечка!..

— Ты... — чувствуя, как силы покидают тело, она пыталась в темноте взглянуть в его глаза, — Ты променял меня на свободу?.. Да?..

— Нет! — он энергично помотал головой из стороны в сторону, — Я пошёл бы в тюрьму... Но я никогда не променял бы тебя на свободу!..

— Тогда на что ты меня променял?!

— Я не менял тебя... Здесь другое.

— Ты женишься... на Сандре?!

— Да, но...

— Её отец тебя отмазал от тюрьмы?..

— Нет, это вообще ни при чём.

— Прощай, — Аня сделала попытку вырваться из его крепких рук, — не держи меня!.. Отпусти...

— Она беременна...

— Что?!

— У нас будет ребёнок. И только поэтому я не могу сейчас бросить её...

— Этого не может быть...

Вспомнив, как она убирала баню бригадирши, Аня недоверчиво покачала головой. Хотя... неужели, Виталик встречался с Сандрой уже после того, как расстался с ней?

— Это случилось ещё раньше... — он как будто услышал её мысли, — До тебя. Я ни о чём не знал.

— Не может быть...

— Это правда. Она сказала только сейчас. Её отец пообещал посадить меня за изнасилование. Но я бы не испугался даже этого... просто я не могу сейчас бросить своего ребёнка.

«Этого не может быть...»

Аня растерянно смотрела куда-то вдаль... Выходит, это не Сандра мылась тогда в бане у Михалны...

Впрочем, какая теперь разница.

Мир рухнул...

В нём не осталось больше ничего такого, что могло бы вызвать у неё интерес к жизни...

У неё больше нет Виталика... А, значит, и самой жизни больше — нет.

— Горь-ко! Горь-ко! Горь-ко! — после тяжёлых траурных дней гости с предельной искренностью предавались свадебному веселью.

Сидя в центре длинного, накрытого белоснежной скатертью стола, Аля то и дело бросала взгляды на своего новоиспечённого мужа. Ещё в обед, по дороге в ЗАГС, Виталий показался ей слегка выпившим, а теперь, оказавшись за свадебным столом, он и вовсе не пропускал ни одной рюмки.

Их такая скоропостижная свадьба, устроенная родителями буквально за одну неделю, была, отнюдь, не пышной. Этому было несколько причин. Во-первых, только что закончился траур, и многочисленное веселье пока не вписывалось в общий настрой. Во-вторых, времени на подготовку было катастрофически мало, и обе стороны приняли мудрое в этом случае решение — отпраздновать событие как можно скромнее, тем более, что положение жениха всё ещё было довольно шатким. Официант Анатолий шёл на поправку очень медленно, судя по всему, ему предстояла длительная реабилитация, и родители Виталия были вынуждены

провести с потерпевшим не очень приятные переговоры, в результате которых тот всё же не стал писать заявления на их сына. Это стоило Ивану с Софьей довольно крупной суммы денег, что, отнюдь, не добавляло праздничного настроения обоим родителям. Протокол с места происшествия, который будущий тесть пока поместил у себя в сейфе, всё ещё не был уничтожен, о чём Семён Ильич известил будущего зятя, как бы подчёркивая, что судьба Виталия в его руках.

Жениху это обстоятельство радости, естественно, не прибавило, тем более, что на брак он согласился по откровенному принуждению со стороны невесты. Сама невеста, казалось, должна была быть счастлива... убивая одним ударом двух зайцев, Александра приобретала одновременно себе и мужа, и отца своему ребёнку. Но, несмотря ни на этот факт, ни на шикарное белое платье, на которое не поскупились родители, девушка не выглядела счастливой.

Единственная мысль, которая занимала её сейчас, была мысль о первой брачной ночи, предстоящей ей сегодня, а, вернее, о том, как убедить Виталика в собственной непорочности...

В последние дни перед свадьбой мать, краснея и запинаясь, проводила с дочерью подробный инструктаж, согласно которому Аля должна была имитировать утраченную при сомнительных обстоятельствах девственность. Девушка постоянно ловила себя на мысли, что, вместо счастливой невесты чувствует себя актрисой, участницей какого-то лицедейства, следующего по определённому сценарию.

Свадьба, на которую был приглашён минимум гостей, проходила в банкетном зале лучшей в городе гостиницы, в одном из номеров которой и должна была состояться первая ночь молодых супругов. Из приглашённых были лишь сослуживцы обоих отцов, а так же главный режиссёр театра, в котором играла мать жениха, и несколько обкомовских «барышень» для разбавки общества. Из родственников присутствовали брат Али Олег и двоюродная сестра Виталия, начинающая певица Жанна, которые одновременно были свидетелями у молодых, а так же бабушка Александры, Инга Мелентьевна. Зная всю подноготную этой свадебной истории, женщина особо не веселилась, а лишь строго поджимала крашенные яркой помадой губы.

Родители и жениха, и невесты, нарочно не пригласили близких родственников, даже тех, которые жили в городе, чтобы не усугублять чувство зависти, не оставлявшее их менее высокопоставленных братьев и сестёр, а так же, чтобы не вызывать родственные пересуды в недалёком будущем по поводу беременности невесты. По этим же причинам их даже не уведомили о таком значимом событии в истории их семей...

— Виталю, хватит... — отбирая у молодого мужа очередной фужер вина, Александра нахмурилась, — Ты и так уже пьяный!

— Дай сюда... — тот упрямо сжимал в руке хрустальную ножку, расплёскивая золотистую жидкость себе на колени, — Я выпить хочу...

Не обращая внимания на косые взгляды тестя, парень в два глотка осушил содержимое фужера. Гости уже заметно развеселились, и сейчас дружно танцевали в центре уютного зала. Наклонившись к сидевшему рядом Олегу, Виталий что-то прошептал тому на ухо. Согласно кивнув, Олег встал со стула и подал руку сестре.

— Пошли потанцуем, — пряча улыбку, он хитро посмотрел на Алю, — а то не успела замуж выйти, а уже мужа запилила. Пусть отдохнёт от тебя!

— Ну, что, сеструха... — повернувшись к Жанне, Виталий облокотился о стол, — Как

оно? Как жизнь творческая?

— Нормально, — улыбнулась девушка, — скоро первые гастролы!

— Гастро-о-о-ли... — нетрезво повторил парень, — Это хорошо. Вот и у меня гастролы...

— Что-то ты сегодня переборщил, — кивнув на почти пустую бутылку белого вина, Жанна укоризненно посмотрела на двоюродного брата, — ты больше не пей, ладно? А то некрасиво получается.

— А красиво и не получится... — Виталий скривил в ухмылке рот, — Красиво, это когда всё по любви. А когда по обстоятельствам, тут не до красоты...

— Жених, ты чего сидишь?! — неожиданно появившийся Олег весело смотрел на молодожёна, — Невесту-то украли!..

— Ой, невесту украли!.. — Жанна охотно подхватила игру и, встав с места, оглядела всех присутствующих, — Товарищи, невесту украли!..

— Раз-два-три-четыре-пять... — быстро опрокинув стопку водки, Виталий нетвёрдо поднялся вслед за сестрой из-за стола, — Я иду искать!..

— Ну, как же так, зятёк! — Вероника Григорьевна весело похлопала новоиспечённого зятя по спине, — Я тебе дочь доверила, а её уже украли!

— Ещё бы такую красавицу не украсть! — довольная Софья театрально развела руками, — Теперь и выкуп потребуют!

— Выкуп! — тоже довольно навеселе, Иван Мясников басом крикнул с другой стороны зала, — Выкуп готовьте!

— Ищи, зятёк, ищи! — заливаясь хохотом, Вероника всплеснула руками и обратилась к мужу, — Сеня, ну, что ты такой серьёзный?! Дочь замуж выдаём! Хоть бы улыбнулся!

— Всё... — под строгим взглядом Семёна Ильича стараясь идти прямо, Виталий двинулся к выходу, — Я пошёл...

— Виталик, я с тобой! — Жанна кинулась вслед за женихом, но её остановил Олег.

— Пошли, лучше, потанцуем, — он ловко увлёк девушку в круг гостей, — Виталя сам справится!

...Оказавшись в небольшом подсобном помещении, куда её затолкнул Олег, Александра оглянулась в поисках какого-нибудь стула, но небольшая кладовка была заставлена лишь винными ящиками и коробками из-под продуктов. Девушка целый день провела на высоких каблуках, и сейчас ноги гудели, очень хотелось куда-нибудь присесть. Сняв один из ящичков, Аля с сомнением смотрела на потемневшие деревянные планки, совершенно неровные и грозящие затяжками её кружевному наряду. Чертыхнувшись про себя, она так и осталась стоять в ожидании своего жениха, который должен был найти её, во что бы то ни стало...

Кто придумал эту дурацкую традицию?..

...Что ни говори, а свою свадьбу она представляла себе иначе. Подруги, друзья... веселье не по заказу, а настоящее...

С другой стороны, всё вышло как нельзя лучше. И чёрт с ней, со свадьбой... Главное, что теперь Виталик — её муж. Несколько часов назад он надел ей на палец обручальное колечко... И теперь она — Александра Семёновна Мясникова... законная жена своего любимого мужчины. И совсем скоро у них будет ребёнок... неважно, что это ребёнок не Витальки... Он не должен даже догадываться об этом. И она сегодня сделает всё возможное и невозможное, чтобы у него не осталось и тени сомнений...

— А вот и я... — возникнув в тёмном дверном проёме, Виталий обвёл взглядом

пыльное помещение, — Меня тут не ждали?..

— Ждали, — Аля кокетливо улыбнулась жениху, — только как-то не по-настоящему получилось! Тут и спрятаться-то негде, чтобы ты меня поискал!

— Ну-ка... что у нас тут... — не слушая её, парень пытался закрыть изнутри дверь на крючок, — Это крючок какой-то ненастоящий...

— Зачем ты закрываешься, Виталик? — Аля подошла к двери и попыталась открыть крючок, — Идём, нас ждут... Всё, ты меня нашёл, аттракцион «Укради невесту» удался!

— Не-е-е-т... — парень собой загородил дверь, — Я так не согласен! Зачем я тогда тебя искал?!

— Затем, что такой обычай дурацкий, — девушка попыталась отодвинуть его в сторону, — Виталя, идём, я уже устала.

— Устала?.. — неожиданно схватив её за талию, Виталий сделал шаг вглубь помещения, — А супружеский долг?..

— Ты мне платье помнёшь! — девушка недовольно попыталась сбросить с себя его руки, — Какой супружеский долг?! Не здесь же... Ну, куда ты меня тащишь?!

— Я его тебе не только помну... — быстро наклонившись, Виталий рукой поднял вверх пышный кружевной подол, — Я его вообще разорву, если мне захочется!..

— Ты что, дурак?! — Аля попыталась поправить платье, но силы оказались неравны — жених прижал её к стене, не давая вырваться и рискуя повалить стоявшие рядом штабеля винной тары, — Что ты делаешь, придурок?! Ты и правда, его порвёшь!..

— Имею право... — прерывисто дыша, Виталий одной рукой уже стягивал с неё под платьем ажурное бельё, — Я же твой муж... Ну, чего ты брыкаешься?.. Ты же этого хотела?..

— Дурак!.. — девушка изо всех сил отбивалась, но, даже изрядно пьяный, жених был в несколько раз сильнее её, — Я не хочу тут, слышишь?! Не хочу!..

— Зато я хочу... именно здесь... — припав на одно колено, он рывком бросил её прямо на пыльный пол, затем, полностью задрав юбку, резко рванул на себя ажурную ткань — белоснежные трусики с треском разошлись по шву, освобождая нежное тело, — Хочу, поняла?.. Имею право!

Глава 14.

...Огни расположенного напротив многоэтажного дома пробивались сквозь тёмно-синие шёлковые портьеры, обрамляющие широкое окно номера люкс на третьем этаже самой лучшей в городе гостиницы. Их отсвет мягким шлейфом лежал на атласном одеяле широкой двуспальной кровати, стоявшей в центре одной из двух комнат номера, и, глядя на него, Аля то и дело перебирала в памяти события сегодняшнего вечера. Несмотря на окружающую её тишину, девушке казалось, что она до сих пор слышит приглушённую запертой дверью и длинным коридором музыку...

...«Обручальное кольцо... не простое украшение... двух сердец одно решение...»

Наверное, теперь она будет ненавидеть эту песню всю оставшуюся жизнь. Она будет помнить и эту песню, и пыльную подсобку, и эти ящики, сложенные в аккуратные штабеля до самого потолка... и пьяное дыхание Виталика, и его грубые прикосновения... и треск рвущейся кружевной ткани...

И собственную беспомощность. Стыд от того, что она не может прикрыть собственное обнажённое тело... Задранную вверх пышную юбку свадебного платья, которую с таким усердием наглаживала Галина, и которую так безжалостно смяли непривычно грубые ладони жениха...

Она навсегда запомнит эти жуткие минуты... и зацепившуюся за торчащий из ящика гвоздь фату... и превратившиеся в тряпку на резинке белоснежные трусики ...

...Она навсегда запомнит, как лежала, придавленная телом Виталика к грязному полу, не в силах сопротивляться его намерениям. Несмотря на довольно серьёзное опьянение, ему удалось привести в исполнение акт мести... Аля не сомневалась, что это была самая настоящая месть... Он отомстил ей за этот вынужденный с его стороны брак.

В его порыве не было ни ласки, ни страсти... лишь утоление животного инстинкта... намеренное надругательство над её чувствами... именно здесь — в этой пыльной подсобке, всего за пару часов до того, как они окажутся в шикарном гостиничном номере, на мягком, чистом брачном ложе...

Впрочем, отомстить ему удалось лишь отчасти... Не ожидавшая такого подвоха Александра не успела сыграть роль непорочной невесты... Весь необходимый для этого «реквизит» ждал её там, в люксе. На третьем этаже... Единственное, что вышло у неё искренне и неподдельно — это слёзы...

«Что ты наделал?!» — как только парень привстал, Аля медленно перевернулась на бок и, закрыв руками лицо, заплакала. Ей было ужасно обидно, что он поступил с ней — вот так. Даже если не считать её корыстных планов, она ждала их первой ночи... ждала с трепетом и волнением.

«А что я такого сделал? — застёгивая брюки, жених пьяно пожал плечами, — Мы, кажется, женаты?..»

«Прид-дурак...»

Аля тоже начала подниматься — зацепившись за гвоздь одного из ящиков, белоснежная фата съехала с головы, увлекая за собой скрепляющие шпильки и выбившиеся вслед за ними пряди уложенных в причёску волос. Даже не видя себя в зеркало, девушка чувствовала, что имеет очень жалкий вид. Выходить к гостям в таком виде было нельзя, и, скрепя сердце, она, как могла, поправила и платье, и причёску, и фату.

«Кстати... — заправив в брюки белую рубашку, Виталик тоже кое-как застегнул пиджак и пригладил растрепавшиеся волосы, — Я что-то не понял одного момента...»

«Пошёл вон!.. — она прекрасно поняла, на что намекает жених, но не смогла справиться с эмоциями, выдавая себя ненавидящим взглядом и вмиг побелевшим лицом, — Пошёл вон, сволочь!..»

«Ну, и какая же я у тебя по счёту сволочь?» — нетрезво ухмыльнувшись, Виталик нарочно загородил собой дверь.

«Открой дверь!.. — она с трудом сдержалась, чтобы не залепить ему пощёчину, — Открой!.. Или я всё сейчас расскажу отцу...»

«А если я сейчас расскажу?.. И не только твоему отцу...»

«Гад!»

...Она успела только размахнуться... Перехватив её руку. Виталий с силой оттолкнул от себя свою новоиспечённую жену. Отлетев на несколько шагов назад, Аля спиной врезалась в ряд ящиков...

Не ожидая такого исхода, она перепугалась не на шутку. Александра никак не думала, что у Виталика хватит смелости её толкнуть. Парень был высоким, широкоплечим, и, при желании, мог переломить её, как щепку...

«Тебе повторить?.. Или ты и так всё поняла?..» — он пьяной горой стоял над ней, и Аля внутренне сжалась.

Несмотря на свою угрозу, она не представляла, как сможет пожаловаться отцу. А, если отец разозлится, и посадит Виталика в тюрьму? Тогда раскроется её собственный обман... Нет, если и жаловаться, то позже... Когда можно будет окончательно «повесить» на него свою беременность.

«Поняла».

«Тогда идём, — чуть пошатываясь, парень повернулся и сделал шаг к дверям, — но учти... Разговор не окончен».

...Их долгое отсутствие, казалось, осталось незамеченным. Немногочисленные гости продолжали веселиться, родители о чём-то беседовали — Вероника с Софьей, Семён с Иваном... Олег с Жанной тоже куда-то исчезли...

И только Инга Мелентьевна, увидев внуку, чуть прищурила строгие глаза. Але показалось, что впервые в жизни она увидела во взгляде бабушки сострадание. Под этим взглядом девушка почему-то содрогнулась, как будто предчувствуя что-то страшное... ещё невидимое никому, но уже предначертанное ей самой судьбой.

...Эта чёртова песня звучала и звучала в ушах, как наваждение, и от невозможности ни убавить звук, ни выключить его совсем, пробивало на тошноту.

Нежной брачной ночи не получилось. Кое-как добравшись до номера, молодой муж так и рухнул на атласное голубое одеяло, прямо в свадебном костюме, даже не сняв обуви. Брезгливо стянув с него туфли, Аля разделась, накинула на себя заранее приготовленный пеньюар и прилегла рядом.

...Слёзы текли и текли из глаз... казалось, что подушка промокла насквозь, а они всё никак не кончались...

«Ничего... он просто много выпил. Завтра проснётся, и всё будет по-другому... Просто он очень пьяный».

Уже под утро Аля забылась тяжёлым, тревожным сном. Ей снилось, что она летит в пропасть... А где-то наверху стоит Виталий и крепко держит в руках верёвку, другой конец которой завязан вокруг её, Али, шеи...

«Витали-и-и-к! Спаси меня-а-а-а!..» — дна у пропасти нет, и длина верёвки не бесконечна... Аля вот-вот повиснет на ней...

«Не бойся, я тебя вытащу!» — кричит ей Виталик, но Аля с ужасом понимает, что, как только верёвка натянется, она задушит её... и Виталий вытащит лишь её труп...

«Отпусти верёвку-у-у-у!..»

«Не-е-е-т!.. Ты разобьёшься!..»

...Проснувшись в холодном поту, Александра лихорадочно села на кровати. Белое кружевное платье на спинке стула и лежащая рядом фата напомнили о том, что вчера она была невестой... Чуть успокоившись, девушка спустила с кровати ноги: ступни утонули в мягком ворсе ковра...

...Всё ерунда. И сон, и всё остальное... Главное, свадьба состоялась, и теперь она жена Виталика. И это — неоспоримый факт.

...Молодого мужа рядом не было, но услышав шум воды в туалете, Аля с облегчением вздохнула. Куда он теперь денется?.. Мощный стимул их супружеских отношений в виде милицейского протокола находится в надёжном месте, а именно в отцовском сейфе, а значит, ей нечего переживать. А то, что случилось вчера — всего лишь недоразумение. Сегодняшняя ночь?.. Да у них впереди столько дней и ночей!.. Полюбит, как миленький... Тем более, что для него это — не впервой. Ведь раньше он любил свою Сандру... Неужели

всё прошло? Не может быть...

— Привет, — увидев в дверях Виталика, Аля поздоровалась как можно ласковее.

— Привет, — хмуро буркнув в ответ, он снял с себя пиджак и брюки и тут же направился в ванную.

Поразмыслив какое-то время, Аля встала с кровати и робко прошла следом... Ей было всё ещё очень обидно, но она решила перешагнуть через свою гордость... Потянув на себя круглую резную ручку, осторожно ступила на кафельный пол...

— Дверь закрой, — бросив на неё взгляд, Виталик продолжал яростно намывливать мочалку.

— Сейчас закрою... — прикрыв за собой дверь, она потянула поясок пеньюара.

— С той стороны.

— Почему?.. — решив не сдаваться, Аля игриво повела плечами — шёлковое изделие, струясь, упало на пол... Грациозно приподнимая ноги, девушка забралась в ванную и встала рядом со своим мужем.

— Пока не скажешь, кто он, между нами ничего не будет.

Судя по суровому выражению лица, Виталий был настроен решительно, и Аля в первый момент окончательно оробела. Оказывается, он прекрасно всё помнил...

— Он — это кто? — собрав в кулак всё мужество, она довольно дерзко посмотрела ему в глаза.

— Тот, кто был до меня.

— У меня никого не было.

— Я, по-твоему, похож на идиота?

— У меня никого не было...

В этот раз голос предательски дрогнул... Оказывается, врать совсем не лёгкое дело... Особенно, когда чувствуешь свою вину...

— Я сказал. Лучше признайся... — он нарочно отвернулся, чтобы не видеть соблазнительное девичье тело... Даже вчерашняя ударная доза алкоголя не смогла заглушить самый главный мужской инстинкт...

— Да никого у меня не было!.. — каким-то десятым чувством ощутив эту его слабинку, Аля положила ладони на крепкие мужские плечи... провела ими по лопаткам... обхватила руками пояс, прижалась всеми своими женскими прелестями к спине, — У девушек бывает такое... очень редко, но бывает... Разве ты не знал?.. В первый раз безо всяких признаков... Может, в следующий раз всё будет, как надо...

— Я был пьяный... но не мёртвый. Я всё чувствовал... вернее, не почувствовал самого главного.

— Я клянусь... — её губы на мгновение прижались к ложбинке на его спине, — Я клянусь, чем хочешь... у меня никого не было до тебя... Ну, правда, Виталик... Ну, хочешь, я докажу?..

— Как же ты теперь докажешь? — усмехнувшись как-то многозначительно, даже взволнованно, он повернулся к ней всем корпусом и судорожно обнял.

— Как захочешь...

— Я много чего захочу...

В его прикосновениях снова не было ни капли ласки, но Аля решила и сегодня стерпеть всё до конца.

— Я всё сделаю... всё-всё...

— До которого часу у нас этот номер снят? — его руки бесцеремонно, даже грубовато тискали её тело, так, что девушка несколько раз поморщилась от боли.

— До пяти вечера...

— Вот до пяти вечера и будешь доказывать... так, как я скажу... Согласна?

— Согласна...

— Ань... — Нелька уже привычно уселась на кровать соседки и с жалостью провела ладошкой по её плечу, — Ну, пожалуйста... ну, пойдём хоть погуляем!..

— Не хочу... — уставившись в одну точку невидящим взглядом, еле слышно проговорила Аня, — Ты иди, Нель... иди...

— Ну, пойдём... Ну, Ань... ты уже неделю никуда не выходишь...

— Я выйду... потом...

— Тебе в институт надо ходить, тебя же отчислить могут.

— Пусть.

— Как это пусть?! — Нелька возмущённо округлила глаза, — Тебя, медалистку, отчислят, а кто-то будет учиться?!

— Мне всё равно.

Аня не была на занятиях уже несколько дней. Она вообще практически не выходила из комнаты, а только лежала, глядя куда-то отрешённым взглядом. Она не смотрелась в зеркало, ей было абсолютно всё равно, как она выглядит... Она почти ничего не ела, и очень похудела за эти дни. На неё было страшно смотреть, и каждый раз, уходя в институт, Нелли боялась оставлять подругу одну. Ей казалось, что Аня может что-то сделать с собой в её отсутствие.

Особенно она переживала за Анечку в день, когда была должна состояться свадьба Виталика и Сандры, и даже не пошла на входившую в моду дискотеку, которая проводилась местными диджеями в танцевальном зале их огромного общежития. Нелька совсем измучилась, сторожа свою любимую подружку, но, казалось, Аня так и не вышла из своего состояния. Лишь ночью, проснувшись от каких-то странных звуков, Нелли увидела её у окна: Анечка плакала навзрыд.

Следующий день был воскресным, и Нелли обрадовалась, услышав после обеда негромкий стук в их дверь. Гости сейчас были как нельзя кстати, и девушка радостно повернула ключ.

— Здравствуйте! — на пороге стояла руководитель их группы Вера Андреевна, — А я к вам в гости!

Нельке до истерики хотелось послушать, о чём будет говорить Вера с Аней, но, понимая, что разговор будет приватным, она нехотя покинула комнату и присоединилась к группе соседей по секции, дружно курящей на лестничной площадке их этажа. Будучи в курсе трагичной лав стори Анечки Свиридовой, студенческая братия бурно обсуждала возможные последствия её пропусков, но в большинстве своём жалела девушку и выдвигала версии выхода из сложившейся ситуации.

— Ань, ну, чего? — дождавшись, когда каблучки Веры Андреевны процокают мимо, Нелли стремительно вернулась в свою комнату, — Что Вера тебе сказала?

— Сказала, чтобы я плюнула на всё, и возвращалась в институт... — после разговора с руководительницей Аня выглядела слегка возбуждённой, что очень обрадовало Нельку.

— Правильно она тебе сказала! — та немедленно полезла в тумбочку и стала доставать

оттуда продовольственные припасы, — Сейчас пообедаем, да?

— Наверное... — Аня встала с кровати и подошла к окну, — Я не вернусь в институт.

— Как это?.. — Нелька застыла с тарелкой в руке, — А что ты будешь делать?..

— Я заберу документы. Прямо в понедельник...

— Почему?!

— Представляешь, все в курсе... Даже Вера... Интересно, откуда? — Аня повернулась к подруге и посмотрела ей в глаза, — Нель... ну, как я туда вернусь?!

— Обыкновенно! Ногами!

— Как я буду встречаться с Сандрой, ты не подумала?!

— Да плевать на ту Сандру!

— Это тебе плевать... А я буду постоянно думать, что она — его жена... что он живёт с ней... спит, целует...

Голос у Анечки дрогнул, и, чтобы скрыть накотившие слёзы, она снова отвернулась к окну.

— Да пройдёт... Ань, все наши — за тебя! У тебя же с ним ничего не было?

— Ну, и что, что не было... А мне теперь жаль, что не было... Я бы хоть вспоминала...

...В понедельник Аня, действительно, отправилась в деканат. Она шла туда решительно, с непоколебимым намерением забрать документы, но уже на подходе к двери кабинета вдруг вспомнила о своей матери. Она совершенно не представляла, как заявится домой и сообщит, что бросила учёбу...

— Если честно, то я не понимаю вашего решения, — сотрудница деканата смотрела на неё с сомнением, — вы, такая способная девушка, и вдруг забираете документы! Вы хоть помните, какой был конкурс при поступлении?!

— Я помню... — Аня старалась не поднимать взгляда, — Но у меня личные обстоятельства...

— Да ваши личные обстоятельства уже через месяц перестанут быть обстоятельствами! Вот увидите!

— Нет, я больше не могу учиться в этой группе.

— Так возьмите академический отпуск! — женщина развела руками, — Конечно, его тоже по пустякам не дают, но, в конце концов, мы не звери, пойдём навстречу! Оправитесь, отойдёте от ваших обстоятельств, на следующий год вернётесь как новенькая!

— Ну, хорошо... — снова вспомнив о матери, Аня нехотя кивнула, — Я подумаю.

...Она, действительно, не могла себе представить дальнейшую учёбу в одной группе с Сандрой. Видеть каждый день её счастливое лицо — этой пытки Анечка бы не выдержала... а уж наблюдать, как растёт её живот... и как Виталик каждый день встречает её после занятий, как совсем недавно встречал саму Анюту... Это было выше её сил.

...А их одноклассники... Они в курсе всей этой истории, разделившей их на два лагеря: одна часть студентов откровенно жалела Анечку... другая же часть не менее откровенно поддерживала Сандру, подкрепляя свою позицию репликами типа «не фиг отбивать чужих женихов... за что Свиридова боролась, на то и напоролась...»

...Нет, её уход неизбежен. Она не выдержит этих жалостливых взглядов... и, уж тем более, насмешливых...

...Может, и правда, взять академический отпуск?..

Выйдя с этими мыслями из деканата, Аня решила сегодня не посещать свою аудиторию, а вернуться в общежитие. Завтра она примет окончательное решение...

— Девушка! Подождите!..

Она уже сошла с крыльца института, когда услышала откуда-то сбоку мужской голос. Обернувшись, Аня с удивлением увидела парня лет двадцати, в форме военного курсанта, с букетом цветов. Он быстрым шагом направлялся прямо к ней, и девушка невольно замедлила шаг.

— Вы — мне?

— Да! — подбегая к ней, парень поскользнулся, но, удержав равновесие, последние полметра проехал, как на коньках, — Ой!.. Здрасьте!

— Здравствуй, — осунувшаяся за эти дни Аня скользнула по нему равнодушным взглядом.

— Вы меня не помните? — парень, напротив, излучал радость, — Это же вы были на картошке... в сентябре...

— В сентябре все были на картошке.

Аня узнала этого парня... но настроения поддерживать разговор именно с ним у неё не было.

— Вы были с подругой, с Алей... разве нет?

— Она мне не подруга.

— Но вы были вместе, на танцах... я не ошибся?..

— Ну, хорошо... ты не ошибся.

— Ну, вот, — парень удовлетворённо кивнул, — я же говорю, что узнал вас... Я ищу Алю, как мне её увидеть?

— Я не знаю... я не была в аудитории... там она, или нет...

Анюту было тяжело разговаривать об Александре. И надо же было этому курсанту нарваться именно на неё!

— Ну, ладно... главное, что я правильно нашёл институт. Если что, подожду...

— Поздно же ты нашёл институт... — Аня усмехнулась, — Где же ты раньше-то был?..

Эти слова она произнесла искренне, подумав о том, что, найди этот курсантик Сандру раньше, кто знает, как сложились бы обстоятельства...

— А я раньше не мог, — парень смущённо пожал плечами, — да месяца не ходил в увольнения...

— Почему? — скорее из вежливости спросила Аня.

— Наказан был, за опоздание...

Улыбка у парня была такая добрая, светлая, что Анечка невольно улыбнулась ему в ответ. Ей почему-то подумалось, что, может, и хорошо, что он был два месяца без увольнений... не нужна ему такая, как Сандра...

— Считай, что ты снова опоздал, — вспомнив о своём горе, она печально потупила взгляд.

— В каком смысле?

— Она вышла замуж.

— Кто?.. Аля?! — он смотрел на неё удивлённо, с тенью недоверия в голубых глазах.

— Да.

— Когда?..

— Неделю назад.

Эти два слова Аня произнесла дрогнувшим голосом. Ей захотелось немедленно уйти прочь, чтобы не продолжать этот тяжёлый разговор.

— Подожди... — заметив это, парень задержал её за локоть, — Я не знал... Но это — точно?

— Точнее не бывает.

— Надо же... — он казался растерянным от услышанной новости, — Действительно. Опоздал...

— Ничего, бывает и хуже. До свидания.

Решив, что их разговор окончен, Аня кивнула парню на прощание и торопливо направилась в сторону автобусной остановки. Ну, и везучая эта Сандра... И замуж выскочила... И парни её разыскивают... Вот её, Анюту, никто не ищет.

...Даже Виталик... Он никогда не будет её искать. Он никогда больше не придёт к институту, чтобы встретиться с ней после занятий... Он никогда больше не позвонит ей на таксофон...

Эти два месяца, что они встречались, были самыми счастливыми в её жизни. Больше такого не повторится...

...Она уже никогда не будет счастлива... И замуж она никогда не выйдет... просто потому, что вряд ли встретит такого, как он.

— Девушка!.. Подождите!..

«...Господи, ну, что ему нужно?!»

Нехотя обернувшись, Аня терпеливо ожидала, когда парень снова её догонит. Неужели, он опять будет расспрашивать её о Сандре?! Если так, то она просто пошлёт его подальше. Хотя это вовсе не в её правилах.

— Я даже не спросил, как вас зовут... — он всё так же смущённо улыбался, хотя сейчас это смущение было разбавлено грустью.

— Какая разница?

— Ну, как-то неловко... вроде, давно уже знакомы, а я имени не знаю...

— Ну, хорошо... — девушка терпеливо вздохнула, — Меня зовут Аня.

— А меня — Саша, — парень поправил сбившуюся набок меховую шапку и протянул Анечке букет, — вот, возьми, пожалуйста...

— Зачем? — глядя на гвоздики, Анечка почувствовала, как внутри что-то переворачивается.

— Просто так...

— Спасибо, но я не возьму.

— Почему?.. — его удивление было настолько искренним, что, если бы не подавленное настроение, Аня бы, наверное, рассмеялась, — Раз Аля вышла замуж...

— Тем более... — как ни старалась Анечка, она не смогла сдержать негодования, — Эти цветы я не возьму!

...Вернувшись к себе в общежитие, она подошла к окну и, взяв вазу с засохшими гвоздиками, присела на свою кровать. Глядя на потемневшие, сморщенные бутоны, она обливалась их слезами... думая, что, предложи ей сейчас миллион самых красивых на свете цветов, она не променяла бы на них даже один-единственный увядший лепесток, подаренный Виталиком...

...Даже половинку лепестка...

Глава 15.

Идея взять академический отпуск казалась настоящим спасением, но, подумав, что после рождения ребёнка Сандра тоже будет вынуждена прервать учёбу, а, значит, шансы

оказаться снова в одной группе достаточно велики, Аня оставила эту мысль. После того, как она побывала в деканате, прошло уже около десяти дней, и, боясь отчисления, девушка была вынуждена снова посещать занятия.

Она сидела на своём месте тихо, как мышка, не в силах лишней раз поднять глаза от конспектов. Ей всё время казалось, что сокурсники только и делают, что обсуждают всё, что произошло между ней и Александрой Дзюба. В перерывах между парами Анечка старалась покинуть аудиторию. Сандра демонстративно громко называла имя своего мужа в разговорах с девчонками, подчёркивая своё превосходство перед Анютой.

Аня старалась не смотреть на неё вообще. Она боялась встретиться со счастливым взглядом своей соперницы, и совершенно напрасно. Если бы она всё же решилась взглянуть той в глаза, то вряд ли увидела в них даже отблеск настоящего счастья.

На учёбу теперь Анечка шла, как на каторгу, всё больше и больше укрепляясь в мысли, что учиться здесь она не сможет, и нужно что-то делать. С каждым днём ей всё больше хотелось бросить институт и уехать к себе домой, но мысли о матери удерживали от этого опрометчивого поступка.

Виталий больше не звонил и не появлялся в её жизни, она ни разу за это время не видела его на крыльце института — он вовсе не встречал Сандру после занятий, и это было единственным утешающим обстоятельством.

Хотя, в глубине души, Аня лелеяла надежду увидеть его, хотя бы издали...

...Она с головой ушла в учёбу, немного расслабляясь лишь у себя в комнате, благодаря стараниям Нельки, которая как могла отвлекала её от тяжёлых мыслей. Нелли терпеливо уговаривала подружку «делать морду веником» и «плевать на всех подряд», втолковывая, что ещё чуть-чуть, и Сандра сама покинет их группу, а там, кто знает, может, они вообще не увидят её никогда. Слушая соседку, Анечка кивала, всё больше и больше склоняясь к мысли, что та права.

После занятий Анюта практически не отлучалась из общежития, лишь иногда выходила в расположенный неподалёку гастронорм, чаще всего вдвоём с Нелькой.

В тот раз соседка только что помыла голову, и Анечке пришлось идти одной.

Купив кефир и хлеб, она уже шла по направлению к общежитию, когда услышала слева скрип тормозов.

— Какая встреча... Далеко собралась, красотка? — из открывшейся двери притормозившей рядом «Волги» на неё смотрело знакомое лицо. Шапка из тёмной норки была нахлобучена по самые брови, и Аня ещё несколько секунд вспоминала, где могла видеть этого парня с длинным носом и искривлёнными в усмешке узкими губами.

Решив не отвечать, она молча продолжила свой путь, но, проехав по краю проезжей части несколько метров, автомобиль вновь притормозил.

— Что не отвечаешь, когда с тобой старшие разговаривают? — теперь она узнала этот насмешливый тон... Олег — брат Сандры!.. Она видела его всего один раз в жизни, но ей хватило и этого, чтобы навсегда запомнить ту поездку на мотоцикле по ночному лесу, и его гадкие, противные руки и губы...

— Что тебе надо? — Аня ответила на ходу, не останавливаясь, лишь слегка повернув голову.

— Покатать тебя хочу, — судя по раздавшемуся из глубины салона ржанию, в машине, кроме водителя и Олега, был ещё кто-то из его приятелей — вечерняя темнота и тонированное стекло полностью скрывали заднюю часть салона.

— Покатай лучше себя, — она не нашлась, что ответить, поэтому выдала первое, что пришло в голову.

— А я тебя хочу... Ты же любишь кататься? Анечка?.. — парень явно хотел продемонстрировать своим приятелям грязный намёк на их прошлую поездку, — Ну, что же ты молчишь?.. А там, в деревне, ты была такая стоворчивая...

Чувствуя, как на морозе её лицо заливается жаркой краской, девушка прибавила шаг. Она пулей взлетела на крыльцо общежития, всё ещё слыша за спиной скабресный смех пассажиров злополучной «Волги».

Ей было ужасно стыдно... даже зная, что она ни в чём не виновата, Анюта испытывала жуткую неловкость. Ей казалось, что липкие взгляды наглых парней до сих пор дырявят её спину.

— Вот сволочь, — услышав рассказ подруги, Нелька возмущённо шлёпнула себя по бёдрам, — ну, что за козлы такие?! Это он нарочно, потому, что ты его тогда отшила!

— Я знаю. Но всё равно... так противно.

— Наплюй! Подумаешь, случайно встретились. Думаю, что больше ты его не увидишь!

Несмотря на уверения Нелли, через два дня история повторилась. Аня снова одна отправилась в магазин, и на обратном пути услышала уже знакомый оклик.

— Анечка! — голос парня был ехидным, он явно хотел обидеть девушку, — Ну, как, мы покатаемся? Садись, не бойся!

Прибавив шаг, Анюта молча шагала по заснеженной дорожке. Улица не была пустынной, люди спешили по своим делам, но ей всё равно было страшно. Она почти бегом добралась до общежития, сопровождаемая всё той же «Волгой». Ей было крайне неловко — Олег отпускал оскорбительные для неё реплики, и они были хорошо слышны окружающим.

Представив себе, что могут подумать о ней толпившиеся в этот час у крыльца студенты, она так торопилась скрыться за входной дверью, что чуть не споткнулась о ступеньку. В голову пришло, что эта, вторая по счёту, встреча вовсе не случайна.

— Интересно, откуда этот придурок знал, что ты пошла в магазин?.. — услышав рассказ Ани, Нелли задумчиво подбоченилась, — Он, что, весь вечер караулил тебя у общаги?!

— Вот и я не могу понять, — нарезая за столом батон, Аня с сомнением покачала головой, — странно как-то...

Следующий подобный инцидент произошёл уже на следующий день, когда Анюта выходила из института. Спустившись с мраморных ступеней крыльца, она уже собиралась обогнуть группу из трёх незнакомых парней, как один из них неожиданно преградил ей путь.

— Это ты — Анюта? — парень явно прятал ехидную улыбку, и, почувствовав подвох, Аня шагнула в сторону. Незнакомец сделал то же самое, — Нехорошо не отвечать на вопросы!

— Что вам надо?! — догадавшись, что они всё равно не дадут ей пройти, девушка обвела всех троих возмущённым взглядом.

— Познакомиться, — парень смотрел на неё насмешливо, засунув руки в карманы финской «аляски», — ты же со всеми знакомишься? Так почему бы не с нами?

— Я ни с кем не знакомлюсь. Пропусти меня, иначе я позову милицию.

Услышав слово «милиция», парни дружно заржали. Беспомощно обернувшись, Аня попыталась поискать глазами кого-нибудь из знакомых, но, как назло, все её одноклассники ушли чуть раньше, и даже Нелли, которую выбрали комсоргом группы, сегодня задержалась в комитете комсомола института.

Другого способа избавиться от назойливых парней Аня не видела, и, резко повернувшись, снова взбежала на крыльцо. Уже закрывая входную дверь, она всё ещё слышала дружный хохот за своей спиной. Усевшись на лавку в вестибюле, она с трудом сдерживала слёзы. Всё это было похоже на настоящую травлю, и Аня дала бы на отсечение голову, что травля эта устроена Сандрой.

Ей пришлось ещё около получаса дожидаться Нелли, чтобы вместе выйти из института. К счастью, парней на улице уже не было, и девчонки добрались до общежития без приключений. Нелька поддержала Анятины предположения, и даже предложила поговорить с Сандрой по-хорошему... Но Аня только упрямо покачала головой. Она не собирается ни у кого вымалывать себе покоя. Она не собирается мешать счастью Сандры и Виталия... Во всяком случае, Сандра может быть спокойна... Ни искать встреч, ни звонить Виталику она не будет...

И, вообще... наверное, она всё-таки уйдёт из института. Кажется, она готова принять такое решение.

— Аня Свиридова, тебя какой-то парень на улице ждёт, на углу. Просил передать, чтобы ты вышла... — студент-второкурсник из соседней секции постучался к девчонкам около восьми вечера следующего дня.

— Какой парень?.. — Аня, нахмурившись, подняла голову от учебника, — Почему он сам не пришёл?

— Не знаю, — сосед пожал плечами, — сказал, что зайти не может. А! Сказал, что его зовут Виталий.

— Виталий?.. — машинально повторила Аня, чувствуя, как кровь отливает от лица.

— Ага.

— Пойдёшь?.. — застыв с бутербродом в руке, Нелька бросила пыливый взгляд на подругу.

— Нет, — та усилием воли всё же заставила себя снова уткнуться в учебник.

— Ну, и правильно. Мосты надо сжигать.

— Не пойду, — зачем-то снова повторила Аня.

— И не ходи. Женился? Сиди дома, с женой. Нечего другим мозги компостировать, тем более, в такой мороз.

— А сколько сегодня морозу? — изображая равнодушие, Аня старательно водила глазами по странице.

— Минус двадцать было. Сейчас, наверное, больше. Ты что, переживаешь, что замёрзнет? — Нелька насмешливо хмыкнула, — А нефик было тащиться. Где он вчера днём был, когда эти уроды к тебе приставали?

— Ну, он-то не знал...

— Не знал... А сейчас чего припёрся?

— Не знаю... — Аня приглушила голос, чтобы скрыть его дрожь, — Может, что-то важное?..

— Мог бы позвонить!

— Он не может... он же дома не один.

— А из автомата? Позвонил, позвал...

— Ты представляешь, сколько ему в автомате торчать нужно, пока я подойду?! — закусив губу, Аня не сводила глаз со шкафа, где висела их с Нелькой верхняя одежда, — Знаешь, наверное, я выйду...

— Ань, вот зря... Только расстроишься лишний раз!

— Нет, Нель... Я ему скажу, чтобы больше никогда не приходил... Да! — вскочив с места, она кинулась к шкафу и рывком открыла дверцу, — Я выйду, и скажу, чтобы он не приходил!

...Вниз по лестнице Анечка сбегала с одной мыслью: сейчас она увидит Виталика! После того, как он признался ей в том, что должен жениться, она не раз перебирала в памяти эту их последнюю встречу. Несмотря ни на что, она не могла возненавидеть Виталия... Сначала она чувствовала только боль и обиду... потом — нестерпимую любовь к нему... потом — снова боль... Она винила его и оправдывала одновременно.

Эти чувства возникали в её душе то отдельно друг от друга, то перемешиваясь в горький коктейль, послевкусием которого была тоска... тоска по любимому человеку... любимому и единственному — на всю жизнь.

Так ей казалось.

Она даже не накинула на голову белую пуховую косынку — она так и держала её в руках, открывая входную дверь.

Морозный воздух моментально обжёг лицо, пар от дыхания растворился в густом сумраке... Бросив взгляд на стоявших на крыльце студентов, Анечка оглянулась вокруг — Виталия нигде не было видно. Она сбежала с крыльца и прошла около тридцати метров по снежному тротуару... дальше — до угла...

— Ну, что, подружка, попалась?.. — услышав это за спиной, Анюта не успела обернуться — кто-то схватил её за локоть и резко потянул за угол здания.

— Что тебе нужно?! — она с ужасом узнала Олега...

— Что, не ожидала? — тот схватил её за плечи и несильно встряхнул, — Ты думала, это Виталия пришёл, да?

— Что тебе нужно?.. — от страха она перестала ощущать холод непокрытой головой, — Зачем ты пришёл?!

— А зачем ты вышла, а? — парень крепко держал её за плечи, так, что вырваться не было никаких сил, — На Виталика клюнула? А, если бы он и вправду пришёл, что, пошла бы с ним?!

— Не твоё дело!

— Как это не моё?.. — Олег ухмыльнулся уголком губ, — Sandra — моя сестра, и я должен заботиться о её счастье!

— Если ты меня не отпустишь, я закричу.

— Ну, и что? — он навис над ней, упершись руками в стену, — Я тебе что-то сделал? Какие претензии ты можешь мне предъявить?

— Отстань от меня, перестань меня преследовать!..

— Я отстану... но только если ты уедешь отсюда. Насовсем.

— Куда и почему я должна уехать?!

— Это не моё дело. Куда хочешь, хоть в свою деревню. Но чтобы тебя тут и близко не было, поняла?!

— С какой это стати?! — Аня невольно выпрямилась, гордо приподняла подбородок.

— С такой. Ты мешаешь моей сестре. Ей неприятно видеть тебя... Она нервничает, а ей сейчас совсем нельзя нервничать... А всему виной — ты. И поэтому ты собираешь свой чемодан и валишь отсюда подальше. Иначе...

— Что — иначе?!

— Иначе тебе придётся поближе познакомиться с моими друзьями. Ты уже видела моих друзей? Классные парни, скажи?.. Им как раз не хватает такой девочки, как ты...

— Я напишу на тебя заявление!.. — Аня тоскливо проводила взглядом одинокого прохожего, торопливо прошагавшего мимо.

— Заявление?! — парень откровенно рассмеялся, — Ты, наверное, забыла, кто мой отец? Твоё заявление тут же будет у него на столе, а чуть позже — в мусорной корзине.

— Я ему расскажу, какой ты ублюдок!

— А вот за ублюдка ты ответишь отдельно... Впрочем... — Олег с нескрываемым интересом скользнул взглядом по ладной фигурке девушки, — У тебя есть выход...

— Отвали, понял?.. — Аняте было по-настоящему страшно, но она мужественно не подавала виду.

— Тебе не интересно, какой у тебя есть выход?..

— Нет, не интересно.

— Ну, смотри...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Эти слова Олег произнёс как-то зловеще. Аня подумала, что их разговор подходит к концу, и что он вот-вот отпустит её домой, но парень неожиданно повернулся в сторону соседнего двора и громко свистнул. Увидев, как из-за угла выезжает уже знакомая «Волга», Анята ощутила, как внутри прокатывается волна холода — она почувствовала её, даже несмотря на сильный мороз снаружи...

...Первым порывом было вырваться из невольного плена и, завернув за другой угол, что есть сил бежать... бежать к спасительному крыльцу общежития, к людям... Видимо, заметив движение девушки, Олег тут же снова схватил её за плечи и с силой прижал к стене. Остановившийся рядом автомобиль потушил фары.

...Аня даже не поняла, как очутилась в салоне, на заднем сиденье, возле какого-то незнакомого парня... Моментаально втолкнув её в открывшуюся дверь, Олег тут же оказался рядом... Девушка оказалась зажатой между двумя молодыми людьми. Плавное движение задний ход, «Волга» снова завернула за угол соседнего с общагой дома.

Понимая, что ни кричать, ни сопротивляться нет никакого смысла, Аня со страхом ждала своей участи. Внутренняя дрожь охватила всё тело, она чувствовала, как стучат её собственные зубы.

В салоне кроме неё, Олега и незнакомого парня находились водитель и юноша, который приставал к ней вчера днём, возле института. Он сидел на переднем пассажирском сиденье, и, оглянувшись назад, недвусмысленно ухмыльнулся большим ртом.

— Ну, что, Анечка, покатаемся?

— Олег... — перепуганная Анята впервые назвала по имени своего преследователя, — Отпусти меня... Пожалуйста...

— Ну, вот, — повернувшись к ней, тот нахально смотрел на неё в полутьме салона, — первое вежливое слово. А как насчёт ублюдка?..

Аня только сейчас почувствовала запах алкоголя, идущий от Олега. Понимая всю беспомощность своего положения, она уже пожалела, что обозвала его ублюдком... Что может сделать она, слабая девушка, против четверых здоровых парней?!

— Ну, хорошо... я беру свои слова назад... — понимая, что сейчас нужно использовать любой шанс, чтобы вырваться на свободу, она через силу произнесла эту фразу.

— И это — мудрое решение... — Олег по-прежнему ухмылялся, в упор глядя на

девушку, — Ты меняешься прямо на глазах!

— И, хорошо... — Аня нехотя продолжила, — Я уеду... я завтра же уеду... Только отпустите меня...

— Я тебя не узнаю! — Олег провёл ладонью по её лицу, — Анечка... Оказывается, ты очень послушная девочка!.. Мне даже жаль, если ты уедешь!.. Впрочем, есть один выход... Но ты даже не захотела поинтересоваться — какой...

— Какой? — Аня повторила вопрос с одной-единственной целью — «задобрить» своего мучителя, чтобы он, в конце концов, отпустил её с миром.

— Очень простой. Ты остаёшься, продолжаешь учиться... ты даже можешь встречаться с Виталькой... Я закрою на это глаза! Да что там... — он фамильярно обнял Аню за плечи, — Я сам устрою вам встречу... И Сандра ничего не узнает, вот увидишь! И тебе ничего за это не будет... А ты за это принимаешь моё покровительство... очень тесное покровительство... Но очень надёжное. Как тебе моё предложение?..

— Да что ты её уговариваешь, Зуб?! — сидевший по другую руку от Ани парень сжал огромной пятернёй её колено, — Стелешься, как половик... Обкатаем сейчас, и делов...

— Граблю уברי! — Олег довольно грубо скинул его ладонь с Анютиной ноги, — Тебя не спрашивают!

— Да чего ты, в самом деле?.. — парень обиженно отвернулся в другую сторону, — Полчаса уже тут трёшь-мнёшь... Давно бы уже на хате были.

— Я сказал — заткнись! Анечка сама скажет, чего ей больше хочется... — Олег снова уставился на девушку, — Да, Анечка?.. ты сама скажешь?.. Ну, чего тебе больше хочется — поехать с нами четверыми, на хату... уехать домой... или принять моё покровительство?.. Только моё — заметь! Это очень выгодное покровительство... Тебя в этом городе не тронет ни одна сволочь... Вообще — ни одна!

— Ни одна сволочь... — донеслось с переднего сиденья, — Кроме Зуба!..

— И ты заткнись!

— Да ладно, ладно... — примирительно пробубнел парень, — Все заткнулись...

— Ну, что, Анечка?.. Что ты решила?..

— Я подумаю...

— Пять минут.

— До завтра...

— Ты стесняешься говорить при всех?.. Давай, выйдем...

Снова оказавшись на улице, Анюта почувствовала облегчение. Она была готова наобещать что угодно, лишь бы снова оказаться у себя в комнате... Она не могла позвать на помощь — до крыльца общежития было довольно далеко, и оно находилось за углом, да и что могло произойти с сыном начальника УВД, напиши она хоть десяток заявлений?!

— Я скажу тебе завтра... Хорошо?..

— Ну, хорошо... — Олег смотрел на неё подозрительно, как будто пытаясь прочитать истинные мысли, роящиеся в голове девушки, — Я тебя найду... я тебя везде найду. Думаю, что ты примешь очень правильное решение.

...Вконец оторопевшая Нелька сидела на кровати и наблюдала, как, вернувшись со встречи с Виталиком, Анечка торопливо собирает свои вещи и укладывает их в большой коричневый чемодан...

— Ань... да брось ты... Ну, что он тебе может сделать?! — услышав, наконец, все подробности Анютиной прогулки, Нелли легкомысленно махнула обеими руками.

— Ты их не видела... — оторвавшись от своего занятия, Аня пристально и с нескрываемым страхом посмотрела на подругу, — Неля... ты его не видела... Он может сделать в с ё!

— Аня, ну, как же так?!.. — Елена Ивановна с отчаянием смотрела на дочь, вернувшуюся в родной город после трёх месяцев учёбы, — Это что же получается — всё насмарку?! И золотая медаль... и огромный конкурс... и престижный ВУЗ... И всё только из-за трёх молодых мерзавцев?!

— Мамочка... — Аня со слезами повисла на шее у матери, — Ну, прости меня... Ну, пожалуйста...

— Ну, что ты... Аннушка... — мать гладила девушку по голове, — Девочка моя... Неужели такое возможно?! Я не могу поверить, что такое может быть!.. Может, нужно было пойти в деканат, рассказать... ну, есть же какая-то управа!..

— Мама, управа — родной отец этого Олега! Больше я туда не поеду! Мне страшно... Мамочка... мне страшно!..

— Мы что-нибудь придумаем... Обязательно придумаем...

— Ничего тут не придумаешь...

— Как его фамилия?

— Дзюба...

— Завтра же... завтра же я узнаю его телефон!

— Зачем?!

— Отец должен знать, какого сына он вырастил!

...

Услышав длинный, непрерывный звонок, Аня удивлённо подошла к телефону.

— Межгород заказывали?..

Затаив дыхание, Аня передала трубку матери. Елена Ивановна ещё вчера грозилась узнать домашний телефон Семёна Дзюбы, начальника УВД, проживающего в областном городе... Но девушка не думала, что мать всё же решится заказать междугородний разговор...

— Да... Ожидая... — женщина присела на край дивана, но, услышав ответ на том конце, снова вскочила на ноги, — Алло!.. Это квартира Дзюбы?.. Позовите, пожалуйста, Семёна Ильича... Кто спрашивает?.. Елена Ивановна Свиридова... Да, это очень важно.. Здравствуйте, Семён Ильич!

Глава 16.

Заложив за спину руки, Семён Ильич тяжело мерил широкими шагами свой домашний кабинет. После неожиданного звонка от незнакомой женщины из другой области он ещё какое-то время сидел за столом, уставившись в одну точку. Всё, что сообщила Елена Ивановна, никак не укладывалось в голове пятидесятидвухлетнего полковника милиции...

Его собственный сын, на которого он возлагал свои отцовские надежды, был выставлен этой женщиной как обыкновенный хулиган... Да что там хулиган — как шантажист, преследовавший её несовершеннолетнюю дочь, и угрозами вынуждающий её либо вступить с ним в связь, либо бросить учёбу и покинуть город...

Верить в это совершенно не хотелось, и мужчина снова и снова размышлял, как правильно начать разговор с Олегом.

Нет, этого просто не может быть. Он сам — бывший оперативник, и знает, что такое

поведение не наступает внезапно, ему должны предшествовать видимые предпосылки, причины, наконец! А какие могут быть причины для подобных поступков у молодого, здорового двадцатидвухлетнего парня, почти выпускника юридического факультета? Он всем обеспечен. У него никогда не было сомнительных друзей... Во всяком случае, отец о них ничего не знает! Виталий Мясников? Его новоиспечённый зять, а, заодно, и друг Олега?.. Да, он имеет свои недостатки, но, в любом случае, никак не попадает под статус отъявленного негодяя.

Конечно, это какой-то бред. Он знал бы всё. Да, он мало уделял внимания своим детям... Но у него была уважительная причина: его служба. Вот уже тридцать лет, как он несёт эту самую службу... несёт честно, как и положено гражданину своей страны, члену партии, просто достойному человеку. Его сын не мог вырасти таким негодяем... Ведь у него перед глазами всегда был пример собственного отца!

...Здесь явно что-то не то... Горячиться не стоит... Он обязан разобраться, и как отец, и как представитель службы правопорядка... Но он должен выяснить всё до мельчайших подробностей, и лишь потом принимать решение...

Каким бы оно ни было.

— Пап, ты чего?! — на вопрос отца сын изобразил искреннее удивление, — Кто тебе наговорил такую ерунду?!

— Мне позвонила мать этой девушки, — Семён Ильич снова шагал по диагонали своего кабинета, но теперь он делал это неторопливо, без лишнего напряжения, — и сказала, что её дочь бросила институт. Потому, что ты преследовал её, угрожал, предлагал... э-э-э... гм... Ну, в общем, вёл себя с ней недостойно. Что ты можешь сказать по этому поводу?

— Врёт она, — усмехнувшись, Олег отвёл глаза, — как сивый мерин.

— Кто врёт — мать?

— Эта самая Аня врёт.

— То есть, ты хочешь сказать, что не преследовал её, не угрожал и не вынуждал сблизиться с тобой?

— Нет, конечно! — для пущей убедительности парень приподнял брови — глаза максимально округлились, а лоб превратился в «стиральную доску».

— Тогда с чего она всё это взяла? — отец смотрел строго поверх очков, — С потолка, что ли?

— Да эта самая Свиридова знаешь, кто? — сын выдержал многозначительную паузу, — Та самая девка, с которой Виталик был тогда в ресторане. Она просто тупо хочет отомстить!

— Кому и за что?

— Нам! Нашей семье! За то, что Виталя на Альке женился, а не на ней.

— Ах, вот оно что... — Семён Ильич снял очки и задумчиво прикусил дужку, — А я-то думаю, фамилия знакомая... Она же показания давала, как свидетель...

— Да она вообще... девочка лёгкого поведения. Алька с Виталиком тогда поругались, ну, она и решила воспользоваться моментом. Охмуряла Виталю, как могла, ещё осенью, на картошке. Виталик к Альке тогда на мотике прикатил, а Свиридова его только увидела, и давай клинья бить. И в ресторане всё из-за неё получилось, я так думаю. Захотела музыку, а Виталя, он же заводной, любит показать себя... Вот и врезал официанту сгоряча.

— Ну, а сейчас?.. как ты думаешь, Виталий окончательно порвал с этой... Свиридовой?..

— Он-то окончательно... А вот она, видимо, нет. Она сам его преследовала, домой

звонила... Алька нечаянно разговор его родителей с домработницей подслушала.

— А Виталий?

— Виталик нормально... Он даже не в курсе был... Но она всё равно звонила. А потом в группе Альку донимала, всякие гадости про неё говорила... Пап!.. — Олег поднял на отца серый взгляд, всем своим видом выражая готовность в чём-то признаться, — Ну, хорошо... признаю! Я с ней пару раз поговорил... просил по-хорошему от Виталика отстать... Но не понимает человек! Что мне оставалось делать?! Алька ревёт каждый день, ты что, хочешь, чтобы у неё выкидыш случился?!

— А мать в курсе? — Семён подозрительно прищурил в глаза, — Или опять все всё знают, кроме меня?!

— Мать не в курсе. Алька её расстраивать не хочет... говорит, и так перед вами виновата... А я тоже решил сам разобраться.

— Разобраться... — отец перешёл на привычный ворчливо-нотационный тон, — ты знаешь, чем может грозить вот такое разбирательство?! Хорошо, что она мне позвонила, а, если у неё хватит ума написать жалобу в министерство?! Мне как раз сейчас только этого и не хватало! Мне Виталий нескольких лет жизни стоил, и сейчас ещё есть опасность, что эта драка всплывёт... А протоколов нет... Чья голова полетит?! А всё ради твоей сестры...

— Пап, ну, прости... Больше такого не повторится, даю слово. Да и свидетелей у неё нет.

— А Виталик? Он как отнёсся к твоим выходкам? Не отразятся ли они на Але?

— Виталя ни о чём не знает, хотя... — сын задумчиво почесал подбородок, — Я теперь ни в чём не уверен.

— Чёрт... — Семён Ильич снова заложил руки за спину и повернулся лицом к окну, — Ведь говорил матери, пусть они живут у нас! Так нет же... Положено у мужа... Кем положено-то?! А, если и правда, выкидыш?!

— Теперь-то всё нормально, — Олег пожал плечами, — Свиридова уехала, ябедничать некому... А домой звонить ему она вряд ли теперь будет. Алька говорит, что и документы забрала...

— А, если снова приедет? Ей же не запретишь!.. — Семён Ильич снова сдвинул брови, — А Виталий... Ох, не верю я ему... Вот что хотите со мной делайте... Не верю, и всё!

Хлопнув дверцей такси, Аля неторопливо прошла к подъезду элитного дома, где она теперь жила в семье Виталия. В институты их с Виталиком теперь развозил служебный автомобиль свёкра, а с учёбы они добирались сами, чаще всего на такси. Родители Виталика весь день пропадали на работе, к тому же Софья довольно часто уезжала на гастроли, и поэтому молодые супруги большую часть времени были дома наедине. Домработница Фаина, как правило, занималась чем-нибудь на кухне, и Аля не воспринимала женщину, как живое существо — служанка, она и есть служанка. То ли по этой причине, то ли по какой другой, но девушка время от времени ловила на себе неприязненный взгляд белокурой, голубоглазой, и по-девичьи стройной для своих тридцати лет Фаины.

Александру этот взгляд просто бесил, но, не говоря никому ни слова, она решила, что, как только освоится в новой семье окончательно, то займётся «воспитанием» дерзкой служанки. Она уже обдумывала план действий, но на днях Вероника Григорьевна, торжественно объявила, что они с отцом решили подарить молодым свою прежнюю

квартиру, в которой сейчас проживала Галина, а саму Галину, пока забрать к себе, «чтобы не бегала каждый день туда-сюда». Переезд был намечен на лето, сразу, как только Аля родит ребёнка, а пока квартиру было решено отремонтировать.

Узнав об этом, довольная Аля сразу забыла про Фаину... Ничего, до лета она как-нибудь вытерпит эту змею, а, если что, сумеет постоять за себя!

...На помощь Виталика в этом вопросе она не рассчитывала... Их отношения нельзя было назвать супружескими. Если первые две недели он, хоть и не очень ласково, но всё же обращал на жену своё мужское внимание, то теперь вовсе не смотрел в её сторону. Ложась в постель, он сразу отворачивался и старался отодвинуться как можно дальше...

С учёбы они возвращались примерно в одно время, но, даже находясь вдвоём в своей комнате, почти не разговаривали. Аля была бы рада поговорить со своим молодым мужем... Она была бы рада любому знаку внимания с его стороны... Но он, как нарочно, молчал, а на все её вопросы отвечал односложно.

Помимо института Виталий почти не отлучался из дома... но Але иногда казалось, что в нём зреет зерно злости... Оно зрело, росло, и уже приобрело довольно внушительные размеры. Она чувствовала это... Со дня их свадьбы прошёл всего месяц, а они жили, как два совершенно чужих человека.

...Сегодня у Виталика была всего одна пара, и Аля знала, что застанет его дома. Сама она тоже освободилась чуть раньше, и спешила домой. На это у неё была причина...

Она не стала звонить в дверь, и открыла замок своими ключами. Почему-то Фаина не вышла, как обычно, навстречу, чтобы помочь раздеться. В квартире стояла обычная для этого времени тишина, но что-то насторожило девушку... Повесив пальто, она чутко прислушалась...

Але показалось, что из глубины квартиры доносятся едва различимые голоса... Выйдя из прихожей, она осторожно прошла по устеленному ковровой дорожкой коридору... Разговор доносился из-за закрытой двери в комнату Фаины. Собственно, это была даже не комната, а комнатка, в которой стояли диван и плательный шкаф. Иногда Фаина ночевала в квартире своих хозяев, для этих целей и было обустроено это помещение, в прошлом, скорее всего, бывшее обыкновенной кладовкой.

Осторожно подойдя к двери, Аля прислонилась к ней ухом...

Голосов было два — мужской и женский. Она сразу узнала говоривших — это были сама Фаина и Виталик... Судя по приглушённому тону и закрытой двери, разговор был приватным.

— Почему?! — судя по тону, Виталий был не просто сердит, а разъярён, — Почему ты мне не сказала, что она звонила?!

— У меня был приказ твоей мамы.

— Ну, и что?! Ты могла сказать мне потихоньку! Я тебя просил... я просил тебя всё мне рассказывать!..

— Интересно... — Фаина заговорила насмешливо, — Как я могла послушаться твою мать?..

— Ты?! — видимо, возмущение захлестнуло молодого человека, и он запнулся на слове, — Ты... ты боялась её послушаться?!

— Да... а что?..

— А наставлять ей рога с моим папенькой ты не боишься?..

— Уж не ты ли ей об этом хочешь рассказать?..

— Надо будет — она обо всём узнает! И ты вылетишь из этого дома со скоростью звука! И прощай красная икра... и контрамарки на спектакли, которые мать тебе дарит от чистого сердца... и неплохое жалованье...

— А ты не боишься, что твой отец узнает, что ты склоняешь меня к сожителству?..

— Я?! Послушай, ты... — для пущей убедительности Виталик назвал женщину нецензурным словом, — А кто меня совратил ещё в шестнадцать лет?.. не ты ли?..

— А ты не отказался... — Фаина не оставляла дерзкого, насмешливого тона, — Зато какая школа... пусть теперь твоя молодая жена меня благодарит... Хотя... по-моему, ты с ней совсем не спишь... разве нет?

— Не твоё дело. Твоё дело выполнять мои прихоти, если не хочешь вылететь с такого сытного места.

— Ну, что ты, мальчик... — Александре показалось, что она услышала звук поцелуя, — Твои прихоти мне очень нравятся... Хорошо, что ты женился на Сандре, а не на этой своей Ане...

— Не произноси даже её имени своим языком... поняла? — несмотря на смысл фразы, Виталий произнёс её томным голосом, и Аля окончательно поняла, что её муж обменивается ласками с любвеобильной домработницей.

Сначала она остолбенела... Она совершенно не ожидала такого поворота... Видимо, права была Вероника Григорьевна, когда, услышав от дочери жалобу на то, что Виталий не притрагивается к ней и пальцем, сказала: «Значит, у него кто-то есть... Молодой мужчина, имея под боком молодую жену, не обращает на неё внимания лишь в двух случаях: либо он импотент, либо у него есть любовница».

...Как она сразу не догадалась?! Вот откуда все недобрые взгляды этой твари! Виталик спит с ней... В последние дни он приезжает домой чуть раньше, чем она, Александра... Видимо, в это время всё и происходит... Судя по их разговору, сын делит любовницу с родным отцом, и тот пока не в курсе... и всё это происходит уже не первый год!..

— Я не помешаю?.. — рванув на себя ручку двери, Александра стремительно шагнула в комнату.

Сердце бешено колотилось, от услышанного и увиденного бросило в дрожь...

— Сандра!.. — мгновенно оттолкнув от себя Фаину, Виталий растерянно стоял перед женой, в расстёгнутой рубашке, и с торчащим из пояса, наполовину расстёгнутым ремнём, — Ты откуда?!

— Ну, ты и сволочь... — подскочив к нему, девушка со всего размаху ударила его по щеке, — Скотина!.. Тварь!.. А ты!.. — повернувшись к Фаине, Аля схватила ту за волосы и с силой потянула на себя, — Сучка!.. Проститутка!.. Я всё про вас расскажу!..

...Виталику не сразу удалось оттащить свою жену от домработницы. Дралась Александра яростно. Вкладывая в свои движения и обиду, и боль, и оскорблённое достоинство, она мотала руками голову любовницы мужа из стороны в сторону... Ей удалось изрядно потрепать Фаину, так, что та даже не смогла достойно ни ответить, ни защититься.

Отцепив, наконец, Алькины руки от белокурых, растрёпанных волос домработницы, Виталий схватил жену в охапку и силой утащил в их комнату. Бросив её на кровать, запер дверь изнутри на ключ. Аля никак не могла успокоиться, и снова попыталась накинуться на него, но парень перехватил её руки и прижал к телу крест-накрест.

— Успокоилась? — он смотрел на неё сверху, чуть прищулив свои красивые серые глаза, — Я ещё раз спрашиваю... Успокоилась?!

— Подонок... — глядя на него, Аля расплакалась, — Какой же ты подонок... Ты... с этой старой щюхой...

— А ты что думала... — он заговорил каким-то зловещим тоном, — Пока ты из себя недотрогу строила, я тебя ждал?.. Не ломалась бы целый год, я давно бы с ней завязал... Я — мужчина... понятно?..

— А сейчас?! Сейчас!.. мы же с тобой женаты!..

— А что сейчас? Ты меня в постели застала?..

— Я всё слышала! Ты с ней, оказывается, уже давно!.. И не только ты, а и твой отец!..

— И — что? Расскажешь матери?!

— Расскажу! Я всё про тебя расскажу!..

— Тогда я подам на развод. Я свою роль сыграл. К тому же, тебе придётся признаться, что ты соврала насчёт беременности.

— Я соврала ради тебя! — всё ещё плача, Аля оттолкнула его руки и присела на кровати, — Чтобы тебя не посадили! Отец тебя спас!..

— Спасибо ему за это, — Виталик отвернулся и, положив на колени локти, сцепил пальцы рук, — никогда не забуду. Но время вышло... тот протокол уже никуда не пришьёшь, иначе твоему папе первому шею намылят за использование служебного положения.

— Ничего себе, ты заговорил... — Аля медленно подняла на него глаза, — Ну, ты и га-а-а-д...

— А ты что думала? На войне, как на войне. Поэтому, если ты хоть слово сболтнёшь отцу или матери, я просто-напросто подам на развод. И мы тихо-мирно с тобой разойдёмся, как в море корабли...

— А, если я буду молчать?.. — глядя куда-то вперёд, Аля горько усмехнулась.

— Тогда ещё поживём... какое-то время... Но ты должна мне ответить ещё на один вопрос.

— Какой?

— Это правда, что Аня уехала?

— У тебя хватает наглости спрашивать про эту дрянь?!

— Заткнись. И отвечай на вопрос. Это — правда?

— Я не знаю. Она не ходит на занятия уже несколько дней...

— Врёшь. Сегодня приезжал твой отец.

— Папа?.. Когда?

— Перед твоим приходом. Он спрашивал, что у меня с Аней... А потом проговорился, что она уехала... Из-за того, что её вынудил Олег.

— Я ничего не знаю, — Александра упрямо смотрела перед собой, — у Олега и спрашивай.

— Он сделал это по твоей просьбе... Так?

— Нет... — ответ получился не совсем уверенным, — Я тут ни при чём.

— Опять врёшь... Послушай, Сандра... — парень чуть подался вперёд, — Пойми одно... Я женился на тебе только потому, что у меня не было выхода. Я благодарен тебе за то, что ты всё это придумала... что убедила Семёна Ильича помочь мне... Да, ты спасла и меня, и моих родителей... Но... но я не люблю тебя... Это ты можешь понять?!

— А раньше любил...

— То было раньше. Я не могу обманывать себя. Я люблю Аню... Если тебя устраивает такой расклад, значит, мы будем как-то жить... Если ты захочешь рассказать о том, что

услышала сейчас, моим родителям, я подам на развод. Решай сама. Тем более, что скоро все узнают, что никакой беременности у тебя нет, и не было.

— Есть...

— Что?!

— Виталик, я беременна... по-настоящему. Уже целый месяц.

...Аля именно сегодня собиралась «признаться» в своей беременности Виталику... По дороге домой она придумывала разные варианты, как лучше сообщить эту новость своему мужу, но, услышав его разговор с домработницей, забыла обо всём на свете. Теперь же, снова вспомнив, решила воплотить задуманное в жизнь. Как ни крути, а быть отцом её ребёнка должен именно он — Виталий...

Альке удалось настоять на том, что они с Виталиком должны переехать к её родителям. Причин для этого было несколько. Одна из них была озвучена именно Виталию: Аля больше не могла находиться под одной крышей с Фаиной. Она пообещала, что не будет ничего рассказывать Мясниковым-старшим о связи их сына с домработницей, и в обмен на это Виталик пообещал не подавать пока на развод, и согласился временно пожить у тестя с тётцей. Другая же, и наиболее важная для Александры причина была в озвученном для всех сроке её беременности. Если для родителей он соответствовал настоящему сроку, то для Виталика не сходился с ним ровно на два месяца. Пока живота не было видно, но ребёнок рос, она уже прощупывала небольшое уплотнение внизу живота...

Але казалось, что ей будет легче вести двойную игру в родном доме, имея мощную поддержку в виде Вероники Григорьевны.

Сам Виталий воспринял новость о том, что Аля, действительно, беременна, неоднозначно. Зная заранее, что это — часть сценария его собственного спасения, он, в то же самое время, не выказал никакой радости, а, напротив, на несколько дней ушёл в глубокую депрессию.

Он уже был готов всё бросить и снова уйти к родителям, но этим планам помешал тесть. Сам того не зная, он сообщил Виталику, что ремонт в их с Алькой квартире уже начат, и что к весне, возможно, молодые супруги обзаведутся собственным «жигулёнком». Эти приятные вести немного примирили Виталия с собственной участью, к тому же, Вероника Григорьевна пообещала зятю после окончания института добиться распределения в свой же город, в её престижное учреждение, на престижную должность. Это была вполне достаточная «компенсация»...

Единственное, что не давало ему покоя, был отъезд Анюты. Он не знал ни её адреса, ни домашнего телефона, и узнать их оказалось делом отнюдь не лёгким. Можно было всё узнать у Анютиной соседки по комнате, Нелли, но Виталик опасался появляться в общежитии. Один из вахтёров был знаком с Олегом, и мог рассказать о его визите. Кроме того, его могли увидеть Алькины сокурсницы, и сдать его «с потрохами». Если на ссоры с Алькой Виталик внимания не обращал, то ссориться с Семёном Ильичом ему было пока не с руки.

Во время последнего откровенного разговора тесть ясно дал понять, что не позволит зятю обижать свою дочь.

«Узнаю, что гуляешь от Александры, пеняй на себя. От прошлого дела отмазал, новое заведу... А причина всегда найдётся. Ты меня ещё не знаешь».

Тестю Виталик поверил, спорить и оправдываться не стал. Злость же предпочёл сорвать на своём товарище.

— Я тебя просил Аньку не трогать?! — улучив момент, когда в квартире они оказались вдвоём, Виталик схватил Олега за грудки, — Ты что наделал, сука?!

— Что-то я не понял... — отталкивая от себя друга, Олег подозрительно прищурился, — Виталю, твою жену зовут Сандра... Какая Анька?..

— Всё ты понял! А я всё знаю! Она из-за тебя уехала!

— Да «прости господи» она, твоя Аня... Ты ещё не понял?!

— Заткнись!

— Не веришь?! Спроси у Альки! Она тебе расскажет, как твоя Аня с мужиками в бане мылась.

— Врёшь, с-сука! — крепкий кулак Виталия впечатался в скулу Олега, — Убью!

— Я думал, мы друзья... — держась за скулу, Олег зло сверкнул глазами, но отвечать не стал, — Для тебя же старался... Потом ещё спасибо скажешь...

— Да пошли вы все! — Виталий ногой толкнул дверь из комнаты, — Благодетели... Анька всё равно будет моя... Понял?! Моя!

— Опоздал ты, Виталю. Говорю же, спроси у Альки. Или сам проверь, если вернётся.

— Вернётся... А сунешься к ней — убью.

Глава 17.

Боль притупилась, обида немного улеглась в душе, уступив место печали. Эту печаль Аня тщательно скрывала от окружающих, стараясь быть прежней, и лишь глаза выдавали её истинное состояние. Заглушая в себе чувства, она вновь старалась думать только об учёбе. Уезжала Аня в такой спешке и в таком страхе, что не успела забрать все документы, а лишь оставила в канцелярии заявление, попросив, чтобы ей всё выслали по почте. Она очень боялась, что Олег с друзьями будут караулить её возле института, и поэтому спешила уехать первым же поездом, идущим в сторону её родного города.

Приехав к себе домой, она в тот же день позвонила своей руководительнице и всё объяснила, как смогла. Справедливо упрекнув её в торопливости принятия решения, Вера Андреевна посоветовала прислать другое заявление — на академический отпуск, чтобы не терять место в институте, и пообещала всё уладить. Понимая, что Вера во всём права, Аня уже на следующий день отправила заказное письмо с заявлением на академку. Понимая, что, в любом случае, она не сможет продолжать учёбу именно в этом учебном заведении, она обратилась в местный педагогический институт с вопросом о переводе на факультет иностранных языков, но, на её удивление, свободного места на этот год не нашлось.

«Если только с первого сентября следующего учебного года... — развела руками сотрудница деканата, — Мы возьмём вас с распростёртыми объятиями! А сейчас, увы...»

По всему выходило, что учёбу она сможет продолжить лишь на следующий год, практически заново поступив в новый ВУЗ — первую сессию Аня сдать не успела. Она очень переживала по этому поводу, и даже корила себя, что сама своими руками разрушила своё будущее — девушке казалось, что она уже никогда не сможет получить высшее образование. Елена Ивановна, как могла, поддерживала и успокаивала дочь.

На следующий день после её звонка Семёну Ильичу раздался ответный звонок — от него самого.

«Я провёл собственное расследование, — голос мужчины был строгим, даже суровым, — и выяснил, что ваши сведения неверны. Либо ваша дочь сгустила краски, либо это сделали вы. Думаю, что вы сами разберётесь в своей семье, кто из вас больше

обманывает. Я не буду упрекать вас в клевете, я тоже человек, родитель... Всё понимаю. Но ваша дочь вас явно обманула. При желании, она всегда может вернуться и продолжить учёбу. Никто и ничто ей не угрожает. До свидания».

«Он не поверил... мама, он, конечно, не поверил! Если я вернусь, будет то же самое!..»

«Ничего, мы всё переживём, — вытирая слёзы и себе, и Анечке, Елена Ивановна привычно приподняла подбородок, — наши предки и не такое пережили. Справедливость всегда восторжествует!»

Чтобы не сидеть дома, на шее у матери, Аня устроилась на работу в школу, где училась сама, и где преподавала Елена Ивановна — простой лаборанткой. Первое время она с ужасом ловила на себе недоумённые взгляды своих бывших учителей и учеников, но вскоре её история, по секрету рассказанная Еленой кому-то из педагогов, разошлась из уст в уста, обрастая романтическими подробностями, и над Анютой навис ореол таинственности. Старшеклассники глаз не сводили с красивой девушки, роняя на практических занятиях колбы с реактивами... Старшеклассницы, которым вот-вот предстояло шагнуть во взрослую жизнь, старались запомнить «на будущее» и её причёску, и всегда свежий, аккуратный маникюр, и манеру одеваться. Ведь настоящие принцы выбирают именно таких, как она — Аня Свиридова.

Вела себя Анечка всегда с достоинством, даже будучи простой лаборанткой, она готовила класс химии к очередному уроку с присущим ей аристократизмом: она так изящно вешала плакаты, что они казались гербовыми флагами, а колбы и пробирки в её руках превращались в богемное стекло...

«Это у нас природное, — отвечала Елена Ивановна на комплименты химички в адрес Анюты, — вы ещё не видели Анину бабушку! Это была настоящая царица!»

Дальше этих слов женщина не распространялась, оставляя в тайне истинное происхождение своего рода, но, даже просто взглянув на неё саму и на Анюту, можно было сделать неоднозначный вывод: по их венам течёт кровь с голубым оттенком.

Встреча с бывшей одноклассницей, приехавшей в конце января на каникулы, оказалась судьбоносной.

«Переводись к нам! — Ленка Скачкова, студентка педагогического института того же самого областного города, на рассказ Анюты отреагировала молниеносно, — У нас после первой сессии было несколько отчислений с иныза, я точно знаю!»

Снова ехать в тот же город было страшно... Но, посоветовавшись с матерью, Аня решила на звонок в деканат пединститута.

«Хм... — декан факультета на том конце, услышав просьбу Анюты, задумчиво хмыкнул, — Перевестись вы, конечно, можете... но только после очередной сессии, а вы, насколько я понимаю, даже первый семестр не доучились?»

«Да, но я сама занималась по учебникам...»

Анюта вовсе не соврала. Она, действительно, всё это время сама штудировала учебники, дополнительно занимаясь с преподавателем английского и немецкого языков в школе после работы. Пожилая женщина, приятельница Елены Ивановны, сама предложила Анечке свою помощь, и девушка приняла её с благодарностью.

Звонок всё той же Вере Андреевне не оказался лишним: озабоченная судьбой способной ученицы, та полностью взяла на себя организацию сдачи Анечкой зачётов и экзаменов уже после сессии. Уж как договаривалась Вера со своими коллегами, никому не известно, и она сама не рассказала об этом Анюте, но, приехав в институт в начале февраля, девушка смогла

сдать все дисциплины экстерном. Её поездка проходила в полном секрете, и она была рада, что многие её бывшие однокурсники, включая Нелли, сейчас разъехались по домам.

Всё произошло так быстро, что Анечка поверить не могла, что это она — именно она! — держит сейчас в руках зачётку с оценками за первый семестр!

«Как жаль, что ты не хочешь продолжать учёбу именно у нас...» — приютившая её на это время Вера Андреевна с нескрываемым сожалением покачала головой, — Может, всё-таки, останешься?»

Остаться Аня боялась, да и не хотела. Ей всё здесь напоминало о её неудачной любви... Даже известие о том, что Александра Дзюба уже второй месяц находится в больнице не сохранении, не изменило её решения.

Сдав экзамены и получив зачётку, Аня тут же отправилась в педагогический институт. Пока она решала все свои проблемы, каникулы подошли к концу, и студенты вернулись в город.

«Золотая медаль, говорите?.. — глядя на её, усеянную пятёрками, зачётку, декан факультета иностранных языков одобрительно качнул головой, — И вот это, говорите, сдавали экстерном?.. Ну, что ж... думаю, отличная замена вылетевшему за неуспеваемость двоечнику...»

Выпорхнув из нового института, обрадованная Анечка тут же забежала в переговорный пункт, чтобы позвонить матери.

«Хорошо это, Аннушка... — Елена Ивановна от радости шмыгнула носом, — Только страшно за тебя... Не узнают ли эти подонки, что ты вернулась?»

«Вряд ли! Это совсем на другом конце города, здесь рядом военное училище и всё, больше никаких учебных заведений».

В душе Анюта и сама переживала, не узнает ли Олег о том, что она вернулась, но, поразмыслив, успокоила себя тем, что в таком огромном городе очень легко затеряться, тем более, что, кроме Веры Андреевны и кое-кого из деканата о её переводе не знает никто. А уж за Веру она спокойна — та не расскажет никогда и никому... И, уже тем более, Сандре. Але очень хотелось увидеться с Нелькой, но в целях конспирации она отказалась от этой мысли. Оформив все необходимые документы, она устроилась в новом общежитии — на её счастье, нашлось одно-единственное место в девчачьей комнате, рассчитанной на трёх студенток, но в которой жили только две второкурсницы. Девушки не очень обрадовались подселённой к ним Анюте, но под строгим взглядом комендантши предпочли на время унять свой протестный пыл.

Съездив домой за вещами, Анечка приступила к учёбе в новом институте.

Новое общежитие отличалось от прежнего, и было похоже, скорее, на коммунальную квартиру. Здание было пятиэтажным, с расположенными внизу столовой, душевой, прачечной и актовым залом, где проходили танцевальные вечера. Комната Ане досталась на третьем этаже, и, когда девушка впервые оказалась на своём новом месте жительства, сразу ощутила дискомфорт.

Длинный коридор с расположенными по обеим сторонам комнатами заканчивался одной-единственной общей кухней, туалетом и умывальником с несколькими раковинами. В одной из комнат жила комендантша, одинокая женщина лет пятидесяти, невысокого роста, с пронизательным взглядом и чёрными усиками над верхней губой. Этот факт никак не добавлял оптимизма её молодым, предпочитающим граниту науки нектар любви и страсти,

соседям по этажу. Судя по надписям на лестничной площадке, борьба между молодостью и зрелостью шла нешуточная, Анюта поняла это на личном опыте.

Проводив новую жилищу в её тридцать восьмую, Влада Архиповна, так звали комендантшу, ещё раз окинула Анюту подозрительным взглядом и сопроводила напутственной фразой: «Труссы на батарее не сушить!»

Чувствуя, что в последний раз вдыхает воздух свободы, Анечка послушно кивнула и переступила порог своего нового дома.

...Всё оказалось не так уж и страшно. После нескольких дней демонстративного бойкота, соседки Люба и Оля неожиданно разговорились, видимо, по достоинству оценив хозяйственные наклонности Анюты. Несмотря на свою аристократическую внешность, новая соседка оказалась чистюлей и хорошей поварихой, к тому же, любящей готовить. Правда, меню у девчонок было небогатое: обжаренные в растительном масле макароны с луком, макаронный же суп на шкварках и жареная картошка на ужин. Обедать девушки предпочитали в студенческой столовой.

По вечерам Анюта никуда не ходила, готовила ужин, читала конспекты и художественную литературу, занималась личными делами. Теперь у неё не было такой подруги, как Нелли, но она всё ещё боялась обозначить своё присутствие и навестить бывшую соседку.

Анечка была очень рада, что пединститут находился в другой части города, совсем рядом с общежитием, и поэтому у неё не было нужды ездить далеко. Учиться здесь оказалось совсем не легче, но группа показалась ей намного проще — молодёжь была, в основном, «пролетарского» происхождения, из близлежащих городов и деревень, и других областей.

Иногда Аня навещала свою одноклассницу Ленку, которая жила этажом ниже, но особой дружбы между ними не водилось ни в школе, ни здесь.

...Вечерами, укладываясь спать, Анечка думала о Виталике... Она и хотела бы забыть его, но не получалось. Вместе с тем, желания отыскать его, чтобы увидеться, у неё не возникало... это было странно, но причиной этому был всё тот же страх. Страх навредить не только себе, но и ему...

Он женат, у него будет ребёнок... всё кончено.

Ей нужно учиться... она должна доказать всем, и себе в первую очередь, что добьётся своей цели... Добьётся, во что бы то ни стало!

— Аня, идёшь сегодня на вечер? — в канун международного женского дня, в перерыве между парами Ленка нашла Анюту.

— Сегодня? — Анечка удивлённо посмотрела на девушку, — Сегодня же нет вечера... Завтра!

— Завтра институтский, а сегодня в общежитии, ты что, не знала?

— Нет...

— Если не пойдёшь, дашь мне свою синюю кофту? Ну, ту, что с люрексом?

— Дам... — Аня растерянно пожала плечами, — Если и пойду, найду, что надеть...

— Говорят, нас пацаны из военного поздравлять придут... — Ленка кокетливо тряхнула светло-русыми волосами, — мы же их тоже поздравлять ходили, на двадцать третье февраля... ты что, не помнишь?

— Я не ходила...

— Ну, и зря. Я с одним познакомилась... правда, у нас с ним уже всё...

— Так быстро? — Аня не удержалась от улыбки, — две недели всего прошло!

— Да... — Ленка нарочито равнодушно махнула рукой и отвела взгляд, — Не мой вкус... Фигня, другого найду... Ну, так что, ты пойдёшь?

— Не знаю... может быть...

Актальный зал общежития был украшен воздушными шарами и плакатами. Ударная установка в углу небольшой сцены и ионика на краю говорили о том, что играть сегодня будет «живой» вокально-инструментальный ансамбль. Подавляющим большинством учащихся педагогического института были девушки, поэтому весть о том, что на вечер придут курсанты расположенного рядом военного училища, взбудоражила всю общагу. Вообще-то, курсантки и без всяких поводов регулярно посещали местные танцы, но сегодняшний их визит был организованным и предполагал поздравительные речи и, возможно, подарки.

Нарядные, с модными причёсками и макияжем, студентки уже в половине восьмого начали собираться в актовом зале. Начало было назначено на восемь, и девушки, шурша подолами юбок и модными брючинами, то и дело входили и выходили из помещения. Лестница утопала в дыму — шикарно собирая «в гузку» накрашенные польской помадой губы, студентки втягивали в себя дым югославских сигарет с томно-загадочным видом.

Аня не курила, но от глотка сухого вина в этот раз не отказалась — собираясь на танцы, Люба с Олей собрали нехитрый стол и выставили на него бутылку «Совиньона». Решив, что ради праздника «можно», Анюта пригубила за компанию из стеклянного, гранёного стакана. Настроение немного поднялось. Общая предпраздничная атмосфера царила везде, даже на общей кухне, пропитанной запахом жареной рыбы и лука.

Близкой подруги у Анюты сейчас не было, и она решила пойти вместе со своими соседками.

Спустившись вниз, девушки прошли в зал, когда часы показывали десять минут девятого. Дослушав поздравления, Аня оглянулась в поисках своих спутниц, но те уже куда-то исчезли. Гости в военной форме пока ещё робко толпились недалеко от входа, и, скользнув по ним равнодушным взглядом, Аня уставилась на сцену.

Концерт, подготовленный курсантами, она просмотрела, стоя у стены, и, когда начались танцы, так и не сдвинулась с места. За свою недолгую жизнь Анюта уже привыкла, что, несмотря на её внешность, парни обходили её стороной. Они не крутились вокруг строгой Анечки, отдавая предпочтение другим, более «доступным» на вид девчонкам. Её редко приглашали танцевать, и она почти никогда не дожидалась окончания танцев, а просто уходила домой.

В этот раз она была готова к привычному сценарию...

— Привет! — симпатичный парень стоял перед ней, улыбаясь во все тридцать два зуба, — Вот так встреча!

— Привет... — приглядевшись, Аня узнала своего случайного знакомого, — Действительно... Саша?..

— Так точно! — парень рассмеялся и протянул ей руку, — Потанцуем?

— Потанцуем... — пожав плечиком, Аня улыбнулась в ответ и сделала шаг навстречу.

— А я смотрю — знакомое лицо, — его улыбка, как и в прошлый раз, была удивительно светлой и доброй, — сразу имя вспомнил...

— Аля?.. — Анюта почему-то решила пошутить.

— Не-е-т!.. — Саша снова рассмеялся, — Аня!

...Саша не отходил от неё весь вечер. Аняте казалось, что она знает его уже очень давно — парень располагал к себе, но совсем не так, как Виталий... он, действительно, казался близким другом, близким и надёжным. Это было написано у него на лице, это сквозило в его голосе, жестах, интонации... Он не задавал дежурных вопросов, не звал её «погулять» или покурить... Он был немного смущён, и, в то же самое время, вёл себя естественно, без излишней скромности.

Несколько часов веселья пролетели незаметно. Аня даже не успела соскучиться в обществе своего нового знакомого. Ей даже стало немного жаль, когда Саша сказал, что им с товарищами пора возвращаться — отпущенное время заканчивалось.

Попрощавшись с ним у выхода, она тут же вернулась в свою комнату. День был довольно насыщенным, и ей хотелось поскорее лечь в постель...

Добравшись до своей кровати, она разделась и легла, с головой укрывшись одеялом. Девчонок ещё не было, и Аня попыталась уснуть. Закрыв глаза, она вспоминала сегодняшний вечер... курсанта Сашу... но вместо лица Саши всплывало другое лицо... до боли знакомое, и до боли любимое...

...Виталик... Что он делает сейчас?.. Наверное, обнимает свою Сандру... Вспоминает ли он о ней, Аняте?..

...Слезинка, скользнувшая по ресничкам, растворила тушь, отозвалась резью в глазу... Нет... Никто и никогда не заменит ей Виталия...

Никто и никогда.

Сашу Анята увидела на следующий день: он подждал её у общежития после занятий. Оказалось, что у него всего полчаса времени, и он прибежал лишь затем, чтобы позвать её вечером в кино.

...Думала Анята недолго. Предстоящий праздничный вечер в институте предполагал всё те же танцы... Подумав, что вчера она натанцевалась на целый год вперёд, Анечка, совершенно неожиданно для самой себя, выбрала поход в кино. Ей почему-то было так спокойно рядом с этим парнем... Что это было на самом деле — искренняя симпатия, или желание вышибить «клин клином», она в тот момент не задумывалась. Ощущение чего-то нового освежило душу... К тому же, Саша внушал доверие, и Анята абсолютно безбоязненно вышла вечером к нему навстречу.

Они с удовольствием посмотрели фильм. Парень вёл себя вполне прилично, он даже не попытался обнять девушку, пользуясь темнотой... Аняте это понравилось. Меньше всего сейчас ей хотелось бы отбиваться от чьих-нибудь объятий... Она ловила себя на мысли, что, будь на месте Саши кто-нибудь другой, она ни за что не пошла бы с ним ни в кино, ни на танцы. Ей сейчас ни до каких отношений... Виталик до сих пор живёт в её сердце... Там нет места для другого, и вряд ли когда-нибудь будет.

...Но Саша... К нему Анечка сразу почувствовала безграничное доверие. Она не могла понять, как такое могло случиться... Она не представляла, что между девушкой и парнем могут быть вот такие отношения... Правда, они встречались всего второй раз в жизни, но она была уверена, что так будет всегда.

...К концу марта они встречались в каждую увольнительную Саши, а к концу апреля Аня уже сама ждала его увольнительных... У неё не было близкой подруги, но теперь она не испытывала по этому поводу никаких сожалений. Потому, что у неё был Саша.

Он отлично изучил её вкусы, и знал, какое мороженое предпочитает Аня, какие конфеты или шоколад. Идя с ним на прогулку, девушка знала, что её ждут небольшие, но приятные сюрпризы. Саша приходил к ней в общежитие, и Люба с Олей уже привыкли к его визитам, каждый раз ожидая его с очередной просьбой — прикрутить ли лампочку, починить ли розетку или электрическую плитку, которую, вопреки запрету комендантши, прятали у себя в комнате.

Саша был поистине безотказным — он всегда приходил на помощь, по первому зову. Аня воспринимала его как что-то неотъемлемое от самой себя... Она могла рассказывать ему обо всех своих проблемах, делиться любыми своими секретами... Он слушал её, давал советы, утешал и успокаивал... Аня ловила себя на мысли, что у неё ещё никогда не было такого друга, как Саша...

Виталик... его она любила, и любит до сих пор... Но он теперь для неё недостижим. А Саша — вот он, всегда рядом... и вовсе не напрашивается на роль любимого парня... Иногда ей даже становится интересно — почему Саша за эти два месяца не сделал ни одной попытки хотя бы поцеловать её... Неужели и с его стороны их отношения — не больше, чем обыкновенная дружба?!

...Стоя на крыльце общежития, Аня с улыбкой смотрела на Сашу. Летняя сессия подошла к концу. Сдав все экзамены, она перешла на второй курс, и завтра утром уедет домой... Сегодня — вечер прощания... прощания с однокурсниками, с городом, с общагой, и... с Сашей.

Она так привыкла к нему за эти три месяца, что не представляет, как будет без него целое лето... Он для неё, как рука... как глаза... В его взгляде она видит своё отражение...

...Он так и не поцеловал её ни разу... Удивительно, но Аня не находила этому объяснения... Нет, ей вовсе не нужны его поцелуи... совсем не нужны!..

...Но это как-то странно... лишь иногда он позволяет себе обнять её за плечи — когда ему кажется, что она замёрзла...

— Может, пройдемся ещё немного?.. — его голубые глаза смотрели на неё с такой грустью, что Аня, не задумываясь, кивнула.

...Ночь была светлой, тёплой, и девушке самой не хотелось заходить в душное помещение. Они прошли до расположенного неподалёку парка. Остановившись под высокой елью, Саша долго всматривался в её лицо... Аня подумала, что он впервые смотрел на неё — вот так...

— Знаешь, у меня ещё никогда в жизни не было такой девушки, как ты...

— У тебя было много девушек? — она улыбнулась его словам.

— Нет, — он, напротив, был как никогда серьёзен, — если честно... у меня ещё не было любимой девушки... по-настоящему любимой.

— Значит, будет... — Аня нарочно отвела взгляд.

— Уже есть...

— Поздравляю...

— Аня... — он неожиданно повернул её к себе за плечи, — Я хочу, чтобы ты знала...

— Саша, подожди... — мысль о Виталике вдруг пронзила мозг, — Я должна...

— Нет, это ты подожди... — он притянул её к себе, провёл рукой по мягким, шелковистым волосам, — Сначала я скажу... Я хочу, чтобы ты знала... Аня... Я тебя люблю.

...Она не стала сопротивляться его поцелую... Она просто не смогла... как и не смогла сказать ему о любви к другому человеку... Его слова были настолько искренними, а поцелуй

настолько чистым, что Аняте ничего не оставалось, как закрыть глаза и довериться его обаяниям...

Глава 18.

Выйдя из ванной, Аля на ходу завязала лёгкий шёлковый халат, но сделала она это скорее по привычке. Особой нужды в этом не было — халат давно уже не сходил на её до предела округлившейся фигурке, и даже концы пояса еле-еле завязывались в слабый узелок. Войдя в свою комнату, она застала там Виталия — муж, как обычно, лёжа читал конспект.

— Ой... — схватившись рукой за поясницу, она на секунду застыла, потом снова шагнула вперёд, к кровати.

— Чего? — оторвавшись от чтения, Виталий скользнул по ней быстрым взглядом.

— Нет, ничего... — не скидывая халата, девушка тяжело опустилась на край кровати, — Показалось.

— М-м-м... — равнодушно отозвался муж и снова углубился в чтение.

Александра уже привыкла к тому, что Виталий почти не обращает на неё внимания. Она была счастлива уже тем, что, узнав о её беременности, он немного изменился. Он перестал говорить с ней издевательским тоном, и даже иногда интересовался её самочувствием. После того, как Аня Свиридова бросила учёбу в их институте, Александре стало спокойнее на душе. По слухам, Аня уехала из города к себе домой, и у Виталика не оставалось никаких шансов возобновить с ней отношения.

Александра даже чуть повеселела, но, чем ближе становился день появления на свет ребёнка, тем больше уходил в себя его «отец». Але очень хотелось делиться с ним своими ощущениями, но, только взглянув на его отрешённое лицо, она отказывалась от этой мысли и шла к матери.

Виталий по-прежнему никуда не уходил по вечерам, лишь иногда навещал родителей. Нельзя было сказать, что Александра отпускала его к ним с лёгкой душой — она не могла забыть о связи мужа с домработницей Фаиной... Сама она редко посещала свёкра и свекровь, и вообще старалась как можно реже попадаться на глаза Софье, после того, как та, приехав с очередных гастролей, вытаращила радостный взгляд на огромный живот невестки.

«Алечка, это двойня! Я уверена, и не надо со мной спорить! В моём роду бывали двойни, так что ничего удивительного!»

Напрасно Александра убеждала свекровь, что у неё никакая не двойня, а просто крупный плод, та всё равно твердила своё. С одной стороны, Альке было выгодно, чтобы её раздавленные формы посторонние оправдывали наличием двух младенцев, но, с другой стороны, Софья лишней раз обращала внимание Виталика на то, что срок её беременности не соответствует действительности. Виталик был единственным членом семьи, для которого этот срок в настоящее время оговаривался семью месяцами.

Сразу после Нового года Аля попала в больницу — так устроила Вероника Григорьевна, чтобы растущий не по дням, а по часам живот дочери не мозолил глаза Виталику. Даже не будучи искушённым в этих делах, парень не мог не догадаться, что в два месяца беременность не может быть настолько заметной.

В стационаре Аля пролежала до середины апреля. Свекровь со свёкром навещали её редко, в виду своей занятости, но она была этому рада. Виталий тоже не баловал жену посещениями, и, если приходил, то ненадолго. Алька скучала по нему, даже несмотря на его холодность, и всегда ждала с нетерпением. Она ужасно ревновала его, мучилась, плакала, но при встрече из последних сил сдерживала себя от истерик. Беременность протекала тяжело,

ребёнок, судя по всему, был очень крупным, и хрупкая от природы Александра испытывала сильный дискомфорт. Её хорошенькое личико изменилось до неузнаваемости — теперь оно казалось опухшим, нос и губы увеличились до нелепых размеров, кожа покрылась пигментными пятнами, и девушка даже боялась лишней раз поглядеть на себя в зеркало. Она очень переживала по этому поводу, в основном, из-за Виталика. Ей казалось, что он не хочет видеть её — такую, и поэтому так редко приезжает к ней в больницу. Он снова вернулся к родителям — до возвращения жены, и этот факт никак не добавлял хорошего настроения Александре.

«Аля, чем реже он тебя сейчас видит, тем лучше, — утешала её Вероника Григорьевна, — так что, потерпи. Родишь, похорошеешь! А он ребёночка увидит, и растает... Мужики все — такие, им надо увидеть, руками пощупать...»

«Мне очень этого хочется... — Александра грустно смотрела на мать, — А, вдруг, он догадается, что это не его ребёнок?»

«Ты же говоришь, тот парень русоволосый, голубоглазый... так?»

«Ну... так...» — пожимая плечом, Алька с тоской думала, что, по правде говоря, не очень запомнила этого Сашу...

«Маленькие дети в большинстве своём непонятно на кого похожи. Особенно, если у родителей отсутствуют какие-то отличительные черты, например, какая-нибудь особая форма носа, или разрез глаз».

«У него... — Аля нехотя напрягла память, — У него родимое пятно на груди...»

...Ей, действительно, врезалось в память родимое пятно — единственное, что она разглядела очень хорошо... тёмно-коричневое овальное пятно размером с пятикопеечную монету красовалось на левой стороне груди её первого парня...

«Подумаешь, пятно. Даже если и будет у малыша это пятно, Виталику это ни о чём не скажет. Мало ли, от какого предка оно досталось! За это даже не переживай!»

Не переживать Алька не могла. Чем ближе были роды, тем больше ей казалось, что Виталий начинает догадываться об обмане... Она думала об этом каждый раз, когда оставалась с ним наедине. Эти дни превратились для неё в настоящую пытку.

Сам Виталик ни о чём не спрашивал, но, глядя на свой поистине гигантский живот, Александра чувствовала, как сжимается её сердце... Она очень боялась, что муж бросит её, как только увидит ребёнка... Вечерами, закрывая глаза, она пыталась представить своего будущего малыша... Она мечтала, чтобы он родился рыжим — мать Виталика, Софья, была от природы рыжеволосой, и, хотя сам Виталик был похож на отца, его дети вполне могли унаследовать от бабушки цвет волос... Но ожидаемый внук был Софье не родным, а в роду самой Александры рыжих, увы, не было...

Выписавшись из больницы, Алька немного успокоилась... В домашней обстановке, рядом с родителями, ей было намного легче, вот только живот становился всё больше, и больше...

...Аля ещё с утра почувствовала дискомфорт в организме. У неё ничего не болело, но непонятное беспокойство охватывало её время от времени. Ей хотелось плакать, при чём, безо всяких видимых причин. Сначала она списывала своё состояние на июньскую жару, но к вечеру прошёл дождь и воздух посвежел, а ей не стало легче. Беспокойство только усилилось, незаметно сменившись нервным возбуждением. Сессия была в самом разгаре, и они с Виталием все вечера готовились к экзаменам... но сегодня она была не в силах взять в руки учебник.

— Виталик... — глядя в окно на заходящее летнее солнце, Аля неожиданно почувствовала нервный озноб, — Поговори со мной...

— О чём? — он снова бросил на жену быстрый взгляд и тут же уткнулся в тетрадь.

— Не знаю... О чём-нибудь.

— Ложись спать. Если мешает свет, я выключу.

— Я не хочу спать...

— Ну, походи, поешь... Сандра, не мешай. У меня завтра самый ответственный экзамен.

— И есть не хочу. Мне страшно.

— Чего тебе страшно?

— Просто страшно и всё... — Аля прилегла на подушку и, повернувшись лицом к мужу, подняла на него умоляющий взгляд, — Виталик...

— Ну, чего тебе, Сандра? — нехотя отложив книгу, Виталий сел в кровати, — Ну, чего ты боишься?

— Я рожать боюсь... — Аля неожиданно заплакала и, потянувшись, взяла его за руку, — Мне кажется, я умру...

— Успокойся, — тяжело вздохнув, парень придвинулся ближе и провёл рукой по её волосам, — ты не умрёшь. Всё будет хорошо.

Он так давно не прикасался к ней, что от его неожиданной ласки Александра разревелась ещё пуще. Не зная, что делать, Виталий продолжал гладить её по голове, как ребёнка.

— А, если умру... — всхлипывая, она кусала припухшие губы, — Ты его не бросишь?.. Пообещай мне, что ты его не бросишь!..

— Кого?

— Ребёнка...

— Да не умрёшь ты! — он нетерпеливо, резко провёл ладонью по её щеке, вытирая слёзы, — Чего на тебя нашло?! Тебе ещё два месяца ходить, а ты уже паникуешь!

— А, вдруг, он родится раньше времени?.. — она, затаив дыхание, ждала его ответа.

— Да с какой радости?! У тебя всего семь месяцев, ну, чего ты сейчас тут устроила?!

Чем больше он уговаривал жену успокоиться, тем обильнее становился поток её слёз, так, что Виталию пришлось, в конце концов, звать на помощь Веронику Григорьевну.

Только взглянув на дочь, та сразу всё поняла.

— Аля, у тебя живот или спина болят? — мать тревожно ловила неестественно блестящий взгляд Александры, — Что ты чувствуешь?

— Не болят... — девушка смотрела страдальчески, — Но мне как-то лежать неудобно... всё мешает...

— У тебя живот опустился...

— Как это?!

— Неважно... Я звоню Татьяне Алексеевне.

Виталий с изумлением наблюдал за торопливыми сборами, даже пытался помогать, подавая тёще то Алькины тапочки, то халат.

— Не надо, Виталик, — Вероника Григорьевна отмахнулась от протянутых вещей, — ей там всё дадут...

— А... куда её?.. — парень испуганно смотрел на побледневшую жену.

— Рожать, Виталик... рожать!..

— Рано же...

— Значит, не рано! — Вероника нервно сунула завернутое в целлофан бельё дочери в сумку, — Природа сама знает, когда пора, а когда рано!

Взволнованный Виталий даже не обратил внимания на то, что Вероника не удивилась этому его «рано»... На прощание он даже приобнял Александру, и лишь после того, как её увезла скорая помощь, начал осознавать, что в его жизни наступает переломный момент.

— Вероника Григорьевна, может, пока не нужно было её в больницу отправлять? — Виталик зашёл в кухню, где Вероника отпаивала чаем не менее взволнованного Семёна Ильича.

— Как не нужно? — женщина придвинула стул, — Садись, я тебе тоже чай налила.

— Так рано же... — внезапно вспомнив, что для родителей они озвучивали другой срок, Виталик запнулся на полуслове, решив тут же исправиться, — Сегодня же девятое июня... а ей вроде пятнадцатого срок...

— Это неважно, — подавая чай, Вероника махнула рукой, — неделя, две... Это неважно! Главное, чтобы сейчас всё обошлось!

— Достань-ка мне мой графин, — Семён, нахмурившись, посмотрел на жену, — да две стопки.

— Сеня, рано! — Вероника попыталась возразить, но под грозным взглядом супруга нехотя сделала шаг к кухонному шкафу, — Ну, рано же... вот как только всё будет позади, тогда бы и графин...

— Когда всё будет позади, я у тебя не рюмку попрошу, а стакан! — муж принял из её рук довольно большой графин с водкой, — Давай, и себе стопку доставай... чего уж там... И закуску ставь! Первого внука ждём, как-никак.

Круги перед глазами были разноцветными... Але даже показалось, что некоторые цвета она видит впервые... Потолок медленно закачался, и она снова закрыла глаза. Боль, жуткая, нечеловеческая, раздирающая всё тело, вдруг исчезла в один момент... Она оставила её, растворилась в этих ярких лучах, падающих откуда-то сверху... и в детском плаче...

— Умница! — как будто издали послышался чей-то женский голос, — Сама справилась! Такого богатыря, и без кесарева!

— Кто у меня?.. — пересохшими губами еле прошептала Аля, — Мальчик?..

— Мальчик, я же сразу сказала, забыла?

— Я не слышала...

Она, действительно, не слышала... в первый момент заложило уши, и Александре показалось, что она на какое-то время потеряла сознание. Теперь же, придя в себя окончательно, она снова попыталась открыть глаза.

— Смотри, какого красавца родила! — акушерка с закрытым по самые смеющиеся глаза лицом поднесла к Але свёрток с новорождённым младенцем, — Смотри, а то сейчас унесу в детскую!

— Мальчик... — повторила Аля, с трудом вглядываясь в крошечное, сморщенное личико, — Такой маленький...

— Ничего себе — маленький! — рассмеялась женщина, — Четыре восемьсот, пятьдесят пять сантиметров!

— Он не рыженький?..

— Нет, не рыженький! Следующий раз лучше с папочкой старайтесь, будет вам рыженький!

...Ребёнка ей принесли лишь под вечер следующего дня. Аля не успела совсем оправиться, и врач пока не разрешала ей вставать с кровати. Нянечка с добрым, как у сказочной деревенской бабушки лицом без конца заходила в палату, чтобы ухаживать за роженицей, и сейчас, пожалев её, осталась, чтобы показать, как правильно кормить малыша.

Увидев сына, Аля в первый момент растерялась — она не знала, как принять его у детской сестры, но, только взяв в руки, тут же почувствовала необыкновенный прилив незнакомых ранее чувств — любви и нежности невероятной силы, преображающей всё её существо до неузнаваемости. Она была готова рассматривать это родное до боли личико до мельчайших чёрыточек, до мельчайших морщинок... Она даже представить себе не могла, что можно так любить своё дитя... Любить с первой минуты, с первого мгновения... Она даже забыла о том, что сначала хотела распеленать младенца и посмотреть, нет ли у него родимого пятна, такого, как у его родного отца...

— Ты его сначала покорми... — нянечка, которую звали Любовь Агафоновна, а попросту Баба Люба, улыбаясь, следила за молодой матерью, — А потом уже рассмотришь, как следует...

— Да... — опомнившись, Аля с готовностью сдвинула ночную сорочку на левой груди, — Сейчас...

— Вот та-а-а-к... — Баба Люба чуть поправила головку младенца на локте матери, — Голову ему придерживай... да не бойся, не укусит... Он ишшо беззубай...

— Ой... — Аля слегка поёжилась, — Больно...

— Ничё... всем так поначалу... ишшо не так будет... терпи!

Первое кормление под пристальным вниманием бабы Любы прошло благополучно.

— Хорошо у тебе молочко пришло... — нянечка одобрительно кивнула, — Да не бойси, я не глазливая!

— Я не боюсь... — разглядывая спящего, сытого сына, Александра улыбалась, — Красавчик мой...

— На папку похож! — Баба Люба удовлетворённо кивнула сама себе, — Высоким будет!

— Откуда вы знаете? — девушка подняла на няню тревожный взгляд, — вы же не видели его папу...

— А зачем мне? Я тебя вижу... Твоего ничего у сыночка нет! Значит, папкин!

— У таких маленьких ещё ничего не понятно... — Аля угрюмо повторила слова своей матери, — На кого похож...

— Мне всё понятно! — баба Люба, напротив, продолжала улыбаться, — Я тут уже тридцать лет работаю, гляну — как ригентом сфограхвирую!

— Сфотографирую, — машинально поправила Александра, — Рентгеном...

— А я как говорю?! Говорю ж — ригентом сфограхвирую!

Забирать из роддома жену и сына Виталий ехал в смятённых чувствах. Его родители и родители Александры откровенно радовались внуку, придумывали ему разные имена, наперебой покупали ползунки и игрушки...

Но молодой отец, увы, не испытывал и сотой доли радости, охватившей близких родственников. Первые подозрения посетили его ещё в феврале, когда он навестил беременную Алю в больнице. За ту неделю, что они не виделись, её живот вырос как на дрожжах... он явно выпирал под фланелевым халатом, и Виталик впервые призадумался. Их

свадьба была девятнадцатого ноября, и, если жена забеременела в тот же день, то срок должен быть не более трёх месяцев... Ему очень хотелось спросить об этом у матери, но он не знал, как это сделать... Ведь для всех остальных его жена была на пятом месяце...

Впрочем, сейчас можно было уже и признаться в обмане, во всяком случае, своим родителям... Но что-то удерживало его от этого признания. Немного успокоила тёща — как будто прочитав его мысли, Вероника Григорьевна вечером выказала тревогу за здоровье дочери.

«Не знаю, как Аля выносит ребёночка... — подкладывая зятю побольше жаркого, тёща прицокнула языком, — Она как тростиночка... хорошо, что живот маленький...»

«Разве маленький?» — Виталик бросил на неё пытливый взгляд.

«Конечно, маленький! Пять месяцев, а ничего не видно!»

«По-моему, видно уже...»

«Да что ты, Виталик! — тёща всплеснула руками, — Да в пять месяцев знаешь, какой живот должен быть?! Во!»

Показав на себе, какой должен быть живот в пять месяцев, Вероника подвинула Виталику тарелку с салатом.

«Да не маленький у неё живот, — Галина, которая ещё не переехала в дом сестры окончательно, оставалась в этот вечер на ужин, — для пяти месяцев нормальный. Ребёнок крупный будет, это я тебе сразу говорю».

«Ты-то откуда знаешь?! — готовая в эту минуту убить свою языкатую родственницу, Вероника Григорьевна покрылась пунцовыми пятнами, — Ты что, беременная хоть раз была?!»

«Не была, — Галина упрямо поджала губы, — только других-то видела... Насмотрелась за свои годы!»

Решив, что матери виднее, Виталик немного успокоился. В конце концов, Алька его, кажется, действительно, любит.

...Со временем сомнения вернулись. Версия о том, что врач Александры нарочно увеличивает ей срок, для того, чтобы «отмазать» перед родителями, стала казаться Виталию абсурдной. Он уже не раз спрашивал жену, как она будет объяснять им тот факт, что ребёнок родится спустя аж два месяца после назначенного срока, но Аля каждый раз находила разные причины, чтобы свести разговоры на нет.

Последней каплей стал разговор Виталия с собственной матерью, незадолго до рождения ребёнка.

— Жаль, что не двойня, — обрадованная тем, что сын пришёл в гости, Софья усадила его за стол и сама уселась напротив, — а я так хотела сразу двоих внучат!

— Откуда ты узнала? — усмехнулся Виталий, — Ты же всех убеждала, что будет двойня...

— А я сегодня разговаривала с Алиным лечащим врачом!

— Ты знаешь её врача?!

— Узнала совершенно случайно! — Софья театрально сцепила перед собой пальцы ухоженных рук, — После работы мы с приятельницей навещали нашу молодую актрису, которая лежит сейчас в роддоме, как раз в том, где лежала Аля. Я и решила поговорить с её врачом, так сказать, пользуясь случаем.

— И что же тебе сказал врач? — Виталий пытливо взглянул на мать.

— Она сказала, что у твоей жены всё в порядке, беременность протекает нормально,

правда, плод очень большой, а Аля такая миниатюрная... Но всё в пределах нормы, на её сроке.

— А какой срок называет врач?..

— Как какой? — женщина непонимающе уставилась на сына, — Восемь с половиной месяцев... ты что, сам не знаешь, какой у неё срок?!

— Знаю... но сомневался... может, меньше... Она же к врачу поздно обратилась, вдруг, ошибка... — Виталик неуклюже пытался оправдать свои сомнения, — Ну, мало ли что!

— Да нет... Что ты! — мать успокаивающе сжала его ладонь, — Всё верно со сроком... Ты же сам видишь, какой у неё живот! Гора, а не живот!.. Ей рожать вот-вот, это же видно невооружённым глазом!

...На следующий день, вновь приехав в родительский дом, Виталий раздевался в прихожей, когда к нему лёгкой, игривой походкой вышла Фаина. Он нарочно явился днём, когда родителей не было дома, чтобы встретиться со своей тайной любовницей.

— Слышала ваш вчерашний разговор... — женщина, лукаво улыбаясь, слегка провела ладонью по мужскому плечу, прикрытому модной рубашкой, — По-моему, у тебя есть сомнения?..

— Это не твоё дело, — услышав вместо обычных в таких случаях ласковых слов неприятные для него вопросы, парень угрюмо повёл плечом, как будто хотел стряхнуть с него женскую руку, — будешь подслушивать, скажу матери.

— Будешь грубить... — Фаина чуть привстала на цыпочки и потянулась к уху Виталия, — Будешь грубить, расскажу отцу... И вообще... Я тебе ещё тогда хотела сказать...

— О чём? — нахмурившись, Виталий невольно замер в ожидании ответа.

— О том, что у твоей жены не твой ребёнок...

— Что?! — резко повернувшись, он схватил женщину за плечи, — Что ты сказала?!

— Я всего лишь предположила, — несмотря на его явную агрессию, Фаина подалась навстречу, прижавшись упругой грудью к груди Виталия, — просто однажды я слышала ваш разговор... вы говорили о том, что обманываете родителей на два месяца...

— И... что?.. — уже более приглушённым голосом переспросил Виталий, — С чего ты взяла...

— С того... что однажды я видела, как её тошнило... — ловкие пальчики Фаины уже вовсю растёгивали пуговицы на рубашке молодого любовника.

— Ну, и что... — парень тоже дал волю рукам, истосковавшимся по женским прелестям.

— Это было сразу после свадьбы... — Фаина говорила прерывисто, задыхаясь от охватившего её чувственного волнения, — Она, действительно, уже была беременна. Хотя... хотя, может, она просто что-то съела...

— Ты видела это один раз? — спустя пятнадцать минут, лёжа на кровати в своей комнате, Виталий решил возобновить прерванный страстным порывом разговор.

— Что?.. — не торопясь встать, домработница повернула к нему голову.

— Как Альку тошнило.

— Один. А ещё я заметила тогда, что она совсем не завтракает... С вами не завтракает.

— Ну, и что? — нехотя поднявшись, Виталий потянулся за брюками, — У неё что-то с желудком было, говорила, что диету соблюдает.

— Это она тебе так сказала... А я сразу подумала, что это из-за токсикоза. Видимо, так оно и было.

— Ну, и что. Она забеременела сразу после свадьбы.

— Да... Но тошнить начинается через месяц, а не на следующий день...

Виталий долго и тщательно разглядывал новорождённого сына. Ребёнок был крупным, и это было единственным утешающим обстоятельством — и отец Виталия, и он сам были высокого роста и крепкого телосложения... Но на этом все сходства и заканчивались. Мальчик не был похож ни на одного из дедушек и ни на одну из бабушек... Он не был похож ни на Александру, ни на самого Виталия...

Склонившись над колыбелью, молодой отец хмуро смотрел на спящего малыша, когда в комнату вошла его мать, Софья. Все остальные члены семьи дружно отмечали в гостиной рождение и выписку счастливых матери и ребёнка...

— Ты ещё не нагляделся?! — радостная новоиспечённая бабушка присоединилась к сыну, — Наше сокровище!

— А ты уверена, что наше?.. — Виталий как-то странно посмотрел на мать, — Ты заметила, что он ни на кого из нас не похож...

— Он просто слишком маленький... да?.. — Софья, улыбаясь, погладила внука по животу, — Будет расти, увидим, на кого он похож!.. Мишка косолапый!.. Назовите его Михаилом! Вон какой здоровяк!

— Ну, да... — усмехнулся Виталий, — Учитывая, что родился семимесячным, то не просто здоровяк, а амбал!

— То есть — семимесячным?! — нахмурившись, женщина повернулась к сыну, — Что ты болтаешь?!

— Мама... — как бы собираясь с духом, Виталик глубоко вздохнул, — Я тебе не говорил... Но сейчас... В общем, у нас с Алей ничего не было до свадьбы... Мы вас обманули.

...Софья слушала сына с каменным лицом. Вопреки его ожиданиям она казалась бесстрастной.

— Знаешь, Виталик... — женщина, наконец, нарушила недолгое молчание, — Даже если всё именно так, как ты говоришь... и даже если бы мы знали наверняка, что это не твой ребёнок... в тот момент я всё равно сказала бы тебе: женись! Потому, что это был твой единственный шанс на спасение.

— А теперь?.. Что мне делать теперь?! Этот ребёнок... он не мой! Сегодня я понял это окончательно!

— Что делать?.. — мать подняла на сына бесстрастный взгляд, — Взвесить... Ваша квартира уже готова... На днях мы с папой вносим первый взнос за ваш будущий кооператив... В августе Семён обещает вам машину... Вероника обещает тебе хорошее распределение... А твой отец настойчиво советует тебе именно сейчас вступить в партию. Для этого нужно быть примерным семьянином... А теперь подумай. Перед тобой открывается множество дверей... И всё, что от тебя требуется — всего лишь жить со своей женой и сыном...

— С чужим сыном...

— Замолчи! — услышав за дверью шаги, Софья торопливо приложила палец к губам, — Придёт время — ты разберёшься с этим... А пока — это небольшая цена за твою свободу и будущие блага... Ты сам знаешь, какие сейчас времена... Держись того, что есть!

— Знать, что тебя просто использовали, и кривить душой?! — Виталий перешёл на

возмущённый шёпот.

— Зачем кривить?.. — усмехнувшись, Софья тряхнула ярко-рыжей копной волос, — Играй!.. В конце концов, ты — мой сын!

Глава 19.

Анюта встречалась с курсантом Сашей Морозовым уже второй год. Особой любви к нему она не испытывала, но ей это и не было нужно. Саша был довольно симпатичным, высоким, с правильными чертами лица и удивительно обаятельной, доброй улыбкой. Он производил впечатление надёжного человека, так оно и было на самом деле. Анютины желания он угадывал с одного взгляда, ей иногда казалось, что Саша читает её мысли.

Он всегда выполнял свои обещания, и, собираясь в кино или на концерт, Анечка не бегала по комнате, сбивая ноги. Она была уверена, что Саша будет терпеливо ждать её у входа в общежитие, и, даже если она опоздает на целый час, то не услышит и слова упрёка. Она всегда заранее знала, что попадёт на любую кинопремьеру — Саша умудрялся даже в коротких увольнительных добывать билеты в кинотеатры, чтобы сводить туда свою любимую девушку. Он никогда не спорил с ней и не настаивал на своей точке зрения, если она расходилась с Анечкиной. В то же самое время, ему удавалось сохранять собственное достоинство, в чём была и Анина заслуга: в свою очередь, она не пользовалась покладистым характером парня лишь из одного желания показать своё превосходство. Нет, Анюта оказалась довольно мудрой девушкой, и, если настаивала на чём-то, то лишь взвесив все за и против в данной ситуации. Она с настойчивостью и терпением школьной учительницы втолковывала Сашке, как он должен поступать в том или ином случае, ставя во главу угла его учёбу и будущую службу.

Анюте очень нравилось быть Сашкиной любимой девушкой. В его любви можно было купаться без опасения попасть в водоворот и утонуть. Она была окружена его заботой и ухаживаниями, и единственным минусом в их отношениях было время, ограниченное его увольнительными. Впрочем, этот минус ощущал лишь Саша... Анюту же устраивало абсолютно всё.

Нет пылких чувств с её стороны?.. Зато они есть у Саши... Он вовсе не наглый, не настаивает на близких отношениях, не тащит в постель или в кусты. Он только смотрит на неё... у него такой добрый, и в то же самое время, умный и серьёзный взгляд... И, чего греха таить, ей очень нравится, когда он смотрит на неё — вот так... Она чувствует, что значит для него больше, чем целый мир...

...Для Саши Анюта оказалась тоже самым настоящим другом, а не капризной девушкой, пользующейся его любовью. Они оба шли друг к другу за любым советом, и совет этот получали. Анечка уже совсем привыкла к своему Саше, но образ Виталия нет-нет, да и возникал перед ней, когда она оставалась в одиночестве.

Где-то в глубине души она ждала... Ждала, с тайной надеждой, что Виталик выполнит своё обещание...

«Я сам найду тебя... мы всё равно будем вместе!»

Эти его слова до сих пор звучали у неё в ушах... Иногда ей казалось, что он всё ещё любит её... она чувствовала его любовь... Но потом, поразмыслив, приходила в уныние: он так и не появлялся в её жизни...

«Он не знает, что я здесь... что я вернулась...»

«Да... но он мог почувствовать это!.. Он мог узнать домашний адрес, номер телефона, позвонить маме, наконец!.. Он мог всё узнать!..»

Два совершенно противоположных чувства боролись в ней, побеждая друг друга с переменным успехом, и принося ей тайные мучения...

Это была её единственная боль, которой она не могла поделиться с Сашей...

...Новый, 1984-й год, они встречали вдвоём, в комнате Анюты. Люба с Олей уехали на несколько дней домой, но Анечка осталась в городе — она участвовала в новогоднем институтском представлении, играя Снегурочку. К тому же, Саша достал билеты на большой новогодний концерт в филармонию, на первое января, и это была самая уважительная причина для Елены Ивановны, которая очень хотела увидеть дочь.

...Развесив по комнате разноцветную мишуру, Анюта принялась готовить новогодний стол. Продукты они покупали с Сашей вдвоём, во время его прошлой увольнительной, но купить абсолютно всё, что было задумано, не получилось. Анечке пришлось ещё раз сбегать в гастроном уже вечером тридцать первого декабря.

...«Мясной салат», или оливье, Анюта готовила впервые в жизни. Раньше она видела, как его делала мама, но участия в этом священнодействии не принимала. Блюдо было исключительно праздничным, новогодним, и готовилось один раз в год. Куриное мясо, которое шло в салат по рецепту, Анечка сразу решила заменить колбасой, но в предпраздничной спешке они с Сашей не успели купить этот ингредиент. А когда, наконец, она одна отправилась в магазин, то оказалось, что никакой колбасы в продаже уже нет. И даже сосиски закончились...

Из мясных блюд дома оставались котлеты. Купленные в кулинарии, они были аккуратно уложены между оконными рамами. Пожарив котлеты, Анюта принялась обречённо нарезать картофель, яйца, солёные огурцы и лук... ей очень хотелось угостить Сашу именно мясным салатом... но она не знала, как он воспримет отсутствие в нём самого мяса.

...Чуть ли не зажмурившись, она пыталась нарезать котлету кубиками... затем, закусив в отчаянии губу, отправила её в общую кучу измельчённых продуктов... Заправив всё сметаной, перемешала до однородной массы и, зачерпнув ложкой немного готового блюда, мужественно поднесла её ко рту...

...Ане было очень неловко. Она, которая учила готовить своих соседок, которая постоянно указывала им на их кулинарные промахи... она — и так опростоволосилась! Мясной салат с котлетами — это что-то...

...Что скажет Саша?! Несмотря ни на что, Анечке было очень важно его мнение. Ведь по сути, старалась она именно для него.

...Она даже затаила дыхание, когда Саша, подцепив вилкой салат, отправил его в рот... Они уже встретили Новый год, выпив по глотку шампанского, и теперь «закусывали» Анечкиными кулинарными изобретениями...

Анюта не сводила с Александра своих синих-пресиних глаз, пока он тщательно прожёвывал её «мясной» шедевр...

— Может, ещё шампанского?.. — заметив её взгляд, он, кажется, расценил его по-своему и снова потянулся за бутылкой.

— Угу... — девушка поспешно кивнула и взяла свой стакан.

Пригубив ещё чуть-чуть, она уткнулась в свою тарелку, время от времени вскидывая на Сашу вопросительный взгляд. Наверное, в её глазах было столько искреннего ожидания, что он не мог этого не заметить... Решив, что девушка ждёт от него действий другого толка, парень торопливо проглотил закуску и встал из-за стола...

«Ма-а-а-рия-а-а... Ма-а-а-рия-а-а-а... Это всё, что слышу я-а-а...» — большая, как

чемодан, бобинная «Астра» крутила «Синюю птицу».

Аня всего во второй раз в жизни видела Сашу в гражданской одежде. Она не могла не отметить, что в тёмно-синей, модной водолазке и серых вельветовых брюках он выглядит ещё интереснее... Положив ему руки на плечи, Аня с задумчивым видом танцевала в новогоднюю ночь... Глядя на неё сверху вниз, Саша всё крепче сжимал руки у неё за спиной, даже не догадываясь, что единственная мысль, крутившаяся сейчас в Анечкиной голове, была о злополучном мясном салате, и о том, догадался ли он, что вместо мяса в нём были обыкновенные свиные котлеты...

— Саша, не надо... — почувствовав, что его объятия становятся всё горячее, а дыхание прерывистее, Аня слегка отодвинула от себя молодого человека, — Я же сказала тебе...

— Ну, Ань... — он чуть касался тёплыми губами её щеки, — Анечка...

— Саша, нет! — сделав выражение лица как можно строже, девушка сняла с себя его руки и вернулась за стол.

— Ну, почему?.. — он нехотя занял своё место напротив, — Ты мне не доверяешь?

— Это не тот случай... — смутившись, Аня опустила глаза, потом вдруг снова посмотрела на Александра, — Ты знаешь мои принципы.

— Ну, тогда... — Сашка поднялся из-за стола и, взяв в руку стакан, как-то торжественно кашлянул, — Тогда, я делаю тебе официальное предложение.

— Что?! — от неожиданности девушка нахмурилась, — Какое предложение?!

— Руки и сердца... — торжественный тон вмиг сменился на растерянный, — Ань... давай, поженимся...

...Аня совершенно не была готова к такому повороту дела. Её устраивало абсолютно всё, и ни о каком замужестве не могло быть и речи... Во всяком случае, именно сейчас. Она учится всего лишь на втором курсе, и до сих пор считает своей главной задачей получить высшее образование... Она и так пострадала из-за первой неудачной любви, когда была вынуждена перевестись из престижного иняза в пединститут. Ей во что бы то ни стало нужно доучиться, чтобы получить профессию... Какое может быть замужество?!

И Виталик... Что, если он всё же захочет её найти?.. Она с трудом представляет себе, что может произойти в этом случае... Но она не потеряла надежду окончательно...

...Аня сама не поняла, что рассердило её больше всего — Сашкино неуместное предложение, или то, что он даже не похвалил её салат.

— Значит... — чувствуя, как лицо заливается пунцовой краской, Аня медленно подняла взгляд на молодого человека, — Значит, ты предлагаешь мне руку и сердце только для того, чтобы сегодня остаться до утра?..

— Аня... — растерявшись ещё больше, Саша тоже покраснел, — ты что... Нет, конечно...

— Не ври! — поднявшись из-за стола, девушка вскинула руку, показывая пальцем в сторону двери, — Ты предложил именно поэтому! Уходи!

— Я не хотел тебя обидеть...

— Ты меня обидел!

— Аня!..

— Саша, я, кажется, ясно сказала...

— Ну, хорошо... — он покорно шагнул к вешалке и, сняв куртку, ещё раз обернулся к ней, — Я не знаю, чем я тебя обидел... Но, всё равно... Я хочу, чтобы ты знала. Я тебя люблю... и хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

...Оставшись одна, Анюта растерянно села на кровать. В душе понимая, что обидела Сашку ни за что, она никак не могла разобраться в себе. Ведь на неё это так непохоже! Чего она испугалась больше — стать его женой или навсегда потерять свою мечту?.. Мечту о Виталике...

...Музыка гремела на всю общагу — внизу, в актовом зале, вокруг наряженной ёлки вытанцовывали нетрезвые по случаю праздника студенты. По коридору то и дело пробегали девчонки из соседних комнат и их гости, слышались весёлые голоса и смех... В эту ночь можно было смело войти в любую комнату и оказаться желанным гостем... Но Анюта никуда не пошла. Убрав со стола, она разделась и, завернувшись с головой в тёплое одеяло, закрыла глаза...

«Ничего... Он придёт... Всё равно придёт... — засыпая, думала Анечка о Саше... но сознание упрямо рисовало перед ней образ Виталика, — Он обязательно придёт...»

Но на следующий день Саша не пришёл. Ему удалось позвонить Анюте в общежитие и передать, что в связи с болезнью однокурсника ему придётся нести дежурство, и он не сможет пойти с ней в филармонию. Анечка расстроилась. Во-первых, она очень хотела увидеть Сашку, чтобы убедиться в том, что он на неё не обиделся... А, во-вторых, идти на концерт одной было скучно...

Билеты были у неё на руках — Саша всегда отдавал билеты ей, если до назначенного мероприятия оставалось несколько дней. Немного поразмыслив, Аня спустилась на этаж ниже и постучалась в комнату Ленки Скачковой. На часах было уже около четырёх вечера, но, утомлённые новогодней ночью, девчонки ещё спали без задних ног. Кое-как растолкав свою бывшую одноклассницу, Аня вкратце объяснила той ситуацию. С трудом разлепив глаза, Ленка долго соображала, чего хочет от неё Аня, но потом, придя в себя, согласно кивнула взлохмаченной головой.

Несмотря на то, что она нашла себе спутницу, собиралась Анечка без особой охоты. Крутясь перед зеркалом, она то и дело ловила себя на мысли, что больше всего ей хотелось бы пойти именно с Сашей...

Расчёсывая волосы, она с грустью вспомнила, как чуть больше года назад спешно делала химическую завивку, чтобы пойти на день рождения Виталия... После расставания с ним Анечка даже хотела под корень обрезать свою пышную, в мелких колечках, шевелюру, которая напоминала ей о потерянном счастье... Сейчас, когда «химия» давно сошла с её волос, девушка смотрела на себя в зеркало без былой печали.

Надев юбку-шестиклинку и тёмно-бордовый трикотажный джемпер-«лапшу», Анечка ещё раз осмотрела своё отражение.

«Жаль, что Сашка не увидит...»

...Новогодний концерт состоял из двух отделений — в первом, как обычно, шла классика, и, не в пример Ленке, Анюта, которая с детства любила классическую музыку, и даже окончила музыкальную школу по классу фортепьяно, с удовольствием прослушала несколько арий и посмотрела балетные номера.

Дождавшись антракта, девчонки направились в буфет. Выпив стакан лимонада, Ленка убежала в туалет, и Аня, в ожидании подруги, вышла в фойе. Зрители ходили туда-сюда, негромко переговариваясь, и, остановившись у стенда, Анечка задумчиво разглядывала портреты известных артистов.

Задержавшись взглядом на жемчужном колье знаменитой оперной певицы, она в

первый момент не поверила, что окликнули именно её...

— Аня!..

...Всё ещё сомневаясь, что она вновь слышит этот голос, и своё имя, произнесённое э т и м голосом, девушка медленно повернула голову...

— Аня... — второй раз её имя Виталий произнёс уже тише...

— Ты?! — чувствуя, как её бросает в жар, Аня смотрела на него во все глаза, — Виталик...

— Здравствуй... — он сделал шаг ей навстречу, — Ты... здесь?!

— Да... — от растерянности Анечка не знала, что говорить, — А ты?..

— Как видишь... — Виталий подошёл к ней совсем близко, — Ты одна?.. Или...

— Я с подругой... — она не сводила с него взгляда, — А ты?..

— Я... я тоже не один... Послушай, — оглянувшись, Виталий заговорил торопливо, как будто боясь, что кто-то прервёт их разговор, — Аня... я тебя искал... мне сказали, что ты уехала... я звонил к тебе домой, но твоя мама не стала со мной разговаривать...

— Когда?.. Когда ты звонил?..

— Давно... я не знал, где тебя искать... — он снова оглянулся, — Ты сейчас где?..

— Я — здесь... в городе...

— Аня... — видимо, увидев кого-то в толпе гуляющих зрителей, он с отчаянием в глазах снова повторил свой вопрос, — Где тебя искать?! Скажи, я тебя найду...

— Не нужно меня искать... — она не хотела говорить этих слов, но, скользнув взглядом по фойе, вдруг произнесла их против своей воли, — Не нужно...

Аня даже не сомневалась в том, с кем пришёл Виталий на концерт. Сандру она увидела сразу — выйдя откуда-то со стороны буфета, та глазами искала мужа.

— Аня! Где?! — уже приготовившись устремиться навстречу жене, парень стоял вполоборота, — Скажи!

— Нет... — медленно покачав головой, Аня сделала шаг в сторону, — Не ищи меня... Слышишь?! Не ищи!

— Я тебя найду!.. — это ей показалось, или он, действительно, крикнул вслед?!

Второе отделение концерта она смотрела как во сне... Она даже не знала, заметила Сандра, с кем разговаривал её супруг, или нет... Осторожно оглядываясь, Аня пыталась высмотреть Виталика в зрительном зале, но так и не увидела. Она не запомнила ни артистов, ни песен, которые они пели...

В голове была одна-единственная мысль...

Она увидела е г о!

...Получив в гардеробе пальто, Аня нарочно долго одевалась, в тайне надеясь ещё раз увидеть Виталика, но, видимо, они с Сандрой уже получили одежду и ушли из филармонии...

По дороге домой она вполуха слушала Ленку, которая не переставала обсуждать увиденное и услышанное, и даже что-то ей отвечала...

По-настоящему осознала эту встречу Анечка уже у себя в комнате. Не раздеваясь, она в замешательстве присела на кровать... Глядя перед собой отрешённым взглядом, она в мельчайших подробностях перебирала все детали сегодняшнего вечера... она вспоминала каждое сказанное Виталиком слово... каждый жест, каждую интонацию...

Наконец, немного придя в себя, закинула ногу на ногу и потянула вниз молнию на сапожке... Разувшись, встала, расстегнула пальто. Подойдя к зеркалу, долго смотрела на

своё отражение — какой увидел её Виталик? Помнил ли он её все эти месяцы?!

Судя по всему — помнил... Может, зря она не сказала ему, где её искать?!

Хотя, зачем... Он женат... Они были в филармонии вместе с Сандрой... Наверное, у них всё хорошо.

Но он окликнул её с а м!.. И, судя по его голосу и выражению лица, он был рад этой встрече...

Он сказал, что найдёт её...

«А Саша?!»

Уснуть в эту ночь Анюте так и не удалось. Всё, что произошло с ней в последние сутки, перемешалось в сознании в настоящий коктейль, при чём, ингредиенты этого коктейля были, явно, несовместимыми.

Встретившись на следующий день с Сашкой, Аня чувствовала перед ним непонятную вину. Она не подавала виду, но несколько раз с её языка чуть не слетели извинения за то, что она прогнала его в новогоднюю ночь. И, хотя, встреча с Виталием была случайной, и Саше она не давала никаких обещаний, ей всё же было ужасно неловко перед этим замечательным парнем, любящим её искренне и всем сердцем...

Она снова пригласила его к себе в гости, благо, девчонки должны были приехать только на следующий день. Поставив в общей кухне на плиту чайник, Анечка вернулась в комнату и уселась за стол напротив Сашки.

— Ты больше не сердись? — вопреки её опасениям, он улыбался своей обычной доброй улыбкой.

— Не-а... — подперев ладошкой щёку, рассмеялась в ответ Анюта, — А что?..

— Да так... хотел кое-что спросить...

— Ну, спрашивай... — она уже приготовилась снова выслушать предложение руки и сердца.

— У тебя, случайно, не осталось того салата?.. Очень вкусный был...

Своё предложение Саша повторил в международный женский день, приурочив это событие к годовщине их с Анечкой окончательного знакомства. После расставания с Виталием она больше не могла смотреть на гвоздики, и сразу предупредила Сашу, чтобы он не дарил ей этих цветов. Помня об этом, в этот раз он притащил ей огромный букет хризантем, истратив на них все свои деньги.

Отказать Аня не отказала, но попросила дать ей время на раздумье. Эти два с лишним месяца, после случайной встречи с Виталиком, она жила в постоянном ожидании. Она ждала и надеялась, что теперь-то он обязательно её найдёт... Она плохо представляла себе, как он это сделает, но, зная его натуру, могла верить, что он перевернёт весь город, чтобы отыскать её, Анюту. Она ждала и днём, и вечером... Выходя из института, она невольно смотрела на всех мужчин, стоявших на крыльце... Посещая с Сашей кинотеатры, она внимательно оглядывала зрительный зал...

А, вдруг?..

Иногда ей хотелось поехать туда, к его дому, чтобы хоть издали посмотреть на его окна... Но она не была уверена, что сейчас он живёт именно там... Вспоминая их встречу в филармонии, она и радовалась, и огорчалась... Ведь она уже немного успокоилась... И зачем она пошла тогда на этот концерт?!

Лишние волнения и несбыточные мечты — всё, что осталось у неё после этой встречи...

Виталик так и не объявился...

После Сашкиного повторного предложения Анюта совсем растерялась... С одной стороны, терять Сашу ей совсем не хотелось. Вряд ли она уже когда-нибудь полюбит по-настоящему... А Саша ей нравится! Иногда она даже чувствует к нему некое подобие любви...

С другой стороны, выйдя замуж, она поставит крест на Виталике... А, вдруг, он захочет уйти от Сандры?!

Впрочем, это дурные мысли... У него есть ребёнок. А, значит, тема закрыта, и правильно она сделала, что не сказала ему, где её искать.

...Выйдя из автобуса, Анюта шагнула в сторону огромного девятиэтажного здания... В сердце защемило...

Она жила в этом общежитии совсем недолго, но воспоминания, связанные с этим временем, не уйдут из её памяти никогда. Она долго колебалась, прежде, чем приехать сюда... Она не была здесь больше года... Сначала её сдерживал страх, что Олег Дзюба узнает о том, что она вернулась в город... Потом закрутила учёба, отношения с Сашей...

Теперь прятаться нет смысла... Виталик знает, что она здесь, да и Сандра могла увидеть её там, в филармонии...

А ещё у неё теперь есть Саша, который никогда и ни за что не даст её в обиду.

— Анька-а-а-а!.. — увидев бывшую соседку и подружку на пороге своей комнаты, Нелька от радости повисла у той на шее, — Приехала-а-а!..

— Да я и не уезжала... ну, почти... — рассмеялась в ответ Анюта, — Я уже год, как здесь учусь, в педагогическом!

После обычных в таких случаях приветствий и расспросов «Как ты? — А ты как?», девчонки долго предавались воспоминаниям и делились новостями. Услышав о том, что Нелли скоро выходит замуж, Анечка искренне порадовалась за подругу. Она тоже рассказала ей о Саше, и, чтобы не «отставать», похвалилась сделанным им предложением.

— Ну, и?.. — Нелька в ожидании ответа даже затаила дыхание, — Когда свадьба?!

— Пока не знаю... — Анечка пожала плечами, — Я ещё думаю...

На самом деле Анюте ужасно хотелось спросить про Сандру, но она никак не решалась. Как будто догадавшись, Нелька сама затронула эту тему.

— Про Дзюбу что-нибудь знаешь?.. — Нелли бросила осторожный взгляд на Аню.

— Нет, — та покачала головой, — кроме того, что она сейчас не Дзюба, а Мясникова...

— Ну, да... — кивнула в ответ Нелька, — У неё сын родился, в июне будет год... Представляешь, она не стала брать академку. Так и тянется в нашей группе... Как учится, как сдаёт... непонятно!

— Наверное, папина фамилия ещё действует, — Анюта печально улыбнулась уголком губ, — ничего удивительного... А так... что-нибудь про себя рассказывает?

— Ой, ещё как! То ли хвастает, то ли хочет кому-то доказать, что у неё всё хорошо... Не знаю... — Нелли с сомнением покачала головой, — Но на счастливую не очень тянет. Хотя, и квартиру им родители подогнали, и машину новую, и мебели...

— Понятно... — услышав про Сандру, Аня заметно сникла, — Ну, что ж, совет да любовь...

...По дороге домой Анюта что есть сил ругала себя за этот визит... Нет, она была очень рада снова увидеться с Нелли... Но, услышав подробности из жизни Сандры, а, значит, и Виталия, она впала в забытое уже уныние.

Зря она так себя истязает... Всё равно между ними давно всё кончено. И возврата к старому нет... Тем более, что он её не ищет... Он даже ни разу не обратился к Нельке, хотя на его месте любой поступил бы именно так... та бы обязательно сказала...

Ну, что ж... У него есть Сандра. А у неё — Саша...

— Привет! — встретившись с Сашкой на следующий день, Аня привычно подставила щёчку для поцелуя, — А у меня для тебя новость...

— Хорошая? — при виде Анюты его глаза засветились счастливым светом.

— Надеюсь, что — да... — пряча улыбку, она пристально смотрела на него своим синим взглядом.

— Какая?..

— Я согласна!

Глава 20.

— Мам-мам-мам-м-м-м... — приговаривал годовалый розовощёкий малыш, на четвереньках пробираясь в угол детской комнаты, туда, где лежал разноцветный резиновый мячик. Поравнявшись с деревянным манежем, ребёнок резко сменил направление, и, приблизившись вплотную, схватился ручонкой за один из вертикальных прутьев, ограждающих внутреннее пространство манежа. Крепко держась за найденную опору, он поднялся на ножки. Взвизгнув от радости, оглянулся на дверь, но, никого не увидев, решил самостоятельно продолжить свой путь.

Отцепившись от прутика, сделал несколько неуверенных шажков и, потеряв равновесие, шлёпнулся на мягкий ковёр. Громкий плач огласил всю квартиру. Прошла целая минута, пока в комнате не появился отец.

— Ну, чего ты ревёшь?! — Виталий нехотя подхватил малыша на руки, — Сам попросился из манежа... Сидел бы там тихо, и не шлёпнулся бы. Ну, вот, ещё штаны намочил... Сейчас мама придёт, переоденет... Жди...

Вернувшаяся через полчаса Александра застала ревущего сына в мокрых ползунках, одиноко сидевшего в своём манеже в детской. На ходу раздевая ребёнка, она тут же прошла с ним в ванную и включила тёплую воду. Помыв малыша, сняла с верёвки чистые ползунки и вернулась в свою спальню.

— Виталик, ты что, не слышишь, что он орёт?! — Аля тут же напустилась на мужа, который привычно лежал на кровати с книгой в руках, — Ты можешь хоть полчаса нормально посидеть с ребёнком?!

— А я что, ненормально с ним сижу? — тот даже не повернул головы в её сторону, — Ну, ревёт и ревёт... Поревёт, успокоится.

— Ты нормальный?! Он мокрый по уши! Тебе что, так трудно его переодеть?!

— Я не видел.

— А как он плачет, ты тоже не слышал?! Я к подъезду подходила, и то услышала! Ты его опять из манежа выпускал?!

— Я ненадолго. Он в манеже орать начинает, я и выпустил... Он ползает по ковру, и молчит. В манеж посадил — опять заорал...

— Да ты понимаешь, что он может об угол удариться?! — Аля ладонью провела по светлым волосикам сына, — Вот уже синяк посадил на лбу... А, если бы виском ударился?!

— Ну, хорошо... больше не буду... Не мешай...

— И вообще, мне уже это надоело! — девушка никак не могла успокоиться, — Я из дома не могу выйти, мне, видите ли, ребёнка не с кем оставить, хотя родной отец в соседней

комнате, лежит себе на кровати!

— Не нужно было отпускать Галину, — Виталий невозмутимо перелистнул страницу.

— У неё сегодня выходной! Тем более, что мы оба с тобой дома! Сессия закончилась, мы до сентября свободные, как стая негров, зачем нам нянька?!

— Всё сказала? — муж бросил на Александру равнодушный взгляд.

— Не всё...

Как будто вспомнив о чём-то, Аля застыла на несколько секунд, но потом, видимо, решив не начинать новый неприятный разговор, сердито махнула рукой и вышла из комнаты.

Напрасно Вероника Григорьевна успокаивала дочь, что после рождения ребёнка Виталий к ней переменится...

Не переменялся, и, что хуже всего, совсем не полюбил малыша. Аля не могла не заметить, с какой неохотой Виталик берёт сына на руки... И даже первое слово «папа» не растопило отцовское сердце.

Впрочем, удивляться нечему... Кажется, он так и не поверил ей... Все её уверения, что Мишку она родила семимесячным, на него не подействовали. Открыто муж не обвинял её в обмане... Но он несколько раз заводил с ней разговор относительно сроков беременности... Понимая, к чему он клонит, Александра упорно стояла на своём: сын родился раньше срока.

Кроме упрямого утверждения, что она забеременела в день их свадьбы, других аргументов Алька не имела... Спасало то, что ни до Виталика, ни в период их расставания, у неё не было других парней — с этим фактом было трудно поспорить. Танцы с курсантиком, имени которого не знал никто, кроме неё самой, не могли вызвать подозрений даже у её одноклассниц... Та ночь в бане бригадирши осталась для всех абсолютно тайной. У Виталия не было даже повода подозревать её в связи с другим мужчиной... То, что произошло на их свадьбе, он как будто забыл, и больше не возвращался к своим претензиям. Аля давно для себя решила, во что бы то ни стало, не открывать мужу правды... Ребёнок у неё от него, и точка! Хоть расстреляйте...

Как назло, Миша родился не похожим ни на одного из её родственников... Курсанта Сашу Аля вспоминала, глядя на черты сына. Мальчик был хорошеньким, часто улыбался, но, глядя в его голубые глаза, молодая мама чувствовала, как в душу закрадывается холод. И она, и Виталик, оба были сероглазыми...

На родимое пятно овальной формы, отпечатавшееся на груди сына, она вообще предпочитала не смотреть.

...Надев на ребёнка чистые распашонку и ползунки, Аля тяжело вздохнула. Притихнув, Миша с любопытством разглядывал золотой кулончик в виде сердечка на шее у матери. Кажется, чего ещё не хватает для счастья?.. Девятнадцать лет, а у неё уже своя квартира, обставленная новой мебелью, любимый муж, пока тоже студент, но в скором будущем — молодой, перспективный специалист, почти член партии... Ещё вполне молодые родители, и у неё, и у Виталика, занимающие довольно высокие посты... Сама она — студентка престижного ВУЗа... Через неделю её отец покупает им с Виталием новые «Жигули»... Живи и радуйся!..

Для счастья не хватает совсем чуть-чуть... Убедить Виталика, что Миша — его ребёнок. А как это сделаешь, если все доказательства — против неё...

Вот и приходится радоваться всякой мелочи, тому, что в другой ситуации вызывало бы только жалость.

Не бросает, не обвиняет открыто — и то хорошо... Учиться стал прилежнее, не

мотается с Олегом по ночному городу, из дому — ни ногой... если не считать визитов к родителям. К ним он предпочитает ездить один, без жены и сына, и, кажется, родители не испытывают по этому поводу никаких угрызений... Во всяком случае, Софья — точно не скучает по внуку... Её резкую перемену к себе и Мише Аля заметила вскоре после возвращения из роддома. Свекровь всё реже звала их в гости, и сама почти не навещала до недавнего времени такого долгожданного внука, оправдывая это вполне уважительными причинами — репетициями и гастролями. При встречах Софья почти не брала ребёнка на руки, предпочитая сюсюкать с ним на расстоянии. Всё это неприятным осадком ложилось на дно Алькиной души, но хуже всего была нелюбовь мужа.

Все вечера напролёт Виталий читал — учебники, техническую литературу, а так же устав КПСС, или смотрел телевизор. По настоятельному совету отца он подал заявление в партию, и, получив нужные рекомендации, на два года приобрёл статус кандидата. В душе догадываясь, что его «примерное» поведение обусловлено именно этим обстоятельством, Аля поделилась своими тревогами с Вероникой Григорьевной.

«Ну, и хорошо, — мать одобрительно кивнула, — пусть хоть что-то его держит в рамках. Правда, два года быстро пролетят... Зато, если станет коммунистом, перед ним все двери откроются! Не захочет ко мне в отдел, пойдёт в горком, думаю, Иван ему место уже присмотрел».

«А, если он тогда меня бросит?.. — Аля с тревогой посмотрела на мать, — Вступит в партию, сделает карьеру, и бросит?»

«Тогда ему ещё труднее будет тебя бросить. Во всяком случае, официально. С партийных двойной спрос... А времена наступают непонятные... За два года второго генсека похоронили. И этот, который сейчас... тоже не ладан дышит... — Вероника Григорьевна с сомнением покачала головой, — Кто потом придёт — неизвестно, а партийный человек всегда себе дорогу проложит».

«Вот и бросит... неофициально...»

«А зачем тебе женская хитрость дана? Сделай так, чтобы не бросил...»

«Как?! Ему ни я, ни Миша не нужны...»

«Роди ему второго ребёнка. Своего он точно полюбит... За счастье нужно бороться, а ты как думала?! Выйти замуж за инженера, и всю жизнь жить на оклад?! Да ты через год сама взвоешь. Другое дело — перспективный муж. Мы с отцом не вечные... А Виталик — пробивной, просто он ещё не реализовал себя. Если он своего добьётся, ему цены не будет. Обеспечит, и тебя, и детей... А такие мужики всегда в зоне риска. Их к себе привязывать нужно».

Вспоминая этот разговор с матерью, Александра горько усмехалась. Легко сказать... А как привяжешь, если он в её сторону почти и не смотрит?! Она снова стала подозревать, что муж посещает Фаину, иначе, чем можно было объяснить его холодность?

А, что, если не Фаину?.. Ещё зимой, первого января, в филармонии ей показалось, что она видела Аньку Свиридову... Во всяком случае, Виталий вернулся домой в странном, возбуждённом состоянии. Перемена произошла во время антракта, в тот момент, когда Аля ходила звонить из автомата домой — узнать у Галины, как там сын... На её вопросы муж отвечал что-то невразумительное, но подозрения не оставляли Александру всё это время... Ровно до сегодняшнего дня, когда, встретившись случайно со своей однокурсницей, она узнала, что Свиридова, действительно, в городе!

«Привет! — Алькина одноклассница по имени Наташа, живущая в общежитии,

приветливо кивнула при встрече, — Как дела?»

«Привет, — Александра не очень любила общаться со своими однокурсниками, но была вынуждена ответить, — нормально. А ты что, домой на лето не уехала?»

«Уехала, — рассмеялась Наташа, — и опять приехала! Вчера же свадьба была у Нельки Тороповой, ты не знала?»

«Нет, — Аля пожала плечом, — мы с ней как-то не общаемся... Это вы, общаговские, дружите...»

«Много потеряла, — Наташка всё ещё не могла забыть вчерашнего веселья, — так здорово было! Жених у Нельки местный, вот они тут и расписывались, а сегодня к ней домой поехали, до конца августа».

«Все замуж захотели? — Александра насмешливо улыбнулась уголком губ, — Решили с меня пример брать?»

«Ну-у-у-у!.. — в голосе Наташки послышалась лёгкая ирония, — До тебя нам, конечно, далеко!.. Нам таких мужей днём с огнём не сыскать!»

«Каких это — таких?..» — Аля игриво приподняла брови — ей явно понравился намёк на Виталика.

«Ну, таких... — снова рассмеявшись, Наташа подняла вверх глаза и сделала жест рукой, — Недостигаемых для простой публики...»

«Штучный экземпляр! — Александра произнесла эти слова с явным превосходством, — Таких и, правда, больше нет!»

«Ну, ладно, рада была увидеться, — девушка легко притронулась к Алькиному плечу, — побегу, у меня скоро поезд!»

«И не лень тебе было тащиться в такую даль, — Александра снова усмехнулась, бросив взгляд на большую сумку в руках Наташки, — делать нечего!»

«Ты что! — та всплеснула свободной рукой, — Я бы опять поехала! Да наших много было, пол группы — точно! Не знаю, почему тебя Нелька не пригласила? Даже Анюта Свиридова была, помнишь, она на первом курсе с нами училась?»

«Свиридова?... — чувствуя, как внутри всё замирает, переспросила Аля, — Она что, тоже в такую даль тащилась?»

«Да, приехала на свадьбу! Да она же здесь, в педагогическом теперь учится! Ой... ты же не в курсе... да?.. Но только она завтра уезж...»

Видимо, вспомнив, из-за кого Анюте пришлось бросить институт, Наташа замялась на полуслове. Наскоро попрощавшись, она тут же направилась к автобусной остановке, оставив Александру в полном смятении.

Значит, не ошиблась она тогда, в январе... Это была именно Анька!.. Это из-за неё Виталик вернулся, как пришибленный... Выходит, они снова встречаются?! Но когда?! Вечерами он — дома, тем более, сейчас конец июля, она у себя в городе, на каникулах... Наташка сказала, что она приехала лишь на свадьбу, и уедет завтра...

...Домой Аля спешила, как никогда. Услышав ещё с улицы плач сына, пулей влетела в подъезд...

Сидя теперь в детской, она чуть ли не физически ощущала, как забытое уже ревностное волнение снова закрадывается в душу. Если у Виталия со Свиридовой отношения так и продолжают, он не может не знать, что она в городе... Тогда почему он так спокойно лежит и читает?..

Аля посмотрела на часы — половина четвёртого... Решив внимательно следить за

мужем, она покормила и уложила ребёнка спать, и сама отправилась в спальню. Несмотря на свой младенческий возраст, Мишка спал в своей детской совершенно один. И Аля, и Вероника Григорьевна пытались доказать Виталику, что годовалый ребёнок ещё должен спать в одной комнате с родителями, но Виталий упрямо твердил, что он не высыпается из-за детского плача, и предлагал Александре самой пока пожить в детской... Аля плакала от обиды, ей было жалко сына, но она боялась окончательно отдалиться от мужа. Каждый вечер она укладывала Мишку в его кроватку, сидела с ним ещё какое-то время, а потом уходила в спальню к Виталику. Она не могла нормально уснуть, без конца прислушиваясь, не заплакал ли за стеной ребёнок... Она вконец измучилась, но Виталий был неумолим.

«Какие проблемы, спи с ним в детской, не нужно будет бегать», — он равнодушно пожимал плечами на её уговоры перенести Мишину кроватку к себе.

...Войдя к мужу, Аля застала его, беседующим с кем-то по телефону. Виталий говорил почему-то приглушённым голосом, и при появлении жены недовольно нахмурился.

— Ну, всё, до встречи... — торопливо положив трубку, он встал с банкетки, на которой сидел, и вышел из спальни.

Чувствуя, как нервная дрожь только усиливается, Аля последовала за ним.

— Кто-то звонил? — она постаралась придать своему голосу спокойный тон.

— Да, мама звонила, — открыв холодильник, муж достал оттуда готовый бутерброд.

Откусывая на ходу, торопливо направился назад в спальню.

— Твоя или моя? — Алька снова шла за ним по пятам.

— Моя. Если бы позвонила твоя, я сказал бы, что это Вероника Григорьевна.

— А почему ты не зовёшь моих родителей «мама» и «папа»? — нервное возбуждение взяло верх, и Александра не удержалась от совершенно неуместного в этот момент упрёка.

— Я зову их по имени-отчеству, этого недостаточно? — отправив в рот остатки бутерброда, муж открыл трёхстворчатый плательный шкаф, — Где мой белый хэбэшный костюм?

— Зачем он тебе?.. — Аля подозрительно прищурила серые, с поволокой, глаза, — Ты куда-то собрался?

— К родителям. Мама просила приехать, помочь отцу повесить полки в ванной.

— Какие полки?!

— Они купили набор для ванной... какой-то там то ли польский, то ли немецкий... Говорит, одному неудобно вешать, и крепёж не под наши отвёртки.

— А почему ты не зовёшь меня с собой?.. — отодвинув мужа от шкафа, Александра встала перед ним, уперев руки в бока, — Может, я тоже хочу?

— Сандра, — отстранив её, в свою очередь, Виталий продолжал перебирать одежду, — я еду помогать отцу. Тебе там делать абсолютно нечего. Тем более, Мишка спит, ты что, собираешься его разбудить?

Аргументов на этот довод у Али не нашлось. Скрепя сердце, она вышла из спальни, громко хлопнув дверью. Дождавшись, когда уйдёт Виталий, она целый вечер промучилась, придумывая разные предлоги позвонить на квартиру Мясниковых-старших, чтобы удостовериться, что супруг, действительно, у родителей, помогает им вешать импортный набор. Но в голову не приходило ничего правдоподобного... Наконец, отважившись, она взяла телефон и набрала номер.

Длинные гудки шли очень долго, но трубку никто не брал. Это было удивительно — в любом случае, домработница всегда отвечала на телефонные звонки. Александре очень

хотелось поделиться своими подозрениями с матерью, но та сегодня уехала на квартиру к заболевшей Инге Мелентьевне, и девушка отказалась от этой мысли.

Остаток вечера она нервно проходила из угла в угол, укачивая на руках ребёнка. Видимо, её волнение передалось и малышу, который в конце концов раскапризничался и никак не мог уснуть.

На часах было уже десять часов, а Виталий всё ещё не вернулся... Аля уже безо всякого повода набирала номер свёкра, но ей так никто и не ответил. Сомнения сменились тревогой...

— Алло... — наконец, в половине одиннадцатого, раздался заветный щелчок, — Квартира Мясниковых.

Узнав голос Фаины, Аля тут же бросила трубку... Значит, это тварь сегодня ночует там... Альке показалось, что домработница ответила заспанным голосом. Лечь раньше хозяев она не могла... Значит, и родители уже спят?..

А где же тогда Виталик?..

...Услышав звук открываемого замка, Аля тут же вскочила с дивана. Она только что уложила ребёнка — проплакав почти два часа подряд, Мишка вконец обессилел, и лишь тогда провалился в сон у неё на руках.

Выскочив в прихожую, Аля с порога набросилась на мужа с кулаками.

— Скотина! — она колотила его в грудь, даже не дав разуться, — Сволочь, тварь! Убирайся, откуда пришёл!..

— Ты что, совсем сдурела? — Виталий от неожиданности даже не сопротивлялся.

— Ты у неё был... Да?! Да?! — Алька схватила его за грудки и с силой рванула на себя — тонкая ткань рубашки громко треснула, — У неё?!

— У кого?! — он, наконец, оторвал от себя её руки, — Чокнутая!..

— У своей шлюхи!.. Я всё знаю!..

Как ни сдерживала Аля свою боль, та всё-таки вылилась наружу... Не смогла смолчать, не смогла схитрить, как учила её Вероника...

— Ты что, совсем ку-ку?! — для пушей убедительности Виталик постучал по полированной дверце шкафа в прихожей, — У какой шлюхи?!

— Да у своей! Думаешь, я не знаю, что она приехала?! Что, в педовскую общагу к ней ездил?!

— Какую общагу, к кому?! — не в пример жене, Виталий старался говорить тихо, — Я у родителей был!

— На «хлебозавод»... — Александра назвала микрорайон города, где находилось общежитие пединститута, — Попрошались?! Что ж так быстро, остался бы до утра!

— Всё... с меня хватит... — неожиданно развернувшись, Виталий рванул на себя дверную ручку, — Я ухожу...

— Куда?! — кинувшись следом, Аля успела схватить мужа за ворот рубашки, — Опять в общагу?! Утром на вокзал пойдёшь, провожать?!

— Отвали! — он с силой оттолкнул от себя жену, — Тебе в дурдом пора!

— Ну, и катись!.. Сволочь!.. Скотина!..

Она успела стукнуть кулаком по его спине, прежде чем за ним захлопнулась дверь. Прикусив кисть левой руки, Аля долго плакала, стоя в прихожей. Она не ожидала, что всё обернётся именно так... Она не смогла сдержаться...

Виталик ушёл, и неизвестно, вернётся ли он к ней...

Выскочив из квартиры, Виталий в первый момент не мог сообразить, куда ему идти. К родителям?.. Он только что вернулся от них... что он им сейчас скажет, что ушёл из дома?.. Снова выслушивать нотации отца и театральные монологи матери о том, что нужно держаться за то, что есть?..

К теще с тестем тоже не пойдёшь... Прежних друзей он постепенно вычеркнул из своей жизни... Отец во многом прав: чтобы сделать хорошую карьеру, нужно от многого отказаться. В том числе и от удовольствий... Он уже понял, что такое материальные блага. Квартира, машина, строящийся кооператив... Сейчас помогают родители, но всего этого не добиться, если по-прежнему гонять на мотоцикле по ночному городу.

У него впереди большой путь... большие возможности. Так говорит отец, и с некоторых пор Виталик ему верит.

Именно по этой причине он живёт сейчас с нелюбимой женщиной... растит неродного ему ребёнка. Миша — не его сын. Он уверен в этом почти на сто процентов... И, как бы Алька не старалась, ей не доказать обратного. Она никогда не скажет, кто настоящий отец ребёнка... это он уже понял.

Значит, нужно просто терпеть... Однажды переступив черту, за которой остались любовь, искренность, душевная свобода, назад не шагнуть. Ради своего будущего он отказался от самого дорогого... А, может, это и не самое дорогое, раз от него можно отказаться?..

Он мог найти Аню ещё зимой. Он мог дождаться её после концерта, соврав что-нибудь Сандре... Мог...

Ещё раньше он мог поехать в её город и разыскать её... увезти с собой... Но он не сделал этого. Потому, что на кону оказалось слишком много...

Стоя у подъезда своего дома, Виталик вдруг поймал себя на мысли, что у него не возникает желания узнать причину сегодняшней истерики Сандры... Совсем другие мысли занимали его сейчас.

«Странно... Сандра говорила об общаге на «хлебозаводе»...»

Там только два учебных заведения — пединститут и военное училище... Она упомянула пединститут... А ещё говорила что-то про завтрашний отъезд...

Постояв ещё немного, он снова вошёл в свой подъезд. Открыв дверь, осторожно переступил порог прихожей, ожидая новых упреков от жены.

— Виталька... — Александра, вся в слезах, тут же бросилась ему на шею, — Только не уходи... Пожалуйста... Только не бросай нас... Не бросишь?..

— Не брошу... — тяжело вздохнув, Виталий обнял её, слегка прижал к груди, — Ну, правда, не брошу.

...Измученная вчерашней истерикой, Аля крепко спала, и Виталий осторожно встал с кровати. Будить жену не входило в его планы. Взяв одежду, он на цыпочках вышел из спальни. Быстро умывшись и почистив зубы, оделся и выскользнул из квартиры...

Летний рассвет радовал солнцем и щебетом птиц. Почти бегом преодолев двор, молодой человек вышел через арку на проспект и оказался на автобусной остановке.

— Сорок второй давно прошёл? — он обратился к немолодому мужчине, сидевшему на скамейке.

— Только что, — тот махнул рукой в сторону, куда ушёл автобус, — отчалил.

— Понятно...

Оглянувшись по сторонам, Виталик пробежал ещё пару десятков метров — до стоянки такси. Жёлтая «Волга» с чёрными шашечками на бортах призывно светила «зелёным глазом».

— Свободен? — молодой человек наклонился к приоткрытому боковому стеклу.

— Куда? — тут же переспросил таксист.

— Жэдэ вокзал...

— Садись, поехали...

Глава 21.

При виде приближающегося пассажирского поезда Анюта почувствовала, как её охватывает непривычное волнение. Знакомые поезда, идущие в сторону её родного города, отправились ещё в первой половине дня, но сегодня её ждал совершенно другой маршрут, в совершенно другом направлении.

Поехать в гости к Сашиным родителям она согласилась не сразу. Ему пришлось долго уговаривать девушку, прежде чем купить два билета до нужной станции. Родился и вырос Саша в рабочем посёлке одной из северных областей России, куда сейчас они и отправлялись вместе с Анютой. Ответив согласием на его предложение выйти замуж, Анечка, в то же самое время, не спешила подавать заявление в ЗАГС. Саша же, напротив, был готов сделать это хоть на следующий день.

Камнем преткновения стало место бракосочетания — Саше хотелось, чтобы свадьба была на его родине, во время летних каникул. Анюте, напротив, хотелось выйти замуж здесь, в этом городе, и не раньше осени. Побывав на свадьбе Нелли, она только укрепилась в своём желании. Взвесив все за и против, Саша всё же согласился со своей невестой, тем более, что пожениться именно летом они уже не успевали — придя в ЗАГС в начале июня, он с огорчением для себя узнал, что очередь на бракосочетания огромная, и что придётся ждать целых три месяца.

Тем не менее, вопрос был решён

Написав письмо родителям, Саша сообщил им радостную весть. После обсуждений, раздумий и междугородних звонков свадьбу было решено играть в ноябре, чтобы родители могли спланировать поездку и тщательно подготовиться к такому грандиозному событию — Саша был старшим ребёнком, и свадьба эта была в их семье первой.

Узнав о решении дочери выйти замуж, Елена Ивановна долго плакала, вспоминая своего покойного мужа и горюя, что он не дожил до такого счастливого дня. Несмотря на то, что Анюте только в марте исполнилось девятнадцать, Елена Ивановна по-матерински благословила дочь на этот брак. Весной она приезжала в областной город, и Анечка познакомила её со своим женихом, а тогда ещё просто другом. Саша сразу понравился будущей теще. Всю жизнь проработавшая в школе, Елена Ивановна была неплохим психологом, и знала молодёжь. Саша сразу покорила её сердце, и, когда Анюта сообщила ей о своём решении, мать сразу же одобрила её выбор.

...Уехав домой на каникулы в июне, в конце июля Анечка вновь вернулась в город, но не только для того, чтобы повеселиться на свадьбе своей подружки. На следующий день после торжества с летней практики возвращался Саша, а ещё через день они с Анютой должны были отправиться в гости к его родителям — у Саши начинались летние каникулы, до сентября. Встретившись, они успели сходить в ЗАГС, на этот раз уже вдвоём, и подать заявление.

«Десятое ноября вас устроит? — уже знакомая секретарь улыбнулась симпатичной

паре, — Это очень хорошая дата, она у нас считается счастливой»

«Устроит! — кивнула за двоих Анюта, — Записывайте!»

...Стоя в коридоре купейного вагона, Аня смотрела на мелькающие мимо рощи, поля, небольшие станции... Она никак не могла понять, счастлива она, или нет... Не в пример ей, Саша буквально излучал радость. Обхватив её сзади руками, он то и дело касался губами её волос, виска, щеки... Анечка спиной чувствовала, как бьётся его сердце.

«Тебе у моих понравится... — он шептал это ей на ухо между поцелуями, — У нас тихо... кругом тайга... птицы поют... речка...»

«А сколько у вас комнат? — слегка нахмурившись, Аня задала волнуящий её вопрос, — Надеюсь, я не буду спать в коридоре на сундуке?»

«Ты что?! — рассмеялся Саша, — Нет, конечно... У нас большой дом. У каждого своя комната — и у меня, и у сестры. Так что, на сундук не рассчитывай!»

«Это ты не рассчитывай...» — понимая, к чему клонит жених, Аня старательно спрятала улыбку.

«А куда ты денешься?.. — его губы снова прикоснулись к её виску, — У меня кровать знаешь, какая мягкая... лучше, чем сундук...»

«Даже не мечтай! — Анечка нарочно ещё сильнее сдвинула брови, — Ты меня знаешь!»

«А я буду мечтать... — пользуясь тем, что в коридоре кроме них никого не было, Сашка ещё крепче сомкнул руки, — имею право...»

«Что-то ты слишком осмелел! — Аня в шутку легонько шлёпнула его ладошкой по руке, — Хотя... помечтай! У тебя на это целых три месяца!»

Виталий шёл по перрону, без конца оглядываясь по сторонам. Он уже второй раз за день приехал на вокзал, но безрезультатно. Из сумбурных обвинений жены он понял только одно: Аня сейчас в городе, и сегодня должна уехать. Рано утром, заскочив на вокзал, он изучил расписания всех пассажирских поездов, идущих в направлении её родного города — их было четыре, и шли они в первой половине дня. Успев вернуться, пока спала Александра, он, кажется, впервые за всё время занялся сыном. Проснувшись, Аля с удивлением обнаружила, что Миша переодет и накормлен. Она даже не стала ругать Виталика за то, что он надел Мишке ползунки задом наперёд...

Чуть позже, под предлогом посещения библиотеки, Виталик снова ускользнул из дома, и, как в прошлый раз, отправился на вокзал. Он проводил уже третий поезд, идущий в интересующем его направлении, но Ани среди пассажиров так и не было...

...Домой Виталий вернулся после обеда ни с чем. Анюту он так и не увидел... Засомневавшись в том, что правильно понял слова Александры, он, под предлогом восстановления мира в семье, осторожно завёл разговор о вчерашней ссоре.

— Теперь ты можешь объяснить, чего ты на меня вчера набросилась? — глядя, как Алька укладывает ребёнка, Виталик присел рядом.

— Я звонила твоим родителям. Долго звонила... Но трубку никто не поднимал. Я подумала, что ты меня обманул.

— Могла бы спросить по-хорошему. Я, действительно, был у них, и мы с отцом вешали эти чёртовы полки. Мать сразу предложила вызвать рабочих, но отец на этот счёт упёртый, как стадо баранов. Сказал — сами повесим, значит, сами. Крепёж импортный, у отца есть универсальная отвёртка, но она не подошла. Все переругались, как собаки, отец чуть зеркало не расколотил со психу... Мы там часа три втроём провозились, а телефон-то у них в

спальне. Его никто не слышал...

— Потом ответила эта... твоя... — вспомнив о домработнице, Аля поджала губы, — Она что, тоже с вами была?

— Она потом пришла. Мать рано утром должна была уехать на гастроли, поэтому попросила, чтобы Фаина её проводила, а потом приготовила отцу завтрак. Та и приехала с ночёвкой.

— Понятно... — имея в виду связь домработницы и отца Виталия, Аля многозначительно усмехнулась.

— И что, надо было такую сцену устраивать? — не обратив внимания на её намёк, молодой человек бросил настороженный взгляд на жену, — Каких-то шлюх мне приписала... какой-то хлебозавод... Ты хоть кого имела в виду?!

— Никого... — отвернувшись, буркнула Аля, — Просто... просто нервы не выдержали. Мне тяжело, Виталик... очень тяжело. Ты меня не любишь... и Мишу тоже не любишь... Наверное, зря я тогда всё это придумала.

— Да нет... не зря... — опустив голову, Виталий задумчиво смотрел себе под ноги, — Я тебе, действительно, очень благодарен. Если бы не ты, не знаю, как сложилась бы моя судьба...

— Нормально бы она сложилась. Был бы с любимой... — Аля произнесла эти слова ехидным тоном, — Узнал бы ей настоящую цену.

— Зачем ты, Сандра...

— Потому, что ты её забыть никак не можешь! — снова не выдержав, Алька перешла на повышенный тон, — Ты думаешь, что она такая вся из себя невинная девочка?! А ты в курсе, что она на картошке вытворяла?!

— И что же?.. — Виталий изобразил невозмутимость, — Картошку с поля воровала?

— С парнями в бане мылась! — однажды придуманное обвинение прозвучало заученно, — Все девчонки — свидетели.

— И с какими же парнями? — теперь он изображал недоверие, — И что, у всех на глазах?!

Аля с готовностью повторила мужу всё, что рассказывала про Анюту своему брату, исподтишка наблюдая за реакцией Виталия на свои слова. С виду он казался невозмутимым, но, зная его артистическую натуру, она могла предполагать, что он просто скрывает свои эмоции.

...Виталий ещё раньше слышал про эту деревенскую баню... Алька уже однажды намекала ему, но он не придал её словам никакого значения, оправдав их обычной женской ревностью. Что-то подобное бормотал Олег, когда они сцепились с ним чуть больше года назад... Неужели, правда?..

Но на Анюту это было вовсе не похоже.

...Давно забытое чувство охватило молодого мужчину. Он давно не испытывал этого ощущения — ощущения романтического риска... или рискованной романтики, приправленной страстью и азартом... Впервые он испытал такие чувства в шестнадцать лет, когда, догадавшись об отношениях домработницы с собственным отцом, решил «припереть» к стенке Фаину. Определённой цели у него тогда не было, он прекрасно понимал, что не сможет изменить ситуацию, но возникшее желание поиграть в «а я всё знаю» взяло верх. Он и не ожидал, чем закончится эта игра... И лишь чуть позже, сам оказавшись в постели с Фаиной, тогда ещё двадцатичетырёхлетней девушкой, сполна оценил её собственную игру.

Вслед за отцом Фая умело подсадила на себя и сына. Понимая, что ни один из них никогда не свяжет с ней свою судьбу, она выжимала из сложившейся ситуации максимальную выгоду — материальную от отца, и физиологическую от сына.

Сам Виталий, кроме богатого сексуального опыта, получил из этой связи и удовольствие другого толка: он вдруг понял, что ситуация придаёт его жизни определённую окраску. Ему нравилось ощущать себя тайным любовником тайной любовницы отца, чувствуя при этом постоянный риск и азарт. Ему казалось, что он играет отведённую ему роль.

Платонические отношения с Сандрой, а потом и с Анютой только добавляли остроты — по сюжету, он скрывал свою связь с порочной домработницей не только от отца, но и от своей целомудренной девушки. Он не мог не признаться самому себе, что ему нравится такой сценарий. Теперь же, когда связь с Фаиной порядком поднадоела, и держалась лишь на удовлетворении естественных потребностей, Виталий заскучал. Изменять нелюбимой жене с нелюбимой домработницей не так интересно, он не получает от этого никакого кайфа... Гонки на мотоциклах тоже остались в прошлом... Любви у него больше нет... Всё, чем он сейчас живёт — это мысли о карьере, материальных благах... А ему всего двадцать два года.

...Тайная поездка на вокзал в поисках Ани напомнила утраченные, было, ощущения. Виталик вновь почувствовал, как обыденность превращается в некое действие. Ему, действительно, не хватает этой самой рискованной романтики. Всё-таки он — натура артистического склада... Значит, не стоит зарывать свой «талант» в землю и прятать между страницами устава КПСС...

Всему должно найтись место в его жизни — и карьере, и любви, и игре.

А, значит, жизнь продолжается.

Аня с Сашей вернулись в город в последних числах августа. Две недели у его родителей и две недели у Елены Ивановны пролетели, как один день. Они впервые не расставались так долго, и Ане, которая привыкла к их редким встречам, сначала было немного неловко. Она постоянно ловила на себе влюблённый взгляд своего жениха, и взгляд этот с каждым днём становился всё более страстным. Ей всё труднее было сохранять дистанцию, и в некоторые моменты она ловила себя на мысли, что готова уже уступить Сашкиным настойчивым желаниям... но из последних сил оставалась верна своим принципам.

«Аня... — в первый вечер, встретив долгожданных гостей, Елена Ивановна смущённо отозвала дочь в сторону, — Саше... где стелить?.. В зале, или...»

«Конечно, в зале! — Анюта недоумённо округлила свои синие глазищи, — Мам, ты что?!»

«Ну, я не знаю... — та пожала плечами, — Вы сейчас уже взрослые... современные...»

«А я несовременная!» — отрезала дочь.

После Саша с улыбкой рассказывал, как подобный вопрос задавала ему его мать. В отличие от Анечки, отвечал он с сожалением. В результате Аня спала в его комнате, а сам Саша — за стенкой, на раскладушке, рядом со своими родителями. Именно этот факт не давал ему сделать ночную вылазку в соседнюю комнату, чтобы попытаться растопить Анютино сердце. Приученный к суровой армейской дисциплине, курсант Александр Морозов стойко переносил все тяготы и лишения последних месяцев холостяцкой жизни, то и дело ворочаясь на скрипучем предмете раскладной мебели.

Сашкина мать одобряла такое поведение будущей невестки, а отец, посмеиваясь в усы, подтрунивал над сыном: «И какой из тебя командир, если девчонку уговорить не можешь?»

«Я не командир, — бурчал Саша в подушку, — я инженер».

«Пионер ты, а не инженер!» — хмыкал с койки отец, пока супруга не утихомиривала его веселье тычком локтя в бок.

Вернувшись в город на учёбу, Аня почувствовала и облегчение, и грусть одновременно. Всё же ей очень нравилось быть центром Сашкиного внимания... И не только.

«Познакомься, это — Лёнька! — выйдя однажды на стук в дверь, Саша вернулся в сопровождении молодого парня, своего ровесника, — Мой друг и одноклассник!»

Вежливо поздоровавшись, Аня из приличия немного посидела с парнями, и ушла на улицу. На следующий день Лёня пришёл не один, а со своей женой, Милой. Анечка уже была рада новым знакомым — увлёкшись общением с другом, Саша немного отвлёкся от неё самой, чего нельзя было сказать о Леониде. До самого отъезда молодые люди общались теперь вчетвером, ходили на речку, гуляли по посёлку, и Анечка не могла не заметить взглядов Лёньки, которые он то и дело бросал на неё. Мила была на пятом месяце беременности, и Анюте было неловко... В то же самое время она не могла не признаться самой себе, что неловкость эта была вперемешку с удовольствием.

Приехав с Сашей в свой родной городок, Анечка, однако, не стала знакомить его со своими подругами. Но, даже если бы она и сделала это, то могла быть абсолютно спокойна: ни одна девушка на свете теперь не интересовала Сашу. Ни одна, кроме неё, Анечки.

Когда их первый совместный отпуск закончился, на Сашку было жалко смотреть... Попрощавшись с Анютой у дверей её общаги, он обречённо вздохнул и отправился в казарму.

Мысли об Анюте не покидали Виталия всё лето. Он снова попытался позвонить в её родной город, на квартиру её матери, но, узнав его голос, Елена Ивановна снова не стала с ним разговаривать. Женщина знала от дочери историю её несчастной любви, и чем эта история закончилась. Ещё год назад, услышав звонок Виталика, она догадалась, что это тот самый парень, из-за которого её дочь плачет день и ночь, и ответила, что Ани нет и не будет.

Теперь же ответ Елены Ивановны поверг Виталика в смятение.

«Аня выходит замуж. Не звоните ей. До свидания».

Повесив трубку, Виталий вышел из переговорного пункта и ещё какое-то время бродил по городу. Такой новости он не ожидал. В этот же день, наплевав на все законы конспирации, он отправился на другой конец города. Коробка дефицитных шоколадных конфет сделала вахтёршу общежития пединститута разговорчивой. Она тут же выложила Виталику все интересующие его детали. Да, действительно, есть такая студентка, Аня Свиридова... Перешла на третий курс, а сейчас уехала домой, на каникулы. Нет, вроде, не замужем... Таких подробностей вахтёршам знать не положено, в паспорт не заглянешь... Жених?.. Да, вроде, есть, у кого их нет? Ходит один курсантик... Да тут к половине девчонок эти курсанты ходят. К кому им ещё ходить, если невесты прямо под боком?!

Интересующие его сведения оказались неутешительными. В душе Виталий ругал себя, что не сделал этого сразу, в ту же ночь, когда Сандра проговорила ему про Анюту и пединститут. Мог бы поехать, разбудить вахтёршу... Для него это пара пустяков.

Он еле дождался конца августа. Анюта в любом случае должна была вернуться к первому сентября... Больше появляться у её общаги он не рискнул. Слишком много свидетелей в начале учебного года. В один из первых сентябрьских дней, зайдя в кабину

телефона-автомата, он с волнением набрал номер...

— Общежитие?.. А позовите, пожалуйста, Аню Свиридову из тридцать восьмой... Я перезвоню через десять минут.

...Она пришла к телефону... Услышав её голос, Виталий ощутил, как чуть забытая волна нежности вновь наполняет его душу...

Разговаривать с ним Аня не стала.

— Я хочу тебя увидеть... — чувствуя, что она вот-вот повесит трубку, он крикнул с искренним отчаянием.

— Нет... незачем. Прощай.

Он так и не понял, что подстегнуло его больше — её отказ увидеться, или желание увидеть её самому. Через несколько дней, улучив момент, он подъехал на новых «Жигулях» к пединституту. Чтобы не «светиться», остановился чуть поодаль и, надев чёрные очки, долго сидел в салоне, наблюдая за центральным входом. Когда Аня в стае других студенток весело выпорхнула на улицу, завёл машину и, заметив, как девушка направилась к автобусной остановке, неторопливо поехал в том же направлении.

...Виталий напоминал сам себе детектива. Он естественно получал удовольствие от этой романтической слежки. Когда Аня села в подошедший автобус, направился следом.

Вышла Аня через три остановки, возле Дома Быта. Закрыв машину на ключ, молодой человек поспешил следом за девушкой...

— Аня!..

Она уже собиралась взойти на крыльцо, когда услышала своё имя. На мгновение застыв, медленно обернулась.

В страхе, что она сейчас откроет дверь и скроется внутри ателье, Виталик прибавил шаг.

Вопреки его опасениям, Аня никуда не убежала. Она так и стояла вполборота, поставив одну ногу на нижнюю ступеньку.

— Аня... — Виталий подошёл к ней совсем близко, — Здравствуй...

— Здравствуй, — она смотрела на него строго, с достоинством приподняв подбородок.

— Я так долго тебя искал...

— Не надо было меня искать.

— Нам нужно поговорить.

— Зачем? — Аня усмехнулась уголком губ.

— Я должен всё объяснить...

— Мне уже ничего не интересно, Виталик, — девушка поднялась ещё на одну ступеньку.

— Знаешь... — в его взгляде было столько неподдельной печали, что Аня невольно задержалась, — Меня никто так не называл и не зовёт до сих пор...

— Зачем ты врешь? Тебя все так зовут.

— Все... но у них не так получается... я так давно не слышал твоего голоса...

— Это всё? — ему показалось, что Аня произнесла эти слова через силу.

— Нам нужно поговорить... давай, встретимся?

— Нет, — Аня с видимой неохотой поднялась ещё на две ступеньки, — если тебя что-то мучает, то забудь. Всё в прошлом.

...Уговорить Аню на встречу Виталию так и не удалось. Оставив его на крыльце, девушка вошла в здание. Решив, что другого такого случая может и не представиться, через несколько минут Виталик тоже отправился следом. Дом Быта был двухэтажным, и включал

в себя пошивочную мастерскую, мастерские по ремонту обуви, бытовой техники и ещё много различных мастерских и служб. Судя по форме, свёрток, который несла Аня в капроновой прозрачной сумке, был куском ткани, во всяком случае, так подумал Виталик. Поднявшись на второй этаж, он увидел Анюту, сидящую у дверей в пошивочную. Анечка сидела боком, слегка повернувшись в другую сторону, и его не заметила.

— Заходите, — молодая женщина в светлом платье, с оранжевым «сантиметром», перекинутым через шею, выглянула из мастерской и кивнула Анюте.

Дождавшись, пока за девушкой закроется дверь, Виталий прошёл и сел неподалёку. Анечки не было около двадцати минут. Наконец, увидев, как открывается дверь, молодой человек внутренне напрягся...

— Спасибо, до свидания, — на ходу попрощалась Аня с женщиной, но та снова окликнула её из помещения.

— Ой, подождите... — раздалось изнутри, — Давайте, лучше, не пятнадцатого, а семнадцатого, в это же время, устроит?

— Семнадцатого? — переспросила Аня, — Хорошо! До свидания!

— Аня, подожди!.. — Виталий резко вскочил со стула, — Мы не договорили...

— Ты?! — она, видимо, не рассчитывала снова увидеть его сегодня, — Что ты тут делаешь?

— Неужели ты так и не поняла?.. — он медленно приблизился к ней, — Я нашёл тебя...

— Нашёл, и — что? — ему на мгновение показалось, что в её глазах промелькнула надежда.

— Я должен тебе всё рассказать.

— Ты мне ничего не должен. Я тороплюсь... Извини.

Больше он не стал её догонять. Часы показывали четыре дня, и ему пора было возвращаться домой. Сандра в последнее время стала ужасно ревнивой, и устраивала сцены по каждому поводу.

Неторопливо покинув здание, Виталий вернулся к машине.

«Семнадцатого... в это же время...»

Ничего... Теперь он знает, где и когда её искать. И кольца у неё нет... Во всяком случае, пока...

Глава 22.

Домой Виталий ехал с твёрдым намерением встретиться с Аней в ближайшее время. Её очередной отказ выслушать его подействовал возбуждающе и прибавил романтического азарта. Теперь воплотить мечту в реальность было делом чести. Масла в огонь подлил Олег. Сам того не ведая, брат Сандры подсказал бывшему товарищу очень интересный, полный романтики, ход.

Придя в гости к сестре, он застал молодых супругов за очередной ссорой. Обозвав Виталика скотиной, Александра схватила ребёнка и, хлопнув дверью, выскочила из квартиры.

— Чего это вы гавкаетесь? — Олег до сих пор помнил их стычку с Виталиком, и разговаривал с ним чуть насмешливым тоном, — С тёлкой тебя застала, что ли?

— С какой тёлкой?! — отмахнулся Виталик, — У неё в последнее время психоз на психозе.

— Ну, как с какой... — Олег бросил на него осторожный взгляд, — Анечка, вроде, на горизонте снова замаячила... Или нет?

— Ты-то с чего взял? — Виталий хмуро перебирал в тумбочке коробки с магнитофонными кассетами, — Вы что, сговорились, что ли?!

— Да так... — присев рядом, Олег тоже с интересом взял в руки несколько кассет, — Слышал краем уха...

— Сандра матери жаловалась? Или тебе?.. — Виталик произнёс эти слова нарочито равнодушно.

— Да она не жаловалась... так, с матушкой поделилась... я случайно услышал.

— Меньше слушай.

— Мне-то чего... у меня жены нет.

— Заведи.

— Нет уж... — парень усмехнулся, — Насмотрелся на тебя, не хочется. Я предпочитаю свободную любовь. А Альку... своди в ресторан... песню ей там закажи... типа «Александра, Александра... па-па-па-рам... па-па-па-рам...»

— Александра?.. — Виталий задумчиво вертел в руках кассету с альбомом «Синей птицы», — А что... идея...

...Появляться у пединститута или общежития Виталий больше не решился — слишком известными фигурами были его тесть и родители. Он предпочёл дожидаться семнадцатого числа, чтобы увидеть Анюту. Уже по дороге к Дому Быта он подумал, что она может прийти не одна, но, к его удовольствию, Аня, как и в прошлый раз, приехала в одиночестве.

Дождавшись, пока девушка скроется за дверью центрального входа, Виталий закрыл машину и отправился следом. Ждать Анечку в этот раз пришлось немного дольше — около получаса. Когда она, наконец, вышла из мастерской, возле дверей уже образовалась небольшая очередь.

— Что так долго-то?! — недовольно проворчала женщина лет сорока пяти, всё это время сидевшая с поджатыми губами, — Как будто королевское платье шьют...

— Не королевское, а свадебное, — уже знакомая портниха выглянула в коридор, — заходите!

Аня снова не заметила стоявшего в стороне Виталия. Перекинув через плечо сумочку на длинном ремешке, она зацокала каблучками по направлению к лестнице. Двинувшись следом, Виталий догнал её уже у самого входа, на первом этаже.

Услышав за спиной его шаги, девушка на секунду замерла... Виталику показалось, что она почувствовала, кто идёт за ней следом...

— Привет... — он стоял сзади, совсем близко от неё, — Привет...

— Привет... — она лишь слегка повернула голову.

— Я же сказал, что я тебя найду... везде найду.

— Послушай, Виталик... — Аня всё же повернулась к нему всем корпусом, — Чего ты хочешь?

— Я хочу рассказать тебе всё.

— Ты рассказал всё ещё тогда... в парке.

— Ты многого не знаешь. Дай мне возможность всё тебе рассказать. А там... там — как решишь сама.

— Поздно что-то решать. У тебя жена и ребёнок.

Анюта медленно двинулась вперёд, на выход. Он так же медленно последовал за ней. Выйдя на крыльцо, Анечка вновь остановилась. Сентябрь выдался довольно тёплым, и солнце всё ещё прогревало осенний воздух, борясь с порывами прохладного ветра. Тряхнув

рассыпавшимися по плечам тёмно-русскими волосами, Аня подставила лицо под солнечные лучи. Стоя чуть сбоку, Виталий не мог оторвать взгляда от её профиля. Вот девушка, которую он был бы счастлив видеть возле себя каждый день... С которой он хотел бы засыпать и просыпаться... дышать одним воздухом...

Но судьба распорядилась по-своему. У него, действительно, другая дорога... жена и сын... не его сын... А вот эта самая девушка, судя по всему, скоро тоже станет чьей-то женой. Она будет принадлежать другому мужчине... это именно он будет видеть её каждый вечер... каждое утро... Это ему она будет дарить свои ласки и рожать детей...

Чувствуя, как ревность неведомой доньине силы саднящей занозой забирается в сердце, Виталий невольно сжал кистью металлические перила крыльца — косточки на тыльной стороне ладони побелели от напряжения.

— Тебе сейчас куда? — с трудом справляясь с охватившими его эмоциями, молодой человек смотрел на Анюту, чуть прищурив серые глаза, — Ты домой?

— Нет, — Аня подняла на него чуть насмешливый взгляд, — пока не домой. А что?

— Я тебя подвезу.

— Подвезёшь? На чём?

— На машине.

— Нет, спасибо. Твой водитель потом расскажет твоей жене, будут неприятности.

— Я на своей машине.

— Отец отдал?

— Нет. Это моя личная машина... Идём, я тебя подвезу. Не бойся...

— Я не боюсь.

Последние слова Аня произнесла не совсем уверенно, видимо, начиная колебаться в принятии решения.

— Идём?.. — пользуясь её минутной растерянностью, Виталий взял девушку за локоть, — Да не бойся ты... идём...

В общежитие Аня вернулась около восьми вечера. Нервное возбуждение от встречи и разговора с Виталиком сменилось чувством вины перед Сашей. Ничего плохого не произошло, она лишь выслушала своего бывшего парня... Но ей всё равно казалось, что она поступила неправильно.

...Не нужно было садиться к Виталию в машину... Ушла бы, и не было бы сейчас этого душевного дискомфорта...

И не мучилась бы всё нарастающими сомнениями.

«Я виноват перед тобой... — усевшись на водительское место, Виталик положил на руль локти и уставился куда-то вперёд, — Но, поверь, что я и сам не знал, что Сандра беременна. Я не мог поступить иначе. Я думал, что женюсь, дам ребёнку отцовство... фамилию... А потом разведусь, и мы с тобой поженимся. Но ты уехала... Я искал... я с огромным трудом узнал твой домашний телефон... я звонил тебе домой, но твоя мама сказала, что тебя нет и не будет. Я решил, что ты просто не хочешь больше меня видеть. Только поэтому я остался в семье».

«Я ждала тебя, Виталик... — опустив взгляд, Аня печально улыбнулась уголком губ, — Я тебя ждала тебя каждый день... а потом... потом мне позвонили от твоего имени и вызвали на улицу. Я бежала к тебе... я даже забыла надеть платок, хотя мороз был за двадцать... Я бежала с одной мыслью, что вот сейчас я увижу тебя... Но это оказался не ты».

«Кто?..» — в мгновение переменившись в лице, Виталий спросил это, едва разжав губы.

«Это был Олег. Он затащил меня в машину... там было ещё трое парней...»

«Что они с тобой сделали?..»

«Ничего...»

«Не обманывай... Аня, скажи правду...»

«Это правда. Они лишь предупредили, что, если я не уеду, то очень пожалею об этом».

«Сволочь... — он со злостью стукнул сжатым кулаком о руль, — Подонок...»

«Я уехала на следующий день».

...Они проговорили около двух часов. С ужасом для себя Аня вдруг начала понимать, что притупившиеся, было, чувства поднимаются со дна её души... как встревоженные движением чайники поднимаются со дна стакана... Только, в отличие от чайников, назад эти чувства оседать, кажется, не собирались...

«После того, как я увидел тебя в филармонии, я снова стал тебя искать. Я узнал, где ты учишься... где живёшь. Я узнал, что у тебя есть парень. Я решил, что ты счастлива... я не стал напоминать о себе, но я не упускал тебя из виду. Я следил за тобой... Я много знаю о тебе...»

«Что же ты знаешь обо мне?..» — Аня вновь печально усмехнулась.

«Я знаю, что ты выходишь замуж, что он — будущий военный...»

«Саша — будущий военный строитель. Весной он оканчивает училище».

«Неправильно всё это... — Виталий упёрся лбом в сложенные на руле кисти рук, — Неправильно...»

«Всё правильно...»

«Ты его любишь?»

«Он меня любит. Очень любит, я знаю».

«А ты?..»

«Саша очень хороший. Он добрый, честный... заботливый...»

«Но ведь ты его не любишь... Нет?..» — в ожидании ответа Виталик даже затаил дыхание.

«Это неважно...»

«Это важно!»

«Для кого?»

«Для всех... Для меня, для тебя... Даже для него».

«Зато я точно знаю, что у него нет ребёнка на стороне».

...Машину она попросила остановить за квартал до общежития. Ей вовсе не хотелось, чтобы кто-нибудь увидел и доложил Саше, что его невесту привезли на личных «Жигулях». Выскочив из машины, Анечка не оглядываясь поспешила к себе в общежитие, но, не доходя до него, вдруг свернула в сторону парка...

В этом парке они часто гуляли с Сашей...

Ничего. Завтра они снова увидятся... И все её нахлынувшие волнения пройдут. Вот только она увидит его светлую улыбку, и — пройдут...

Вернувшись, наконец, в свою комнату, она вспомнила о кассете, которую ей на прощание подарил Виталик. Она не хотела брать, но он сам вложил пластмассовый подкассетник ей в ладонь.

«Пожалуйста... возьми... Это альбом «Синей птицы». Четвёртая по счёту песня — для тебя...»

Кассетного магнитофона ни у самой Аняты, ни у её соседок не было, и Анечке пришлось идти в конец коридора, к знакомым мальчишкам. Получив на пару часов заветную «Весну», она вернулась к себе в комнату, и, вставив кассету в магнитофон, нажала на клавишу.

Люба с Ольгой удивлённо смотрели на свою соседку, которая, отвернувшись к окну, то и дело проводила ладонью по лицу.

«Ань, ты чё?.. — Люба осторожно подошла и встала рядом, — Ревёшь, что ли?.. А чего?.. С Сашкой поругались?.. Да?.. А из-за чего?..»

«Нет, всё нормально... — Аня снова вытерла текущие ручьём слёзы, — Просто... ансамбль этот нравится... песни...»

«А!.. — понимающе кивнула Любка, — Ещё бы... там же про тебя поют...»

«Твоё письмо читаю я, боль затая,

И обжигают меня строчки сильнее огня.

Свет звёзд сиял ночной порой и нам с тобой,

Но, сколько в мире дорог...

Я этот свет не сберёг...»

...Она несколько раз подряд перематывала плёнку назад, чтобы снова прослушать «Последнее письмо», котором говорил Виталик... Вернув парням магнитофон, Аня ещё долго про себя повторяла западающие в душу слова...

«Анна... Анна... Больше ты не будешь моею,

Поздно нам возвращать любовь...

Анна, Анна, если б начать всё вновь,

Милая Анна, Анна, если б начать всё вновь...»

...Она ещё долго лежала в постели, не в силах выпустить эту кассету из рук, прежде чем погрузилась в сон... Утром, проснувшись, почувствовала под плечом что-то твёрдое... вытащив, увидела, что это всё тот же подкассетник... машинально поднесла его к глазам, в который раз прочитав название альбома:

«Моя любовь жива»...

...Весь следующий день Анечка ругала себя и корила, что поддалась на уговоры Виталика. Не нужно было с ним идти на контакт! Они давно расстались, у него семья, а у неё — Саша... Славный, замечательный Саша, за которым она всю жизнь будет чувствовать себя, как за каменной стеной... И он ей очень нравится, и она, действительно, хочет выйти за него замуж!

А Виталик... с ним давно всё конечно...

«Он сказал — ты сама всё решишь... Что он имел в виду?..»

Вечером, встретившись с Сашкой, Аня, как никогда раньше, была рада увидеть его... То и дело поправляя ему воротник и фуражку, Анечка весело щебетала, рассказывая, какое красивое получается свадебное платье, и что костюм Саше нужно обязательно будет заказать в том же ателье, как только родители пришлют деньги на материал.

Абсолютно счастливый Саша смотрел на неё с такой любовью, что Анечке казалось, что она видит в его глазах своё отражение...

Возвращаясь домой, Виталик уже был готов к тому, что Александра устроит очередной скандал. В последние несколько недель жена как будто взбесилась. Она контролировала почти каждый его шаг, требовала ежедневных отчётов о том, как прошёл его день в

институте, и почему он задержался хотя бы на час.

Но, вопреки его ожиданиям, Аля сегодня была какая-то непривычно тихая. Галина, которая теперь сидела с Мишей, пока его молодая мама ходила на учёбу, уже ушла, и посторонних в квартире не было. Взяв на всякий случай сына на руки, Виталий демонстративно поцеловал малыша и поднял взгляд на жену.

— Сандра, прости... я в институте задержался. Было партийное собрание, и я тоже остался... потом секция волейбольная... Я решил спортом заняться... если хочешь, запишись тоже куда-нибудь, будем вместе ходить...

— Спортом?.. — Аля как-то осторожно посмотрела на мужа, — Спорт — это хорошо... Но, боюсь, мне теперь это не подходит...

— Не подходит? — Виталий удивлённо приподнял брови, — Почему?

— Виталик... — Александра выждала небольшую паузу, — В общем... у нас будет ещё один ребёнок...

— Что?!

— Я беременна...

Жить вместе Аня с Сашей пока не рассчитывали. Женившись, курсант всё равно продолжал жить в казарме — таком же пятиэтажном здании, как и Анятино общежитие, расположенном совсем неподалёку и примыкающем к зданию училища. Даже после свадьбы молодожёнам предстояло видеться только в увольнительные, и поэтому Аня не собиралась никуда перебираться из общежития — отсюда было очень близко ходить на учёбу. Саша же, напротив, настаивал снять комнату, куда он мог бы приезжать к своей законной жене, хотя бы ненадолго. Он учился на последнем курсе, и уже мечтал, как увезёт Аню с собой на место новой службы.

Наконец, Ане пришлось уступить. Им, действительно, негде было бы встречаться после того, как они станут мужем и женой.

Изучив доски объявлений, они нашли себе временное жильё — в расположенном неподалёку частном секторе. Домик был небольшим, но имел одно преимущество: он был разделён на две отдельные половинки.

В левой половине проживала хозяйка — пожилая женщина, вместе со своим малолетним внуком. Правую же половину она сдавала жильцам. Договорившись об оплате и сроке проживания, молодые люди решили, что до свадьбы Анечка проживёт в общежитии. Последнюю неделю девушка потихоньку переносила свои вещи в новое жилище, заодно делая там уборку.

Их с Сашей первый дом состоял из одной комнаты и маленькой кухни. Все удобства были на улице, но больше всего Аня переживала из-за отсутствия душа.

После встречи с Виталием прошло уже несколько недель, он больше не появлялся, и Аня снова начала обретать покой. До свадьбы оставалось совсем немного времени, и они с Сашей занимались приятными хлопотами. Во время его коротких увольнительных они теперь почти не гуляли по городу, а сидели в общежитии у Анюты. Весело перебрасываясь шутками, они вместе с её соседками писали свадебные приглашения, рисовали плакаты, придумывали разные свадебные игры.

Пару раз они ездили в ателье на примерки. Анино платье было уже пошито, оставалось забрать, и ей очень хотелось примерить его вместе с белоснежной, отороченной атласом, прозрачной фатой. Сашин костюм всё ещё шился, но портниха твёрдо пообещала, что он

будет готов ровно в срок.

...На улице был конец октября, но погода баловала, и Анечке так не хотелось надевать тёплую шапку. Саша заставлял её одеваться теплее, но, когда его не было рядом, Анюта щеголяла с непокрытой головой. Выйдя из института, она направилась к автобусной остановке — сегодня был срок забирать свадебное платье. Как назло, автобус задерживался, а налетевший ветер пригнал чёрную тучу. Хлынувший ледяной дождь в считанные секунды намочил пальто и волосы, и, боясь заболеть, Аня была уже готова бежать к общежитию.

— Аня!.. — из открывшейся дверцы подъехавших к остановке «Жигулей» на неё смотрел Виталий, — Садись скорее!

Ливень был такой силы, что она даже не стала раздумывать, а тут же торопливо шагнула к машине.

— Привет, — Виталик улыбался своей белозубой улыбкой, — промокла?..

— Привет, — попав в тёплый салон, Аня расправила съёжившиеся от холода плечи, — что ты тут делаешь?

— Тебя жду, — он не переставал улыбаться, глядя на неё, — как знал, что промокнешь.

— Зачем? — она бросила на него настороженный взгляд.

— Я знаю, что ты сегодня должна ехать в ателье... Сначала хотел тебя там дождаться, а потом решил сначала сюда заехать... И не ошибся!

— Дождаться? А зачем? — поднеся ко рту замёрзшие ладошки, она дохнула на них теплом.

— Просто... захотел тебя увидеть. Заодно подвезти... Подумал, что ты не будешь против...

— Не знаю... — Аня опустила глаза, — Нужно ли это всё... Нехорошо как-то...

— Сегодня у меня есть уважительная причина, — выжав сцепление, Виталик, наконец, тронул с места.

— Интересно, какая же? — согревшись, Аня, наконец, улыбнулась.

— Дождь...

...Они рассмеялись одновременно. Анечке вдруг пришло в голову, что ничего плохого в их встречах вовсе нет. Ведь люди могут быть просто друзьями... Это не измена и не предательство. А, значит, нет никакой вины ни перед Сашей, ни перед Сандрой... Может быть, они даже познакомятся — Виталик и Саша... Тем более, что Саша ничего не знает о Виталике. Он никогда не спрашивал её о предыдущих увлечениях, и Анечка была ему очень благодарна. Она сама в двух словах обмолвилась своему жениху, что у неё не было серьёзных отношений с парнями... так, неудачные попытки.

Подробности Сашу не интересовали...

— Отлично! — оглядев Анюту с ног до головы, портниха удовлетворённо кивнула головой, — Королева красоты!

Поворачиваясь перед зеркалом, Анечка не могла с ней не согласиться... Белоснежное, облегающее платье ладно сидело на её хорошенькой фигурке, струясь подолом до самого пола. Отрез трикотина, который удалось достать по благу, ей прислала мама, и Анечка сначала долго любовалась ослепительно-белой, мягкой тканью, прежде чем отнесла её в пошивочную мастерскую. Соседки по общежитию тоже принимали участие в оценке супермодной, дефицитной ткани. Они мяли её в руках, встряхивали, прикладывали к себе с задумчивым видом... наиболее искушённые сопровождали процедуру рассказами о том,

какие были платья у их сестёр или подруг, и советовали, где лучше заказывать сам пошив.

Теперь всё было позади, и готовый наряд отражался в зеркале вместе с Анютой. Расплатившись, девушка взяла упакованное в бумагу изделие, и покинула ателье.

Виталий так и ждал её неподалёку, на стоянке. Уже привычно устроившись на переднем сиденье, Анюта повернула к нему довольное лицо.

— Ну, как? — и в голосе, и во взгляде молодого человека промелькнуло непонятное напряжение, — Платье красивое?

— Очень! — улыбаясь, кивнула Аня, — Просто шикарное!

— Могу представить... — Виталий, напротив, не излучал радости. Поджав губы, он повернул ключ в замке зажигания.

— Кстати, — как будто вспомнив о чём-то, Аня округлила глаза, — откуда ты узнал, что я должна была сегодня ехать в ателье?

— Я говорил тебе уже... — тронув с места, Виталий вырулил со стоянки на проезжую часть, — Я знаю о тебе всё...

— Прямо всё-всё?.. — чуть приглушив голос, Аня опустила взгляд.

— Да. Тебя это удивляет?

— Ты что, узнавал у портнихи, когда мне приезжать?.. — догадалась Анюта.

— Это пара пустяков.

— И, всё-таки... — Анечка вдруг посерьёзнела, — ты ведь делал это не просто так?

— Я хотел тебя увидеть. Хочешь, поедем, покатаемся?

— Нет, — девушка покачала головой, — это нехорошо. К тому же, мне ещё сегодня нужно в прокат, телевизор подобрать.

— Телевизор? Из проката?!

— Да. Нас пока устроит.

— А почему всем занимаешься ты? Что же твой Саша отлынивает?

— Он не отлынивает. У него режим. Он даже свой костюм не успеет забрать, мне придётся...

— Он что, на гауптвахте? — Виталий усмехнулся уголком губ, — Никуда не успевает... На свадьбу-то хоть придёт?

— Он послезавтра уедет... до самой свадьбы. Мне придётся самой и родителей встречать, и размещать, и развлекать. Он военный, Виталик. И с этим нужно смириться.

Виталий всё-таки довёз её до ближайшего проката. Телевизоров предлагалось несколько, но все они, за исключением одного, были чёрно-белыми.

— На цветные большой спрос, — мужчина за стойкой развёл руками, затем кивнул на стоявший на полке «Рубин», — и этот тут стоит, потому, что только что вернули. К закрытию заберут, как пить дать.

— А оставить... нельзя? — Анюта смотрела на него умоляюще, — на недельку...

— Девушка, у нас не магазин, товар не оставляем. Хотите, заберите сразу.

Подумав, что другого такого случая может и не подвернуться, Аня сбегала к поджидавшему её Виталику и, услышав его «Ну, конечно...» тут же вернулась и оформила телевизор в прокат.

— Так куда его повезём? — загрузив «Радугу» в багажник, Виталик оставил крышку открытой, — Надо быстрее, пока дождь закончился. В общагу?

— Нет... — Аня только сейчас подумала, что придётся ехать вместе с Виталиком на их с Сашей квартиру, — Мы сняли жильё...

...Вечером, вернувшись в общежитие, она снова переживала и сомневалась, правильно ли сделала, что приняла помощь Виталия... Наконец, взвесив все за и против, решила, что ничего плохого в этом нет, тем более, что ей, действительно, некому было помочь. А цветной телевизор всё-таки лучше, чем чёрно-белый... ведь ей придётся теперь одной коротать вечера, дожидаясь Сашиных увольнительных...

...Засыпая, Аня всё пыталась представить себе своего жениха... Она делала это нарочно... но сознание снова и снова, как когда-то, рисовало ей совершенно другой образ...

— Добрый вечер, — Аня смущённо смотрела на администратора гостиницы, черноволосую, с пышным «хвостом» на самой макушке, женщину лет тридцати, — я бы хотела забронировать номер на двоих.

Смущение охватило Анюту сразу, как только выяснилось, что, кроме неё, забронировать гостиницу на их первую с Сашей ночь, тоже больше некому. Сам Саша был сейчас на практических занятиях по своей будущей специальности военного строителя, и вернуться в город должен был только утром десятого ноября, в день их свадьбы. Его родители и сестра должны были приехать завтра, седьмого, и остановиться на квартире молодых. Туда же предполагалось поселить и Елену Ивановну, чтобы всем было веселее, да и дешевле.

Для себя же будущие молодожёны решили снять гостиничный номер на первую брачную ночь. Для того, чтобы получить увольнительную на целые сутки, Саше пришлось обращаться к ректору. Положение усугублялось ещё и тем, что он вместе с другими курсантами должен был уехать из города как раз в эти дни. Саша очень переживал, что в день свадьбы по закону подлости может случиться какое-нибудь ЧП, и его не отпустят на собственное бракосочетание.

— Бронь я вам сделаю, но учтите, что без штампа в паспорте в один номер поселить я вас не смогу, — администраторша строго посмотрела на Анюту, — вы меня поняли?

— Да, поняла, — Аня покраснела ещё больше, — у нас будут штампы.

Выйдя из гостиницы, девушка испытала огромное облегчение. Был бы Саша, он всё сделал бы сам. Хорошо, что уже завтра приезжает её мама. Она приедет днём, а вечером приедут Сашины родители и сестра. День будет праздничным вдвойне — завтра годовщина октябрьской революции, и родители смогут получше познакомиться за праздничным столом. Сейчас Анечка поедет на квартиру, чтобы подготовиться к их встрече.

Собственно, все свадебные приготовления уже сделаны. Студенческое кафе заказано, кольца куплены, белое платье и Сашин костюм уже висят в шкафу в общежитии... Даже цветной телевизор ожидает молодожёнов в их первом доме...

До свадьбы остаётся всего три дня... Жаль, что Саша сейчас нет в городе... Ей почему-то очень хочется, чтобы он был здесь... хотя бы где-то неподалёку... чтобы она знала, что он — рядом...

— Здравствуйте, Мария Гавриловна! — войдя в калитку, Анюта поздоровалась с хозяйкой, которая возилась на улице, — Вам помочь?

— Здравствуй, здравствуй... — распрямившись, женщина подняла на Анюту выцветшие светлые глаза, — Ты ночевать, или так, попутно заехала?

— Попутно. Завтра Сашины родители приедут, и моя мама. Они поживут пока здесь... Вы не против?

— Да я-то не против, — женщина усмехнулась, — только как вы потом-то будете, после свадьбы? Так и заночуете вместе с мамками?

— Нет, — Аня опять, уже в который раз за день смутилась, — мы переночуем в гостинице... А, когда родители уедут, я переберусь сюда.

— Ну-ну... — Мария Гавриловна качнула головой. Анюта так и не поняла, усмехнулась женщина, или одобрила её намерения.

...Войдя в дом, Аня ещё раз оглядела скромное убранство комнатёнки. Большой деревянный стол, накрытый плюшевой скатертью... стоящий на нём телевизор... старый трёхстворчатый, светло-жёлтый шифоньер... и кровать — железная полуторка, с панцирной сеткой и блестящими спинками. Достав из шкафа принесённое заранее постельное бельё, Аня старательно постелила белую льняную простыню на полосатый толстый матрас, надела на подушки цветные наволочки, заправила зелёное стёганое одеяло в белый пододеяльник... Раскладушки на кухне для мамы и Сашиной сестры решила пока не ставить... успеется... сейчас нужно повесить шторы, которые дала хозяйка. Карнизов на крохотных окнах нет, лишь набиты три больших гвоздя — два по краям, один — посередине верхнего наличника... Нужно продеть в шторы верёвочку... а потом привязать её к гвоздям... Сейчас, она только попросит у хозяйки булавку, а то свою взять не догадалась...

...Аня обувала сапоги, чтобы сбежать в другую половину дома, когда неожиданно услышала стук в дверь. Решив, что это сама Мария Гавриловна, торопливо шагнула к двери, откинула большой металлический крючок...

— Привет... — загораживая собой весь остальной мир, в дверях стоял Виталий, — Можно войти?..

...Последнее, что врезалось в память Анюты, было его лицо — в свете луны оно казалось таким красивым... как тогда, ночью, в лесу...

...Большой, с тёмно-зелёными боками, будильник тикал так громко, что Анюте он казался колоколом. Но ещё громче будильника стучало её сердце... Его стук отдавался в висках, в кончиках пальцев, отражался от беленых известью чистых стен...

— Это была моя самая счастливая ночь... — лёжа рядом с ней в приготовленной для Сашиных родителей кровати, Виталик поцеловал её в обнажённое плечо, — Теперь мне будет, чем жить...

— А я?.. — в рассветной полутьме Анюта попыталась заглянуть ему в глаза, — Как же я расскажу теперь всё Саше...

— Зачем?.. — он продолжал целовать её тело, — Зачем рассказывать?..

— Ну, как же... а как же теперь...

— Теперь ты моя... моя...

— Да... но я должна буду всё объяснить...

— Ничего не нужно объяснять... мы будем встречаться... Никто ничего не будет знать... И он тоже...

— Что?.. — отстранившись, Аня искала глазами его взгляд, — Виталик... но мы же с тобой... ты же сам сказал — как решу...

— Но ты ведь решила? — он снова потянулся к ней, — Аня... я тебя люблю... ты меня любишь... мы не можем быть вместе, но мы можем встречаться...

— Подожди... — закрываясь одеялом, Анюта привстала на постели, — Ты предлагаешь мне просто встречаться?!

— А что нам остаётся делать?.. — теперь он целовал её лицо, — Я так по тебе соскучился, Аня...

— Нет... — она испуганно замотала головой, — Нет!.. А Саша?!

— Саша?.. А при чём тут Саша? Ему и так будет доставаться всё самое лучшее...

— Ты что... Виталик?! Ты что?! — на глазах Анюты показались слёзы, — Ты хочешь, чтобы я и с ним, и с тобой?!

— У нас нет другого выхода...

— А как же... ты говорил, что хотел жениться, потом развестись... что мы с тобой поженимся...

— Сейчас это невозможно, — Виталий сел и обхватил руками подогнутые колени, — во всяком случае, в ближайшие годы невозможно...

— Невозможно... почему?!

— Мне нельзя разводиться... вернее, не то, чтобы нельзя... но очень нежелательно. Я хочу вступить в партию, я уже кандидат... моральный облик, и всё такое... ты же знаешь, какой сейчас бюрократизм.

— В партию... — Аня казалась потрясённой, — Тогда зачем ты пришёл ко мне?! Ведь я... я же любила тебя всё это время... я стала забывать, но ты снова напомнил о себе... Зачем, Виталик?!

— Я люблю тебя... А сейчас буду любить ещё больше... Аня, если я буду знать, что ты со мной, мне будет легче жить...

— А как же я... — обведя глазами комнату, Аня как будто только сейчас окончательно поняла, что произошло сегодняшней ночью, — Господи... Что я скажу теперь Саше?!

...Уронив в ладони лицо, она беззвучно плакала, сидя в кровати. Осознание непоправимости случившегося пришло только теперь... Она не могла понять, как смогла решиться на такой поступок... всё произошло как во сне... в ней как будто выключился какой-то предохранитель, и она сама сделала шаг в пропасть...

...Она даже не заметила, когда Виталий успел встать и одеться — все мысли перемешались, в голове гудело...

— Аня... — снова присев рядом с ней, он обнял её за плечи, — Анечка... ведь мы с тобой любим друг друга... мы столько пережили... мы должны быть вместе, пусть так, украдкой... но — вместе!

— Когда люди любят друг друга, они должны вместе жить... а не встречаться по углам... — отняв от лица руки, Аня смотрела куда-то невидящим взглядом, — Господи... что я наделала...

— Мы не можем жить вместе... — взяв в ладони её лицо, он целовал её глаза, губы, щёки, — Но мы можем быть рядом... Хотя бы — рядом...

— Партия... — закрыв заплаканные глаза, Аня горько усмехнулась, — Будь она проклята, эта партия...

— Дело не только в этом, — нехотя отвернувшись, Виталий положил локти на колени и низко опустил голову.

— А в чём? — Аня снова безучастно смотрела перед собой.

— Есть ещё одно обстоятельство... — он выдержал недолгую паузу, как бы собираясь с духом, — Сандра... в общем, она опять беременна. Я предлагал ей сделать аборт, но она отказывается наотрез. Я...

— Уходи, — услышав страшную для себя новость, Аня не дала ему договорить.

— Аня...

— Уходи... — выдохнула она из последних сил, — Слышишь?.. Уходи...

...Дождавшись, когда за Виталиком захлопнется дверь, Анюта ещё какое-то время сидела в оцепенении. Затем, медленно поднявшись, накинула на себя платье — прямо на голое тело, и вышла на улицу. Чуть пошатываясь, дошла до калитки, зачем-то открыла вертушку... вцепившись в острые наконечники, какое-то время стояла, вглядываясь вдаль...

— Далеко собралась?..

Она не сразу поняла, что оклик относится к ней. Так же медленно повернувшись, увидела свою хозяйку — в коричневой плюшевой куртке, длинной, в сборку юбке и калошах, надетых поверх тёплых вязаных носок, в шерстяном цветастом платке, Мария Гавриловна с нескрываемым укором смотрела на свою жилищу. Видимо, женщина убирала опавшую листву — рядом, прислонившись к стене сарая, стояли грабли и метла.

— Здесь река далеко?.. — бледная, как мел, Анюта спросила это пересохшими губами, еле слышно, но, судя по ответу, хозяйка всё поняла.

— Может, тебе верёвку с мылом? — в тоне женщины не было ехидства, а только строгость, — И ходить далеко не надо...

— Может...

— Что, дел наделала, теперь — в кусты? — отряхивая на ходу руки, Мария Гавриловна неторопливо подошла к девушке, — А другие пусть разгребают?!

— Я жить не хочу...

— А придётся... — хозяйка стянула с головы тёплый платок и накинула Анюте на плечи, — А ну, пойдём в хату... А то на улице уж рассвело... неча других своим горем радовать. А, ну, идём...

Глава 23.

От Анюты Виталий уходил с двойственным чувством. С одной стороны, он испытывал искреннее счастье от того, что она ответила на его страстный порыв. Она не прогнала его, не закрыла перед ним дверь... она, действительно, любила его всё это время, её любовь сквозила в каждом движении, в каждом взгляде её синих-пресиних глаз...

Но, с другой стороны, он испытывал жгучую ревность. Она выходит замуж... и, если их связь не прервётся, то ему придётся делить её с законным мужем... Другого выхода у них нет. Хотя, то, что она будет не свободна, пожалуй, сейчас только на руку... она не будет предъявлять к нему претензий и не откроет их тайну Сандре. Тем более, вряд ли Аня расскажет своему жениху о том, что она изменила ему перед самой свадьбой.

...Откуда он взялся, этот курсантик?.. Впрочем, для такой красивой девушки, как Анюта, всегда найдётся ухажёр. Она не останется одна, и, уж лучше один соперник, чем постоянно меняющийся состав. Ведь сам Виталий не может предложить ей руку и сердце. На данный момент он крепко связан брачными и карьерными узами... Но и потерять свою Анечку в очередной раз он вовсе не хочет, тем более сейчас, когда их отношения переросли в настоящие, любовные...

Видимо, придётся жить с этой вечной болью и радостью вперемешку...

Что ж, пожалуй, это даже интересно... Новая роль пробуждает азарт.

Он совершенно спокойно не пришёл сегодня ночевать домой. Александру положили в больницу, с угрозой выкидыша, с сыном сидит Галина, он сказал ей, что вернётся поздно, и сейчас они уже спят. Встречать скандалом некому, и от этого на душе ещё радостнее. Хорошо, что тесть подарил им машину — нет проблем, как добраться домой в пять утра.

...Подъезжая к дому, Виталий с тревогой заметил, что окна его квартиры светятся. Понимая, что что-то произошло, он по пути лихорадочно придумывал причину своего

ночного отсутствия. Перед тем, как открыть дверь, на секунду задержался, затем, решительно выдохнув, вставил ключ в замочную скважину.

— Ну, что, зятёк... — Семён Ильич, заложив руки за спину, неторопливо вышел к прихожую, — Решил взяться за старое?

— Здравсьте... — разувшись, растерянно поздоровался с ним Виталий, — Что случилось?

— Ну, и на каком же это ты собрании так засиделся? — тесть оставил его вопрос без ответа, — Аж до шести утра...

— Я потом объясню... — молодой человек, действительно, не знал, что отвечать, и даже не пытался это сделать, — Что произошло?

— Виталик, Миша заболел... — Галина выглянула вслед за Семёном из гостиной, — Температура поднялась, а тебя нет. Я скорую-то вызвала, они приехали, говорят, нужно госпитализировать. Пришлось звонить Веронике...

— С твоим сыном сейчас бабушка в больницу уехала, — Семён Ильич продолжал грозно смотреть на зятя, — а я так и не услышал, почему тебя дома не было в это время?!

— Я... я был у родителей...

— Зачем врёшь? Вера сразу им позвонила. Тебя там и близко не было.

— Знаете, что, Семён Ильич... — собравшись с силами, Виталий решил поменять тактику, и сам пошёл в наступление, — Я уже достаточно взрослый человек, чтобы не отчитываться, где я был, особенно перед вами. Если и буду, то только перед вашей дочерью. А с ней мы сами разберёмся.

— Ошибаешься, зятёк. За свою дочь я любого по стенке размажу. Ты меня уже знаешь... Учти. Каждый твой шаг отныне мне будет известен. У меня есть такая возможность, можешь не сомневаться. И, если я получу подтверждение своим подозрениям, пеняй на себя. Никакой карьеры тебе не обломится. И поедешь ты по распределению осваивать сибирские просторы, беспартийным алиментщиком.

Разговор с тестем привёл Виталия в бешенство. Едва дождавшись девяти утра, он поехал к родителям. В связи с годовщиной революции отец уехал на праздничные мероприятия, дома была лишь мать, но и та вскоре должна была отправиться в театр. Упуская подробности сегодняшней ночи, Виталий вкратце рассказал ей об угрозах тестя.

— Что-то он больно борзым стал, — сидя в мягком, кожаном кресле в комнате матери, Виталий зло поджал красивые губы, — ментяра... думает, я за его паршивую квартиру и машину буду сапоги ему целовать?!

— Будь осторожнее, сынок, — Софья, по обыкновению, театрально откинулась на спинку дивана и положила ногу на ногу, — Семён человек сложный. Если кого невзлюбит, это навсегда.

— Да я что, в конце концов, не имею права на личную жизнь?! Мне его ментовские рекомендации не нужны, так что пусть воздух не сотрясает. У меня свой отец есть.

— Виталик... — Софья бросила на сына осторожный взгляд, — Ты с ним не ссорься. Я тебе ещё не говорила... у папы крупные неприятности.

— Что за неприятности? — Виталий нахмурился, — И по какой линии?

— Ты же слышал, что первого секретаря забрали в Москву?

— Ну, да... слышал...

— А новый пришёл, и начал новую политику. У папы с ним не получилось контакта.

— На какой почве?

— Ну... — Софья неожиданно замялась, как будто не хотела говорить правду, — Скажем так, на почве отношения к театральному искусству...

— Из-за тебя? — сразу уловив суть, Виталик опустил глаза и сидел, пристукивая носком ноги по ковру.

— Ну... в общем, да...

Отвечая на вопрос сына, Софья смутилась. Ни для кого в театральной среде не было секретом, что своему званию примы театра она обязана лишь своему супругу, курировавшему культуру и искусство. Так же мало кто не был в курсе, что этот факт подкреплялся очень близким знакомством самого Мясникова с первым секретарём обкома партии, закрывавшим после их совместных посиделок в сауне глаза на бездарность примы областного драмтеатра.

Теперь же, когда первый секретарь пошёл на повышение, ситуация изменилась. Его преемник имел изысканный театральный вкус, поэтому сразу указал Мясникову на использование служебного положения в личных целях.

— И — что? Его увольняют из обкома?

— Пока нет, но... мать совершенно неожиданно сделалась серьёзной, — Там всё очень сложно. Ты не ссорься с Семёном. Времена заходят непростые. Всё может случиться... А Семён крепко в своём кресле сидит, и Алёю никогда не оставит. Тем более, твоих детей. Не забывай, что их теперь у тебя двое.

— Пока не двое...

— Считай, что уже двое.

— Один — не мой... — парень упрямо поджал губы, — Ты знаешь...

— Тс-с-с... — Софья прижала указательный палец к губам, — Забудь об этом. Во всяком случае, пока — забудь... Помни только о том, что у тебя впереди большое будущее. Не рушь его своими руками.

— Знаешь, иногда мне просто дико хочется высказать этому менту, что Мишка — не мой сын... и что его горячо любимая доченька нагуляла его неизвестно от кого. Я уже готов пройти процедуру на предмет установления отцовства.

— И об этом пока забудь! Ты только настроишь его против себя, а анализ крови не подтверждает, а только предполагает отцовство. Могут быть совпадения. Не порть себе репутацию... И с ночными прогулками завязывай... Ни одна девка на свете не стоит твоей карьеры. Запомни... Ни од-на!

Только оказавшись в доме, Аня почувствовала, как озябла, пока стояла на улице возле калитки. Зуб не попадал на зуб, и было непонятно, от чего эта дрожь — от холода, или от нервного потрясения.

Войдя в комнату, Мария Гавриловна сразу бросила взгляд на разобранную постель. Увидев на белой простыне красное пятнышко, сдвинула брови и осуждающе покачала головой.

Аня всё ещё была в оцепенении. На негнущихся ногах она медленно прошла к кровати и присела на самый край. Ещё раз окинув её строгим взглядом, хозяйка сходила к себе и принесла какой-то газетный кулёк. Развернув, высыпала содержимое в эмалированную кружку — частички какой-то измельчённой травы почти беззвучно упали на дно. Поставив на электрическую плитку большой тёмно-синий чайник, женщина вернулась к Ане. Девушка так и сидела, глядя перед собой и сложив на плотно прижатых друг к другу

коленях руки.

— Сейчас вода закипит, я тебе чай заварю, — присев напротив, Мария Гавриловна посмотрела на Аню у же более участливо, — что ж ты так? В женихах запуталась?

— Это не жених...

— А кто? Может, он тебя насильничал? Ты говори, не бойся, от меня никуда не уйдёт.

— Нет... я сама...

Аня говорила еле слышно, едва шевеля бледными, пересохшими губами. Она как будто потерялась в пространстве и во времени... Не было сил ни мыслить, ни говорить.

— Что ж ты теперь Саше-то своему скажешь? Как оправдываться будешь? — в тоне хозяйки слышались и строгость, и сочувствие одновременно.

— У меня нет больше Саши...

— На гулящую ты не похожа... я ж так и думала — хорошая пара...

— Я не гулящая... я сама не знаю... как всё вышло...

— Зачем же ты его звала?! Этого, который утром уехал?

— Я не звала... он сам пришёл. А я... его люблю...

— Любишь?! — Мария Гавриловна вскинула удивлённо густые брови, — Вот так раз... а зачем же замуж-то за нелюбимого идёшь?!

— Саша... он хороший... он меня любит... И Виталик любит...

— Так чего ж вы с Виталиком-то не поженились?

— Он уже женат...

— Ах, ты, Господи!.. — хозяйка схватилась руками за лицо, — Женат!.. Да что ж ты, девка, натворила-то?! Перед самой свадьбой, да ещё и с женатым!..

— Я не знаю... я не хотела... я убраться пришла... я его не ждала...

— Так зачем ты егопустила? Женатый, да ещё и вечером... кто ж пускает?! Ты сама и виновата.

— Я знаю... Я всё расскажу Саше.

— Ты замуж-то за него зачем собралась, если не любишь?

— Он мне нравится... — Аня так и сидела, глядя отрешённым взглядом куда-то в стену, — Мы встречались полтора года... мне с ним было спокойно... А Виталик... я его давно люблю...

— А ну, погодь... я сейчас...

Услышав бряканье крышки кипящего чайника, Мария Гавриловна сделала рукой жест и торопливо вышла на кухню. Заварив в кружке принесённый чай, накрыла её сверху маленьким блюдцем и укутала чистым кухонным полотенцем. Вернувшись, снова уселась напротив Анюты.

— Я чай заварила. Пока суть да дело, и попьём... а ты говори... выговаривайся...

Говорить желания не было... но Аня, с паузами, нехотя, всё же рассказала хозяйке всю историю их отношений с Виталиком — от начала до конца. Слушая её, та то понимающе кивала, то осуждающе качала головой...

— Выходит, ты сама нечестно с подругой-то поступила, — Мария Гавриловна поправила на шее шерстяной платок, — и в тот раз не поняла, как всё произошло... и в этот... Эх, девка... вот и хорошая ты вроде... строгая на вид... А поступки неправильные совершаешь. Ну, да ладно, пойдём на кухню, чай уж заварился. Я там оладышков принесла, вчера пекла, но как свежие...

От принесённых хозяйкой оладий Аня отказалась. Кусок не лез в горло. До приезда

Елены Ивановны оставалось всего три часа, а у неё не было сил ни собраться, ни поехать на вокзал. Она взяла лишь налитый Марией Гавриловной чай и пила его маленькими глоточками, как будто боясь обжечься.

— Саша приедет, я ему всё расскажу...

— Если замуж передумала выходить, то расскажи. Чтобы не мучился, не думал, чем тебе не угодил.

— Я не знаю... я теперь ничего не знаю...

— Да только этот твой, Виталик... он теперь тебе проходу не даст. Развязал узелочек... хорошего не жди.

— Я не буду больше с ним встречаться.

— Это ты так себе думаешь. А у него, может, другие планы. Если жену бросит, то ещё один грех на тебя ляжет. Да и нельзя за мужиков выходить, у которых дети уже есть. Ох, нельзя...

— Он не бросит её... ему нельзя её бросать. У них второй ребёнок скоро будет...

— Значит, кобель он. И с ней играет, и с тобой играет. Ох, девка... неладный он парень... ох, неладный. Тебе бы от него подальше... да ведь любишь.

— Что же мне делать... я не знаю... — Анюта говорила почти беззвучно, одними губами, но, на удивление, собеседница понимала её речь, — Мне перед Саше стыдно... как я ему всё скажу...

— То, что ты наделала, плохо... только хуже ещё бывает...

— Не бывает... — Аня медленно покачала головой, — Хуже не может быть.

— Может, — усмехнулась Мария Гавриловна, — если ребёночек будет.

— Какой ребёночек?.. — Анечка впервые подняла на свою хозяйку округлившиеся от испуга глаза, — У кого?!

— Так не у меня же.

— У меня?!

— А что ты думала? Детки, они именно таким путём и появляются.

— Нет... — Аня отчаянно замотала головой, — нет...нет...

— Хоть тысячу раз скажи... а, если червячок завёлся, то никуда не денешься.

— Ужас... что я наделала...

— Вот тебе мой совет... — женщина снова строго посмотрела на девушку, — Причешись, умойся... прибери тут всё... и езжай мать встречать. Всё ей расскажи, пока те родители не приехали. А уж что она тебе посоветует, то и делай.

— Мама... как я ей скажу... — представив, как она сможет признаться Елене Ивановне в своём поступке, Аня закрыла глаза, — Я не знаю... нет, я не смогу... и Саше... не смогу...

— Ну, тогда и не говори, — откинувшись чуть назад, Мария Гавриловна удовлетворённо скрестила на груди руки, — оставь всё как есть. Схорони в себе.

— Но тогда я обману Сашу. Он не заслужил...

— Вчера надо было думать, что он не заслужил. А сегодня уже поздно.

— Я должна ему рассказать... если не простит, то...

— Нет уж, девка, — Мария Гавриловка пристукнула ладонью по столу, — если говорить, то свадьбу расстраивать наверняка. Если всё же решилась замуж — молчи! Как рыба молчи!

— Но это же нечестно...

— Нечестно жениху изменять. А молчать — это семью хранить. Ты только подумай —

он сейчас только о тебе и думает! Только тобой живёт, службу несёт! У него радость такая на душе, он друзьям про тебя рассказывает... А ты ему — на-ка подарочек! Заслужил он это, как думаешь?

— Нет...

— Вот то-то и оно. Пусть эта боль при тебе и останется. Неси её, как наказание. А Сашка твой хороший, я сразу заметила. Ты за ним не пропадёшь. О родителях подумай — они в такую даль едут, столько денег потратили, подарки, небось, накупили!

— Ой, мамочки... — уронив голову в ладони, Анюта всхлипнула, — Что я наделала... мне жить не хочется... Лучше утопиться!

— А за это больше ни слова! — женщина сердито поджала губы, — Ишь, какая... жить ей не хочется! Натворите делов, а потом жить вам не хочется! А родителям каково?.. — Матери — каково?! А ты знаешь, что такое своё дитя в гробу увидеть?! Как на могиле выть да волосы на себе рвать!..

Отняв руки от лица, Анечка удивлённо смотрела на неожиданно расплакавшуюся Марию Гавриловну. Она никак не ожидала, что строгая, даже суровая хозяйка может давать волю слезам.

— Не плачьте... — девушка осторожно дотронулась до морщинистой, в тёмных пятнышках, натруженной руки, — Мария Гавриловна... ну, пожалуйста... не плачьте... извините меня...

— Я ж вот дочку так схоронила... — вытирая заплаканные глаза кончиком платка, женщина шмыгнула носом и громко сглотнула слёзы, — Уж третий год, как в сырой земле лежит...

— Простите... — от услышанного Анюта переменялась в лице, — Я не знала...

— Понятное дело, что не знала... — Мария Гавриловна судорожно вздохнула, — Только как думаешь, откуда у меня, шестидесятидвухлетней старухи, пятилетний ребёнок?.. Не сама ж я его родила...

— Это же ваш внук, Дениска... я знаю...

— То-то, что внук... сирота горькая.

— А где его папа?

— Папа... — женщина горько усмехнулась, — Папа от него отказался... Я ж Розочку поздно родила... аж в сорок лет. После войны женихов-то не было... Те, что вернулись, молоденьких выбирали, а мне-то уж двадцать три года тогда исполнилось...

— Это же мало...

— Это сейчас кажется, что мало. А тогда... — чуть успокоившись, Мария Гавриловна положила на стол локти и чуть подалась вперёд, — Жених-то у меня был, до войны ещё... мать не дала нам пожениться, говорила, вдруг его убьют, и останусь я вдовой. А его осенью сорок первого призвали... так и ушёл, женихом...

— Он погиб?.. — Аня снова взяла в руки кружку и, не сводя с хозяйки взгляда, осторожно отпила несколько глотков.

— Нет, — глядя куда-то вперёд, Мария Гавриловна чуть наклонила голову набок, — вернулся. Только не один, а с невестой. Санитарочка, вытащила его с поля боя... так и женился там на ней, прямо на фронте. А мне что делать?.. Так и осталась одна. Парни-то на шестнадцатилетних заглядываются, а мне год за годиком счёт идёт... Так до тридцати лет и прокуковала в своей деревне. Пахала в колхозе, от зари и до зари. А ночами дома воем выла, да так, чтоб мать не слышала... На танцы, или посиделки какие соберусь — мать в дверях

стоит... Куда, мол, кобыла, собралась? Не стыдно? А мне и правда, стыдно... там же молодёжь одна... а мне уже считай скоро четвёртый десяток пойдёт... ну, и вот... — вздохнув, женщина чуть поёрзала, устраиваясь поудобнее на табуретке, — Приехала подруга из города, говорит, чего ты тут, в колхозе, сидишь? Так и помрёшь в девках. И сманила меня сюда, в город... Пошла я на завод... общежитие получила. Потом своего первого мужчину встретила... он инвалид был, без ноги. Да я и этому рада, природа ж своё требует, подруга скоро внуков нянчить начнёт, а у меня ещё и деток не было. Да я и не ждала... к тридцати девяти бесплодной себя считала, а в сорок-то и родила... И так я радовалась доченьке своей... Розой назвала, думала, будет она у меня цвести, как розочка...

— И что потом?.. — слушая горестный рассказ, Аня даже затаила дыхание, казалось, что она на какое-то время забыла о собственной беде.

— Муж мой быстро умер, Розочке ещё и года не было. Раны дали о себе знать... И остались мы с дочкой вдвоём. Я вот этот домик купила, одна его обустроивала. Нарочно на две половины разделила, думала, выйдет Роза замуж, будем рядом жить... Так и вышло. Только не совсем по-моему...

— Что-то произошло?..

— Произошло. Замуж Роза вышла рано. Ей семнадцать было, а жениху чуть больше... Поженились... в армию он ушёл, а Роза осталась... а через месяц оказалось, что беременная... Муж через два года вернулся, Дениска уже бегал, «мама-папа» говорил... Живи да радуйся! Только не судьба была радоваться. Кто-то что-то наговорил зятю... мол, ребёнок у Розы не его. Мол, как проводила она его в армию, так и загуляла. Уж как она ему доказывала, что неправда это... да и Дениска-то на него похож, а вот упёрся, и всё тут. Собрал вещи, и ушёл. Да ещё напоследок Розу всяко обозвал...

— А она?..

— А она... — женщина опустила взгляд и судорожно вздохнула, — Она в тот же вечер пошла и повесилась. Всю ночь я её искала... а утром нашла...

— Где?! — от услышанного Аня ещё больше побледнела и сжала ладони.

— Вон в том сарае... — Мария Гавриловна кивнула головой на окно, за которым виднелся потемневший от времени сарай, — Я-то её по улицам ищу... а она и со двора не выходила.

— Как же вы теперь тут живёте?!

— А куда нам деваться? Другого жилья у нас с Дениской нет. Так и живём... если бы не жильцы, по миру пошли бы давно. Да ты не бойся... — заметив, что девушка снова покосилась на окно, Мария Гавриловна скорбно покачала головой, — Привидений у нас нет. Никому моя Розочка не является... правда, предыдущий жилец, как узнал мою историю, так сразу и съехал... А я схитрить хотела, не стала вам всё рассказывать. Пенсия у меня небольшая, зять алиментов не платит... а опекунство я не оформляю...

— Почему?

— Тяжко это... про родную дочь всем рассказывать, да Дениску лишний раз расстраивать... Он теперь понимать всё стал, спрашивает, где его мама с папой... А что я ему скажу?.. — Мария Гавриловна в очередной раз тяжело вздохнула, — Ну, вот, теперь и ты знаешь нашу историю. А тебе теперь решать... выходить за своего Сашу или нет... и жить у меня, или бежать отсюда без оглядки.

— Я так хочу, чтобы вчерашнего вечера не было...

— А ты представь, что не было. Тяжко, знаю... только это лучше, чем себя в могилу

загонять.

— А, вдруг, и Саше кто-нибудь расскажет... — Аня опустила глаза, — Или он сам всё поймёт...

— Ты, главное, для себя реши, чего ты хочешь. Ты ж потом тут будешь жить... а Виталик этот дорогу сюда знает... Если дашь ещё слабинку, беда будет.

— Не дам... — Аня печально покачала головой, — Я, правда, хочу всё забыть.

— Хотелось бы верить. Да сердце женское из ваты сделано... — Мария Гавриловна тяжело поднялась из-за стола и, пройдя к выходу, обернулась, — Ты вот что... поезжай-ка на вокзал, встречай гостей. А я пойду, обед приготовлю, а то не успеть тебе уже. Продукты-то есть?

— Есть, — Аня тоже встала и, приблизившись к холодильнику, открыла настежь дверцу, — вот, всё, что найдёте, берите.

— А глупые мысли из головы выкини! — хозяйка на секунду застыла, потом резко повернулась к выходу, — Не для того тебя мать рожала, чтобы потом слезами обливаться. И за меня не переживай. Про то, что знаю — никому не скажу. И не только из-за тебя... Сашу мне твоего жалко. Хороший парень.

Глава 24.

— Аня, не дёргайся!.. Стой прямо!.. — соседка по комнате, Люба, запустив длинные пальцы с ярко-красным маникюром в уложенные в затейливую причёску волосы Анюты, отразилась в зеркале из-за её плеча, — Я сейчас всё поправлю... Только стой спокойно!

— Ой!.. — невольно вскрикнув, Анечка плаксиво наморщила лицо, — Больно!.. Люб, ты осторожнее... не помни...

— Не бойсь... — зажав во рту вытащенную шпильку, Любка сняла с Анютиной головы фату и протянула её другой соседке по комнате, Ольге, — Держи!..

Стоя напротив небольшого зеркала, которое девчонки сняли со стены и поставили на тумбочку, Аня терпеливо наблюдала, как подруга поправляет ей причёску, нечаянно смятую порывистым ветром. Анечка только что вернулась из парикмахерской, где ей уложили волосы и прикрепили к ним фату, но, пока она бежала к себе в общежитие, несколько прядей вырвались на свободу, и теперь причёска требовала коррекции.

Пока Любка, которая на целую голову была выше самой Анюты, ловко орудовала маленькой, с длинной ручкой, расчёской и украшенными белыми бусинами шпильками, Аня разглядывала своё отражение. Даже без лишней скромности сейчас она могла признаться, что такой красивой не видела себя ещё никогда. Белое трикотинное платье до самого пола, с широкими кружевными рукавами, восхитительно сидело на её хорошенькой фигурке, а пышная фата делала её похожей на прекрасную принцессу. Синие глаза казались ещё выразительнее в обрамлении длинных, пушистых ресниц. Розовая перламутровая помада подчёркивала красивые губы, мягко выделяя их на матовом лице. Прямой, правильной формы нос и щёки были чуть тронуты тональным кремом, а длинная, изящная шейка была украшена ожерельем из чешского стекла, привезённого Еленой Ивановной.

— Вот, теперь — ништяк! — заново закрепив фату, Любка отошла чуть в сторону и полюбовалась своей работой, — Ну, Анька... ты — богиня!.. Хотя... подожди... ща...

— Чего ещё? — Ольга тоже придирчиво осмотрела невесту и, пожав плечами, перевела взгляд на Любу, — Нормально всё!

— Ресницы надо чуть подкрасить! — девушка решительно открыла ящик тумбочки и, достав оттуда картонную коробочку с тушью, чуть послунявила щётку, — Говорила, надо

сначала в парикмахерскую, а потом уже макияж делать... Тушь осыпалась!

Потерев щётку о твёрдую чёрную поверхность туши, Любка прикусила верхними зубами нижнюю губу и несколькими привычными движениями прошлась по Анютиным ресницам снизу вверх. Снова полюбовавшись своей работой, удовлетворённо кивнула сама себе.

— О!.. Теперь тебя можно и замуж!

— Главное, чтобы было за кого... — Оля задумчиво покосилась на часы, — Чего-то жениха не видать...

До регистрации брака, назначенной на четырнадцать часов, оставалось всего два часа, и, если невеста была практически готова, то жениху ещё предстояло переодеться в свадебный костюм, висевший здесь же, в комнате у девчонок.

Анюта не виделась с Сашей уже больше двух недель, она лишь знала, что он приехал сегодня утром и должен получить долгожданное увольнение. Она и ждала их встречи... и боялась её одновременно.

Аня не знала, как посмотрит в глаза своему жениху, любящему её так сильно и беззаветно... После ночи, проведённой с Виталием, она все дни думала о них обоих, сбиваясь в мыслях с одного на другого...

Виталий был недоступен для того, чтобы связать с ним всю оставшуюся жизнь... и он показал себя не в лучшем свете, когда дал понять, что согласен на то, чтобы Аня вышла замуж и встречалась с ним как обыкновенная любовница... Анечка понимала, что не сможет простить ему этого оскорбления... Ведь он даже не попытался её отговорить от замужества! И, в то же самое время, она ловила себя на мысли, что любовь никуда не ушла, а лишь предательски затаилась, прикрывшись щитом обиды, и от этого становилось ещё тяжелее...

Думая о Саше, Аня металась в своих порывах... Сначала она была готова отменить свадьбу, рассказав всю правду жениху... несколько раз она чуть было не объявила об этом его родителям... но потом, чуть успокоившись, начинала вспоминать эти полтора года знакомства с Сашей. Ничего, кроме любви и заботы она от него не видела... она привыкла к нему, и, действительно, нуждалась в нём... Она не могла себе представить, как будет жить без него... без его внимания, его искренних чувств... к тому же, он, действительно, ей нравился всё больше и больше.

...Главной, решающей причиной того, что Анюта решила скрыть в себе свою боль и оставить всё как есть, послужил разговор с хозяйкой. Трагическая история дочери Марии Гавриловны врезалась в сознание Анечки... Ей было невыносимо жаль девушку, покончившую с собой из-за людской жестокости. Невольно сравнивая себя с Розой, Анюта всё больше и больше приходила к выводу, что ей несказанно повезло, что она встретила своего Сашу... даже не оказавшись в такой ситуации, Аня была уверена, что её Саша никогда в жизни не послушал бы чужие сплетни, и уж никак не оставил бы своего ребёнка сиротой...

«А если не своего?..»

Намёк Марии Гавриловны на ребёнка от Виталика поверг Анечку в настоящий ужас. Даже выходя замуж за Сашу, она пока не собиралась заводить потомства, она так и сказала об этом своему жениху. Ей нужно доучиться, тем более, что Саша получит распределение неизвестно куда, и им ещё два года придётся видеться очень редко. Этот факт тоже действовал положительно...

Собственно, и саму свадьбу можно было отложить до конца её учёбы. Но Сашка ни в какую не хотел ждать ещё два года... А Анечка... Анечка надеялась, что статус замужней женщины поможет ей забыть Виталика...

Она плохо представляла себе, как это будет связано, но всё равно надеялась — искренне и наивно...

...Да, о детях думать ещё очень рано. Но... слова хозяйки так и вертелись у неё в голове... А, если, это окажется правдой? Узнать наверняка она сможет лишь спустя какое-то время... Если отменить свадьбу, у неё будет реальный шанс стать матерью-одиночкой.

«Только не это...»

...Сейчас, глядя на себя в зеркало, Аня с трудом представляла, как она встретится сегодня с Сашей... Она вдруг подумала, что будет рада, если ему отменят увольнение.

— Ой, идут!.. — выглядывая в окно, Оля кому-то махнула рукой через стекло, — Сашка идёт, с пацанами! Ну, слава Богу!

...Эти минуты показались Анечке вечностью... Она с содроганием прислушивалась к тишине за дверью и, когда, наконец, услышала топот нескольких пар ног, внутренне напряглась.

— Ку-у-да?! Нельзя!.. — Любка кинулась на стук и, чуть приоткрыв дверь, замахала руками, — Тебе сюда пока нельзя!

— Аня!.. — раздался из коридора радостный Сашкин возглас, — Я тут!.. А-а-а-ня-а-а-а!.. ты чего молчи-и-и-шь?!

— От счастья обалдела! — метнувшись к шкафу, Любка схватила мужской костюм на плечиках и сунула его в протянутую из-за двери руку, — Шуруйте в тридцать вторую, там вас уже ждут! Только быстрее! Скоро такси подъедет!

...Услышав Сашкин голос, Аня не смогла произнести ни слова ему в ответ. Внезапно побледнев, она пошатнулась и едва не упала, но удержалась на ногах, ставших вмиг деревянными. Сделав шаг в сторону, она тяжело опустилась на стул.

— Ань, ты чего?.. — заметив её состояние, Ольга тревожно нахмурила чуть подведённые карандашом узкие брови, — Тебе плохо?..

— Нет... — Аня едва покачала головой, — Всё нормально...

— Э, девушка... — подбоченившись, Любка лукаво усмехнулась, — А ты, случайно, не того?.. Не в залёте?

— Ты что?! — Аня испуганно подняла на неё глаза, — Откуда?!

— А я почём знаю? Может, поддалась Сашкиным чарам, а? Я бы на твоём месте да-а-а-вно уже поддалась!

— Нет, я не в залёте, — Аня глубоко вздохнула, потом шумно выдохнула, — просто всю ночь не спала...

— Ой, всё!.. — выглянув в коридор, Ольга обернулась к соседкам, — Идут!..

— Выкуп... выкуп... — в два шага оказавшись у двери, Любка расправила плечи и воинственно тряхнула обесцвеченными перекистью волосами, — Ну, выворачивай карманы, женишок! Так просто мы тебе невесту не отдадим!

На сцену «выкупа» невесты собралась добрая половина общежития. Столпившись у двери, украшенной шутивным плакатом «Здесь живёт невеста», студенты и студентки весело, с хохотом наблюдали, как, отодвинув в сторону жениха, его товарищ, по всей видимости, свидетель, торгуется с подругами невесты.

— Ну, ладно, дадим вам за невесту... — Лёнька порылся в карманах пиджака, — Во! Катущку ниток!

— Че-е-е-го-о-о?! — Любка, рост которой приближался к ста восьмидесяти сантиметрам, грозно нависла над наглым выкупщиком, — Да за это только по шее!

— Тогда вот... — парень протянул заранее приготовленный кулёк конфет, — Теперь хватит?

— Это только на одну туфлю!

— Ну, ладно... — парень снова запустил ладонь в карман, — Добавим, пожалуй...

— Ру-у-убль?! — презрительно фыркнула Любка, однако купюру взяла, — За рубль можно ещё подумать... Ща...

Скользнув в свою комнату, она через несколько секунд выскользнула обратно, под дружный хохот, держа в руках Анютину туфельку.

— Это что?! — Лёнька повертел в руках «товар», — Нам невеста нужна целиком, а не по частям!

— Так плати! — Любка сама уже не могла удержаться от смеха, — Давай-давай, раскошеливайся! А ты, жених, чего стоишь?! Жмота какого-то привёл, так и останешься без невесты!

Вторую белую, на высокой шпильке, туфельку Люба вынесла за трояк. Весело отбиваясь вместе с Ольгой от рвущегося к невесте жениха, девчонки выцыганили ещё пятёрку и бутылку шампанского, и лишь потом дружно шмыгнули от дверей.

— Анька!.. — вихрем ворвавшись в комнату, Сашка заграбастал хрупкую Анечку в свои неумные объятия, — Анютка моя!.. Ну, здравствуй...

— Здравствуй... — пряча лицо у него на груди, Аня почувствовала, как её бросает в жар.

— Что с тобой?.. — заметив её странное состояние, Саша тревожно вглядывался в лицо своей невесты, — Ты заболела?..

— Нет, не заболела, — девушка попыталась улыбнуться, — просто... переволновалась...

— Ну, что, давайте одеваться! — Люба, которая уже вошла в роль свидетельницы, махнула рукой остальным участникам свадебной церемонии, — Кто в ЗАГС, кто в кафешку, помогать родителям на столы накрывать! Не стоим, двигаемся!

Укутав Анюту в пальто, Сашка сам не торопился надевать на себя верхнюю одежду — он так редко носил «гражданку», что не хотел прятать свой свадебный чёрный наряд под бушлатом. Сделав шаг вперёд, Аня чуть не запнулась о подол длинного платья — отдав туфли за свой выкуп, она так и стояла босиком. Тут же подхватив её на руки, жених торопливо шагнул из комнаты в коридор. Сашка нёс Анюту до самого такси, подъехавшего к общежитию несколько минут назад, и только усадив в машину, вспомнил, что невеста до сих пор босая.

— Туфли!.. — обернувшись, он поискал глазами своего товарища, — Лёнька, где Анюткины туфли?

— Да где-е-есть! — высунувшись из другой машины, Лёнька поднял высоко над головой белые «лодочки», — Ща отда-а-ам!

— Возле ЗАГСа отдаст! — Любка подтолкнула рукой Сашу, — иди, садись! Время!

— У неё ноги замёрзнут! — тот никак не хотел расставаться с Анютой, даже на полчаса, — На улице минус три!

— Это на улице, а в машине у нас плюс, — втиснувшись в «Волгу» рядом с Анютой, Люба хлопнула перед Сашкиным носом дверь, но на всякий случай посоветовала, — Ань, ты ноги под себя подбери... а то и правда замёрзнут...

...Дорога к месту бракосочетания заняла около пятнадцати минут. Поджав под себя босые, в одних колготках ступни, Аня вдруг подумала, что больше всего сейчас ей хотелось бы встретить Виталика... Чтобы он увидел её — в свадебном наряде, белой фате, такую

красивую, рядом со счастливым Сашей... Она даже представила себе картинку, как выходит из машины, грациозно подавая жениху руку... ветер развеивает белоснежную фату, а она, Анечка, идёт, чуть приподняв подол платья и опираясь на Сашину руку... Она идёт, не глядя на Виталия, не замечая его сожалеющего, отчаянного взгляда, который прожигает ей спину...

...Украшенная цветными лентами «Волга» плавно притормозила у ЗАГСа, и вслед за покинувшими машину Любой и Олей Анечка придвинулась на край сиденья, ожидая, когда ей подадут туфельки.

— Жениху пока не до невесты, поэтому доверили мне... — неожиданно возникший в дверном проёме Лёня с очаровательной улыбкой присел на корточки, — Давай...

— Что — давай?.. — Аня вопросительно смотрела на свидетеля.

— Ноги давай! — рассмеялся тот и протянул руку, — Обувать тебя буду!

— А Саша где? — Анюта попыталась поискать глазами своего жениха в толпе встречающих гостей.

— В материнских объятиях! — Лёнька упорно не убирал руки, — Тётя Валя на нём сразу повисла, как увидела... дядь Ваня следующий на очереди, так что ты пока на моём попечении.

— Аня, ну, что там?! — Любкина голова показалась из-за Лёнькиного плеча, — ты обулась?

— Пока нет, — тот запрокинул голову к девушке, — сопротивляется! Жениха требует!

— Аня, обувайся, — свидетельница не оставляла командирского тона, — пока жених до тебя через родительский кордон доберётся, как раз ночь наступит.

— Давай туфли, — Анюта сама попыталась забрать свою обувь у Лёньки, — я сама.

— Не-а... — тот как-то странно улыбался ей снизу, — Давай ноги...

Чувствуя, что ступни уже прилично замёрзли, Аня нехотя свесила обе ноги наружу. С лёгкой полуулыбкой водрузив на них белые свадебные лодочки, Лёнька снова поднял на девушку глаза и, встав во весь рост, помог выйти из машины.

— Аня, я ту-у-ут! — вырвавшись из горячих объятий любящих родственников, Сашка сломя голову бежал к ней навстречу, — Я уже иду-у-у!..

...Свадьба была в самом разгаре. Сашины родители то и дело обнимали молодую невестку, нахваливая выбор сына. Елена Ивановна тоже не отставала, расцеловывая зятя после выпитого залпом бокала шампанского. Сашкины сослуживцы, уже знакомые с Анютиными сокурсницами, то и дело отпускали шуточки, играя в игры, и всю налегали на «цивильную пищу». Раскрасневшиеся, нарядные девчонки громко и звонко хохотали, пользуясь случаем показать себя во всей красе не в прокуренном танцевальном зале надоевшей общаги, а в весёлом свадебном действе.

Праздничная, весёлая суматоха увлекла Анюту, так, что она на какое-то время совсем забыло о том бремени, которое теперь несла. Она тоже веселилась вместе со всеми, принимала поздравления и подарки. Она, действительно, чувствовала себя счастливой... настолько, насколько может быть счастливой невеста, окружённая любовью родных и своего избранника.

Судя по радостной обстановке, счастливы были абсолютно все, но самым счастливым на этой шумной студенческой свадьбе был, пожалуй, Саша... В предвкушении долгожданной брачной ночи он даже не пил спиртного, ограничившись двумя символическими глотками шампанского, и поэтому, когда кто-то под столом стащил с Анютиной ноги туфлю и

предложил выпить из неё вина, растерянно улыбался, оглядываясь вокруг, как бы ища поддержки.

— Если он столько сейчас выпьет, никакой брачной ночи не будет! — Лёнька решил спасти положение и, перелив вино из туфельки в свой стакан, наполнил её газировкой, — Вот теперь пусть пьёт!

Осушив под общий смех невестину обувь с лимонадом, жених припал на одно колено. Надевая туфельку назад, Сашка не удержался, проехавшись ладонью по Анечкиной ножке чуть вверх... Как будто вспомнив о чём-то, она тут же изменилась в лице, и до самого конца свадьбы так и не смогла справиться с охватившим её унынием. Чем ближе был час, когда жениху и невесте положено покинуть свадебный стол, тем растерянее становилась Анюта. Она с радостью перенесла бы сегодняшнюю ночь на другую дату... если бы была такая возможность. Но, подстёгиваемая чувством вины и неизвестности, около полуночи покорно покинула вместе с Сашей студенческое кафе.

— Аня... Анечка... — оказавшись в заранее снятом гостиничном номере, Саша тут же заключил свою теперь уже законную жену в горячие объятия, — Ты прости меня... ладно?... прости...

— За что?.. — уже в который раз за сегодняшний день Аня робко и как-то обречённо отвечала на его поцелуи, — За что, Саша?

— Ты же всё это — одна... Готовилась одна... родителей встречала одна... Я не мог ничем помочь... Прости меня?..

«Это ты меня прости...» — чуть было не сорвалось у неё с языка в последний момент, но она сдержала свой порыв...

...Открыв глаза, Аня смотрела в ещё тёмное окно. Как ни старалась она уснуть, это ей не удалось, в отличие от Сашки. Сжав её в объятиях, он провалился в счастливый сон перед самым рассветом. Анечка лежала, не шевелясь — при каждом движении муж ещё крепче прижимал её к себе.

...Она со страхом ждала его пробуждения. Ей казалось, что, утратив свой первый пыл, Саша задаст ей самый главный и страшный вопрос, на который у неё не было ответа. Аня не представляла, что скажет Саше, как сможет взглянуть ему в глаза...

Стрелки будильника, заведённого ею с вечера, показывали шесть часов утра. Понимая, что через секунду раздастся звонок, и что объяснения неизбежны, Аня решительно высвободилась из горячих Сашкиных рук.

— Саша... — она легонько потрясла его за плечо, — Саша, вставай... пора...

Как будто только и ожидая её слов, он мгновенно открыл глаза и сел в постели. Аня смотрела на него с непонятной для него тревогой. Взорвавшийся жутким звоном будильник заставил её вздрогнуть, и, потянувшись, Аня торопливо нажала на кнопку.

— Анютка... — притянув её к себе, Саша уткнулся губами в нежную кожу женской шейки, — Я такой счастливый... ты даже представить себе не можешь...

— Я тоже... — чувствуя, как из-под века скатывается горячая слезинка, Аня печально принимала его пылкие ласки, — Счастливая...

О своей беременности Аня догадалась сразу, не прошло и месяца со дня их с Сашей свадьбы. Поход в женскую консультацию в середине декабря подтвердил её предположение. Несмотря на то, что у неё были совершенно другие планы относительно ребёнка, она не ощутила огорчения. Собственно, она была готова к такому повороту событий после свидания

с Виталиком... она боялась этого, и это было одной из причин того, что она не передумала выходить замуж за Сашу. Анечка надеялась, что «пронесёт», но не пронесло. Узнав о том, что она беременна, Аня ощутила неизвестное ранее чувство предвкушения материнства. Она даже не могла предполагать, что это возможно — так любить своё ещё не родившееся дитя... любить настолько, что быть готовой пожертвовать учёбой и своим будущим. Привыкшая рассуждать здраво, Анюта сразу поняла, что ей придётся переводиться на заочное отделение, и, несмотря на то, что этот факт не вписывался в её планы, приняла его как неизбежность.

Виталий больше не появлялся... она была и рада этому, и не рада... Простить его Анюта уже не могла, но факт того, что он не ищет встречи с ней, задевал женское самолюбие. Она не знала наверняка, кто является отцом её ребёнка... С Сашей они виделись по-прежнему, нечасто, но, судя по сроку, зачатие произошло сразу после свадьбы... или незадолго до свадьбы, в ночь, проведённую с Виталиком.

Её трепет и волнение, с которыми она объявила Сашке о своей беременности, тот воспринял по-своему, решив, что Анюта сомневается в его реакции на эту новость. Подхватив на руки, Сашка долго кружил жену по комнате, пока у Анюты, действительно, не «поплыла» голова.

— Аня... — уложив на кровать, Саша испуганно дул на её побледневшее лицо, — Анечка, прости... я от радости... Ань, скажи, что нужно сделать?.. Водички дать?!

— Всё, прошло... — держась рукой за голову, Анюта болезненно нахмурилась, — Саш... ну, ты что... меня и так мутит постоянно...

— Ну, прости... — он уже целовал её лицо, не в силах сдерживать счастливую улыбку, — Аня... а когда?.. Когда это... ну, когда он родится?!

— Почему — он? — Аня невольно улыбнулась, — А, вдруг, она?

— Да мне всё равно! — Сашка радостно махнул рукой, — Пусть хоть сразу двое!

— А если трое?.. — Аня окончательно рассмеялась, — Не боишься?

— Не боюсь... с тобой хоть четверо... Ну, когда, Ань?!

— В августе.

— Когда?! — Сашка возмущённо округлил глаза, — В августе?!

— Да... А что?

— Почему так долго?..

— Девять месяцев... сам посчитай.

— Ну, да... — он растерянно покачал головой, — Всё равно — долго...

Глава 25.

С Виталием Анюта увиделась перед самым новым 1985 годом. Выйдя из института, она попрощалась с однокурсницами и поспешила в сторону частного сектора. Дом Марии Гавриловны находился не очень далеко, в двух остановках от института, и в хорошую погоду Аня всегда ходила домой пешком. Она уже стала привыкать к своему новому жилищу, хотя всё ещё скучала по своим девчонкам и частенько забегала вместе с ними на обратном пути в своё бывшее общежитие.

Сначала ей было очень тяжело оставаться в доме, где прошла ночь с Виталиком. Всё напоминало об измене, и Аня даже подумывала съехать с этой квартиры. Но, почитав объявления, она не нашла другого подходящего варианта — в большинстве случаев предлагалось совместное проживание с хозяевами, и дома были расположены слишком далеко. К тому же, беременность изменила все планы, и Анечка понимала, что ей, в любом

случае, придётся вскоре уехать — или вместе с Сашей, на его новое место службы, или домой, к матери.

Аня решила терпеть... Ту ночь с Виталиком она старалась забыть, но мысли о ребёнке всё равно возвращали его к ней.

...Сегодня она торопилась домой — вечером Саша должен был получить увольнение. Ещё с детства Елена Ивановна научила дочь готовить, и внушила, что кастрюли никогда не должны быть пустыми. Каждый раз, когда Сашка оказывался дома, его ждал вкусный обед или ужин. Несмотря на молодость, Анечка оказалась хорошей хозяйкой и заботливой женой. Она сразу осматривала Сашкину форму на предмет оторванных пуговиц — ей казалось, что, если он вернётся из увольнения «не с иголки», то её осудят его товарищи. Правда, пуговицы у него всегда были в порядке, как и подворотнички, но Аня всё равно проявляла в этом деле несвойственную в этом возрасте дотошность.

Она была благодарна мужу за то, что после свадьбы он ни в чём её не упрекнул и не задал ни одного вопроса... эту благодарность она не могла высказать вслух, а лишь таила в душе, заменяя ею пылкие чувства, которых у неё к мужу, увы, не было. Впрочем, причин для благодарности у Анюты было много. В недолгие часы их свиданий Саша был готов носить её на руках, и единственное, чего боялась Анечка, что Виталий вздумает нанести ей ещё один визит, и именно в это время. Простить его она уже не могла, и к себе бы не пустила, но ей совершенно не хотелось объяснять Саше, что это за мужчина, и почему он пришёл к ним в дом.

...Забежав по пути в небольшой продуктовый магазин, Аня купила свежий батон, молоко и немного карамелек — Сашка любил сладкое, да и ей в последние дни ужасно хотелось леденцов.

Щурясь на декабрьское солнышко, готовое вот-вот закатиться за горизонт, Аня сошла с крыльца и уже повернула на свою тропинку, когда знакомый голос за спиной заставил её вздрогнуть.

— Аня!

Остановившись, она медленно повернулась. Бросило в жар... В модной дублёнке, джинсах, норковой шапке и солнцезащитных очках, Виталий стоял позади неё, заложив руки в карманы.

— Что ты здесь делаешь? — Анюта не стала здороваться, а лишь задала вполне уместный вопрос.

— Жду тебя. Я ехал за тобой от самого института.

— Зачем? — её синие глаза смотрели строго, но эта строгость была с оттенком печали.

— Я соскучился...

— Я должна броситься тебе на шею?

— Нет, но...

— Ты зря проделал такой долгий путь. Извини, я тороплюсь...

— Я хочу с тобой увидеться.

— Не вижу смысла. Пока.

— Аня! — прежде, чем она повернулась, чтобы уйти, он успел схватить её за локоть, — Подожди!.. Ну, давай, поговорим!

— О чём? О партии? — Анюта невесело усмехнулась.

— При чём тут... О нас с тобой.

— Нас с тобой — нет! Виталик, понимаешь?! Нет!

Вырвав руку, Аня смотрела на него с нескрываемым отчаянием. Если бы он мог читать по глазам, то узнал бы сейчас о многом. О том, как она ждала его — тогда... не выходя из комнаты несколько суток... как звонила к нему домой, как обливала слезами засохшие гвоздики на окне... как думала о нём все дни и ночи напролёт, тоскуя и надеясь на встречу... как всматривалась в каждого прохожего, стоя на крыльце института... как хотела обрезать волосы — сама, тупыми ножницами, лишь бы не видеть больше эту проклятую причёску, сделанную только ради него!..

...И как предала человека, который любит её по-настоящему, больше жизни... предала накануне свадьбы, ради того, чтобы ещё хоть на мгновение оказаться в его, Виталия, объятиях... а наутро услышать о том, что они не могут связать свою судьбу, потому, что у него скоро будет ещё один ребёнок.

— А ты очень повзрослела, — он пристально смотрел на неё, чуть прищурив серые глаза, — при чём, быстро.

— Я вышла замуж, Виталик.

— Ну, и как же тебе живётся... замужем?.. — в его голосе послышалась усмешка и едва уловимая ревность.

— Отлично, — Аня чуть улыбнулась краешком губ, — у нас всё хорошо.

— Оба счастливы... да?

— Да, оба.

— Не обманывай, Аня... — внезапно посерьёзнев, Виталий подошёл совсем близко, — Не обманывай ни меня, ни себя.

— А я не обманываю... всё, уходи... уходи...

Волна тошноты накатила внезапно, так, что Аня едва успела отбежать к ближайшему дереву. Район был тихим, сплошь из частных домов, и народу на улице почти не было. Постояв с минуту, Виталий шагнул за ней следом — побледневшая Аня стояла, прислонившись к толстому берёзовому стволу... Стараясь побороть приступ токсикоза, она глубоко вдыхала свежий морозный воздух открытым ртом.

— Что с тобой?.. — он тревожно смотрел, как она дрожащими пальцами достаёт из сумки носовой платок.

— Ничего, — сделав ещё один глубокий вдох, девушка шумно выдохнула, — уходи, Виталик... я прошу тебя, уходи.

— Ты что... ты беременна?..

— Нет...

— Не обманывай.

— Какое твоё дело? — она подняла на него измученный взгляд, — И вообще... Не вздумай больше приходить. Слышишь?.. Никогда!

Окончательно придя в себя, Аня перекинула через плечо сумку и быстрым шагом направилась в сторону своего дома.

— Аня!.. — Виталий снова окликнул её спустя несколько секунд, — Подожди!..

— Ну, что?.. — нехотя остановившись, Аня всё же обернулась.

— Скажи... только не обманывай... это — мой ребёнок?

— Ты что? — она изо всех сил выдавила из себя улыбку, — С ума сошёл?! У меня нет никакого ребёнка! Ты слышал?! Нет!

...Вечером, дождавшись Сашу, Аня была рада ему, как никогда. Спрятав лицо у него на груди, она пыталась заглушить всколыхнувшиеся чувства к другому человеку... человеку, не

стоившему и мизинца её замечательного, но, увы, не любимого мужа...

Несмотря на то, что она не могла рассказать Сашке о своей боли, Аня давно заметила, что рядом с ним к ней приходит покой. Такое бывает лишь с очень близкими и родными людьми. Ей бы ужасно хотелось рассказать ему обо всём, что творится в её душе... если бы он был просто другом. Она была уверена, что он нашёл бы для неё слова утешения...

Но это было невозможно. Саша был другом... и мужем одновременно.

Как ни старалась Аня скрывать своё состояние, он всё-таки заметил её подавленность.

— Почему ты такая грустная? — лёжа на кровати, он чуть сильнее сжал её в кольце рук и прикоснулся губами к волосам.

— Саша... — не отвечая на вопрос, Аня подняла на мужа задумчивый взгляд, — А, если бы тебе предложили чин полковника... сразу!

— Сразу не бывает. — улыбнулся Сашка.

— Ну, вот так вышло... предложили! Но в обмен на то, что ты откажешься от меня...

— Ух ты... — он хитро покосился на жену, — Ну, я бы поторговался... пусть генерала хотя бы дадут!

— Я серьёзно.

— И я серьёзно.

— Саш, ну, я очень серьёзно! — Анечка слегка шлёпнула ладошкой по его руке.

— Анютка, ну, что тебе за мысли в голову приходят? — он смотрел на неё смеющимся взглядом, — Ты же знаешь, что лейтенанту не дают полковника...

— И это вся причина?! — приподнявшись на локте, Аня возмущённо нахмурила брови, — Значит...

Договорить он ей не дал. Снова схватил в охапку, повалил на кровать, зажал губы поцелуем...

— Анька... — чуть позже, взглядываясь в её синие-пресиние глаза, Сашка был абсолютно серьёзен, — Знаешь... даже если бы мне предложили стать генеральным секретарём в обмен на тебя, я бы отказался... да что там секретарём... властелином мира...

— Неужели бы отказался? — пряча улыбку, Аня изобразила недоверие, — За какую-то меня отказался от целого мира?!

— Не за какую-то, а за самую любимую. Ну, зачем мне мир, если в нём не будет тебя? Тем более... — он провёл ладонью по её пока ещё плоскому животу, — Тем более, что вас у меня уже двое... Знаешь, я даже не думал, что всё так быстро получится! Всё ждал, когда мы поженимся, думал, что счастливее уже не буду... А оказалось, что — буду...

— Ты меня сильно любишь... правда? — почувствовав от его слов неведомое раньше волнение, Аня задала вопрос, ответ на который знала наверняка, но хотела услышать именно сейчас.

— Правда. Я даже не знаю, почему, тогда, на картошке, не сразу обратил на тебя внимание... Сам себе удивляюсь... Пришли в клуб, столько девчонок... глаза разбежались... А ты ведь там была... совсем рядом...

Как будто вспомнив о чём-то, Саша хмуро посмотрел на противоположную стену. Аня сразу заметила перемену, произошедшую с ним в несколько секунд. Она очень хотела задать ему один вопрос... Она давно хотела задать его, он вертелся у неё на языке всегда, как только речь заходила о той осени, когда они впервые увидели друг друга. В этот раз она решила набраться смелости...

— А ты помнишь ту девушку, с которой ты тогда танцевал? — Аня пытливо смотрела на

мужа, ожидая его реакции на свой вопрос.

— Так... — он неопределённо пожал плечами и почему-то слегка покраснел, — В общих чертах.

— Но ведь она тебе понравилась? Ты же не просто так пришёл к институту с букетом?

— Сначала понравилась... — было видно, что Сашка отвечает с неохотой, — А потом... Хорошо, что она замуж вышла!

— Железная логика! — Анюта невольно рассмеялась, — Понравилась, но хорошо, что вышла замуж!

— Ну, да... — муж тоже смущённо улыбнулся, — Я не то хотел сказать... Я хотел сказать, что хорошо, что я встретил тогда именно тебя, а не кого-нибудь другого. Я ведь после той встречи только о тебе и думал... Потом ещё несколько раз приезжал к вашему институту. Но искал уже только тебя. Я же рассказывал... мне сказали, что ты бросила учёбу и уехала.

— А Сандру... больше не видел?

— Кого?

— Ну, Алю.

— Нет, не видел. Я тебя искал...

— У вас с ней что-нибудь было?.. — вопрос всё-таки вырвался наружу... В ожидании ответа Аня снова подняла на Сашу пытливым взгляд.

— С кем?.. — ей показалось, что он переспрашивает нарочно, чтобы оттянуть время.

— С Алей.

— Нет... — он снова пожал плечами, и Анюте показалось, что муж слегка замешкался с ответом, — Что у нас могло быть? Потанцевали пару вечеров, и всё. Я знал её имя, знал институт... Только поэтому решил найти.

— Правда, ничего не было?

— Ну, конечно, правда...

Поздно вечером, проводив Сашку, Анюта долго ворочалась в постели.

«Ну, чего прицепилась?.. А, если он спросит, было у меня с кем-то до него или нет?..» — мысленно корила она себя, в то же самое время чувствуя, как невидимый червячок ревности, совершенно непонятной в её ситуации, предательски подтачивает женское самолюбие.

Саша, действительно, не задавал лишних вопросов. О прошлом Анюты он знал немного, лишь то, что она рассказывала ему сама — бросила иняз из-за неудачной любви... её парень женился на другой... она уехала, потом перевелась, и больше вспоминать об этом не хочет. Имен Аня не называла, а Саша не спрашивал. Он был счастлив уже тем, что Анечка — с ним... А больше ему ничего и не нужно.

«Всё будет хорошо... Главное, чтобы Виталик больше не напоминал о себе...»

Зло хлопнув дверью, Виталий рывками сбросил с себя тёмно-бордовые, в прострочку, туфли на завышенном каблуке и, громко топая, прошёл в кухню. Подставив под сифон стакан, наполнил его газировкой и нервно, в два глотка, осушил содержимое. Июньское солнце пригревало сквозь прозрачный тюль, наполняя помещение теплом и уютom, но он безжалостно задёрнул лёгкие шторы и так же, рывком, открыл холодильник. Барабня пальцами по дверце, пробежался взглядом по заваленным продуктами полочкам.

— Ты чего шумишь? — Александра, щурясь спросонья, показалась в дверях, — Я только

Мишку уложила...

— Ничего, — со стуком захлопнув холодильник, Виталий открывал одну за другой крышки на кастрюлях, — у нас что, на обед ничего нет?

— Ой, я не успела... — выпятив вперёд большой живот, Аля взялась ладонями за поясницу, — Миша капризничал, не до того было. Пожарь себе яичницу...

— «Ой, я не успела!.. Ой, пожарь яичницу!..» — всплеснув руками Виталик передразнил жену, — Ты вообще что-нибудь успеваешь? Курица...

— Виталик, мне тяжело, у меня уже живот опустился...

— У тебя всю жизнь отговорки!

— Я была с ребёнком!

— А другие как?! Всё успевают, и даже с животами... и, между прочим, у них нет домработниц! А у нас сразу понятно, когда Галина выходная! Кастрюли пустые, дома не убрано! Самой не противно?!

— Мне ты противен, понял?! — Александра с обидой смотрела на мужа, — Поносил бы сам такой живот, посмотрела бы я на тебя!

— Тебя никто не заставлял, — швырнув на плиту сковородку, тот разбил в неё три яйца, — это была твоя идея.

— Скотина... — резко повернувшись, Аля шагнула к выходу, — Чтоб ты сдох...

Поджав губы, супруг оставил последнюю фразу без ответа. В последнее время такие выражения в свой адрес Виталий слышал довольно часто, сам не оставаясь в долгу. Второго ребёнка Александра носила против его воли. На все уговоры сделать аборт она ответила отказом, вызвав у мужа вместо ожидаемого прилива любви прилив ненависти. Она снова подурнела лицом, а, заодно, и характером, особенно теперь, перед родами. Вероника Григорьевна, которой иногда случалось быть свидетельницей перепалок дочери с зятем, заступалась за Виталия, выговаривая Але, что так с мужчинами обращаться нельзя. Самому же Виталику тёща советовала не обращать внимания на грубость жены и списывала её поведение на тяжело протекающую беременность. Она просила зятя проявить терпение и снисходительность, предполагая, что после рождения ребёнка Александра изменится, и станет вновь ласковой женой. Верилось ему мало, но он обещал потерпеть, тем более, что других вариантов пока не было.

...На самом деле терпение иссякало на глазах. В некоторые моменты молодой человек был готов уйти из дома, бросив и беременную жену, и сына... Но, выглянув в окно, он цеплялся взглядом за свой новенький «Жигуль», который ему пришлось бы оставить здесь, потом вспоминал о предстоящем распределении, а, заодно, и о том, что отца, судя по всему, скоро перекинут на другую, менее уважаемую работу, и он лишится многих полномочий и привилегий. А, значит, больше не сможет быть той опорой своим близким, которой был много лет подряд. Из всего этого следовал один единственный и весьма неутешительный вывод, что путеводной звездой на сегодняшний день является Семён Ильич, тесть Виталика и отец Александры...

А, значит, «рыпаться» ему ещё очень рано.

Угнетало ещё и то, что с некоторых пор Виталий чувствовал себя узником в замкнутом пространстве. Он не встречался с друзьями — он сам порвал все юношеские связи... он не ходил по ресторанам и барам, как в недавнем прошлом — из страха, что может что-нибудь натворить по пьяному делу, и испортить свою репутацию, ведь тесть вряд ли снова будет его отмазывать...

Стремясь к ранней карьере, он сам поставил себя в определённые, жёсткие рамки...

...Единственным, от чего бы он не отказался, была связь с Анечкой. Но даже не её запрет на встречи служил преградой для возобновления их отношений. Виталику, действительно, казалось, что тесть установил за ним тотальную слежку, в чём ему пришлось убедиться лично, когда на следующий день после разговора с Анютой Семён Ильич поинтересовался, что делала машина зятя в таком-то районе, в такое-то время. В тот раз Виталику удалось придумать что-то правдоподобное, но призадуматься пришлось...

Между тем, декабрьская встреча с Анечкой не шла у него из головы... То, что он увидел, было ничем иным, как приступом токсикоза. Он насмотрелся этих приступов у Сандры...

...Да, Анюта беременна... и, почему-то, ему кажется, что это именно его ребёнок. Недаром она отнекивалась! Это известный женский приёмчик... Вот, если бы отцом ребёнка был этот курсантик, её муженёк, она объявила бы об этом с гордостью, стараясь уязвить его, Виталия... Но она почему-то упорно говорила «нет». Значит, ребёнок этот — его.

...Чёрт возьми... Подлая штука жизнь... заставляет быть с нелюбимой женщиной, которая рождает ему нежеланных детей! А та, с которой он был бы счастлив проводить дни и вечера, теперь будет скрывать от него сына или дочь, прикрываясь своим, чёрт знает откуда взявшимся мужем...

...Появляться возле института, а, тем более, возле дома, где жила теперь Анюта, Виталий опасался. Номер его «Жигулёнка» теперь на примете... Тесть постарался. Ездить на общественном транспорте — тоже навлекать на себя подозрения. Сандра знает, что он пешком теперь не ходит, и, если оставил машину дома, то из каких-то своих, корыстных, побуждений... К тому же, его внешность слишком яркая и запоминающаяся, а многим и вовсе знакомая, чтобы не примелькаться в общественных местах. Выслеживать Анюту нет смысла и времени — он не знает наверняка, когда у неё заканчиваются занятия, и куда она может отправиться после них. Все предыдущие их встречи были результатом его упорного сидения за рулём напротив входа в институт... Теперь же этот вариант отпал.

Заявиться к ней домой тоже было верхом глупости... Там мог быть муж, и разгоревшийся скандал имел бы все шансы выйти наружу...

Как ни крути, а ситуация складывалась неудачная.

...Он мучился целый месяц. Желание вновь увидеть Анюту было таким сильным, что Виталий был готов наплевать на все меры предосторожности, но благоразумие каждый раз брало верх.

Помог случай. В один из дней Олегу срочно понадобилась машина, и накануне он попросил у Виталика на пол дня его «Жигули». Сделав вид, что отдаёт ключи с неохотой, тот уже прикидывал план действий. Поехав с утра в институт, он пробыл там совсем немного — курс был выпускной, и посещения не регламентировались. Показавшись на глаза многим знакомым и преподавателям, он незаметно забрал в гардеробе одежду и выскользнул из здания. Поездка на другой конец города на троллейбусе заняла около сорока минут, и, добравшись, наконец, до нужного микрорайона, Виталий направился к пединституту. Он прогуливался неподалёку около полутора часов, и уже порядком замёрз на январском ветру, пока дождался Анюту.

...В этот раз его ждало разочарование... Парень в форме курсанта появился совершенно неожиданно, буквально за несколько минут до Анечки... Выйдя из здания, она сразу оказалась в его объятиях... Виталику только оставалось смотреть, как, взяв под руку мужа, Анюта что-то весело рассказывает ему по дороге домой...

...Следующая их встреча состоялась уже в конце марта. На этот раз Анечка была одна... Демисезонное драповое пальто, тёмно-синего цвета, в форме трапеции уже не могло скрыть аккуратного животика...

— Здравствуй... — сняв чёрные очки, Виталий пристально смотрел на Анюту.

— Здравствуй, — вздрогнув от неожиданности, она взглянула на него чуть исподлобья.

— Зачем ты меня обманула?

— Обманула?.. — её удивление было искренним, — В чём?!

— В том, что ты не беременна.

— А тебе не кажется, что это не твоё дело?

— Мне кажется, что это моё дело, и мой ребёнок.

— Если ещё раз покажется, перекрестись. Извини, мне нужно идти...

— Аня... — он снова, как и в прошлый раз, задержал её за локоть, — Я не буду стоять у тебя на пути... я не буду мешать твоему счастью... только скажи правду... Это — мой ребёнок?

— Ты — на моём пути?! — усмехнувшись, Аня недоверчиво покачала головой, — Ты на нём никогда и не стоял. И моему счастью помешать ты никогда не сможешь.

— Это же мой ребёнок... да?.. ну, скажи!

— Нет, не твой... — Аня чуть свела брови и посмотрела ему прямо в глаза, — Даже если бы он и был твоим... Какая тебе разница?! У тебя есть свой ребёнок, а скоро их будет два... Не многовато ли?..

— Аня... — невольно скользнув взглядом по сторонам, он взял её за плечи, — Анечка... ты ничего не понимаешь... всё, что там — не семья... там нет ничего для меня дорогого и близкого... Мне нужна только ты, понимаешь?! И этот ребёнок... я буду счастлив знать, что он — мой...

— Ничего дорогого?.. — Анюта не верила своим ушам, — Это же твои дети... как ты можешь так о них говорить?!

— Могу... может, я чудовище... но это — так...

— Ты — чудовище... — она как будто впервые увидела его воочию, — Ты, действительно, чудовище...

— Ты мне только скажи... Он — мой?..

— Нет... — не отнимая взгляда от его глаз, Аня медленно покачала головой, — Нет... Не появляйся больше в моей жизни... Никогда. Прощай...

...После того дня прошло уже два месяца... Мысль о том, что Анюта носит его ребёнка, становилась всё более навязчивой. Этому не мешал даже тот факт, что его собственная жена должна была со дня на день родить ему второго наследника. Совершенно не обращая внимания на Сандру, Виталий не переставая думал об Анюте.

Сегодня он снова решил увидеться с ней... ему подумалось, что он сможет прочитать всё по её глазам...

«О, знакомые лица! — какая-то девушка, видимо, тоже студентка, проходя мимо, кивнула ему насмешливо, — Опять Морозову ждёшь?»

«Кого?!» — услышав незнакомую фамилию, Виталий удивлённо уставился на девушку.

«Аню Морозову... — увидев его реакцию, та немного растерялась, — Разве нет?..»

«С чего ты взяла?»

«Мне кажется, я тебя тут уже несколько раз видела, хотя, может быть, я и ошиблась...»

«Скорее всего, ошиблась... — на всякий случай Виталий состорожничал, — Так что

можешь передать Ане Морозовой, что я её не жду...»

«Извини, не смогу! — рассмеялась девчонка, — Её уже нет!»

«То есть?.. — сняв очки, Виталий тревожно нахмурил брови, — Как это — нет?..

Вообще — нет?..»

«Нет, она есть... просто уехала».

«Куда?..»

«А тебе-то что?.. Ты же её не ждёшь?..» — девушка была не прочь пококетничать с красивым парнем.

«Просто интересно... куда могут уезжать студентки в разгар сессии?»

«К матери она уехала. Сдала всё экстерном, и уехала. Буквально вчера».

«Понятно... А когда приедет?»

«Не знаю. Она же на заочное переводится... А уехала, потому, что ей рожать через два месяца... муж заставил, переживает...»

...Пожарив яичницу, Виталий съел её безо всякого аппетита. Настроение было скверным. Аня уехала... возможно, он не увидит её больше никогда...

— Ой, мама!.. — голос Александры из соседней комнаты показался ему неестественно громким, — Мамочки!... ой-ой-ой!..

— Ну, чего ещё? — поняв, что что-то происходит, Виталий отшвырнул ногой табуретку и торопливо прошёл в спальню, — Чего ты орёшь?

— Звони в скорую... — наморщив от боли лицо, Аля сидела на кровати, держась за живот, — Рожа-а-а-ю!..

— Что вы делаете?! — глядя, как молодая роженица пытается распеленать принесённого на кормление новорождённого, медсестра строго нахмурилась, — Не нужно его распелёнывать! Ваше дело — покормить, вот сейчас развернёте, а завернуть потом не сможете!

— Я хочу на него посмотреть... — Анюта упрямо раскрывала один за другим уголки тонкого одеяльца, а затем ситцевой, в цветочек, пелёнки, — Это же мой мальчик...

— Мальчик ваш, но он на нашей ответственности! — молоденькая детская медсестра сама была не старше Ани, и очень переживала за свою работу, — Вы ещё не умеете с ним обращаться...

— Ну, я только посмотрю... — Анечка, улыбаясь, поднесла к губам крошечную детскую ручку, — Я же его ещё не видела...

— Ещё насмотритесь... Ой, не целуйте! — девушка с отчаянием наблюдала, как молодая мама целует нежное тельце ребёнка, — Ну, нельзя же... это же антисанитария...

— Я сейчас его запеленаю... — Аня никак не могла налюбоваться сыном, — Ещё минутку... ладно?..

Приподняв распашонку, она провела ладонью по груди и животу ребёнка, как будто пытаясь что-то нащупать... Абсолютно чистое, без родимых пятен тельце было розовым, нежным, но молодая мама как будто была не рада этому — в её взгляде появилась едва заметная грусть...

Решив, наконец, запеленать малыша, она чуть повернула его набок... Белый ситцевый чепчик чуть сбился на крошечной головке, и, поправляя его, Аня невольно задержалась взглядом на едва заметном тёмном пятнышке, выглядывающем из-под головного убора. Развязав тесёмки, она чуть приподняла край чепчика и облегчённо улыбнулась — родимое

пятно овальной формы, такое же, как и у Саши, в этот раз переключалось с груди на затылок отпрыска рода Морозовых...

Запеленав ребёнка, Аня ещё раз поцеловала его в пухлую, розовую щёчку...

...В отличие от остальных пяти новорождённых, которых дружно орущей компанией принесли на кормление, её мальчик молчал, только смотрел большими глазёнками — умиротворённо и с каким-то умильным достоинством, слегка поджимая розовые, чётко очерченные губки.

— Смотрите-ка, какой аристократ, — улыбнулась Аня соседка, глядя на малыша, — на тебя похож!

— Думаешь? — Аня наконец-то оторвала взгляд от ребёнка, — На меня?

— Да вылитый!

— Ну, и хорошо... — Аня довольно кивнула, — пусть будет на меня...

...Она ещё кормила сына, когда услышала с улицы знакомый голос...

— А-а-а-ня-а-а!.. А-а-а-ня-а-а-а!..

Сашка, в новенькой форме лейтенанта, с огромным букетом роз, стоял под окнами палаты, задрав голову и придерживая ладонью фуражку. Махнув ему рукой, чтобы подождал, Аня вернулась к ребёнку, но накормленный младенец уже спал.

Взяв его на руки, она снова подошла к окну, и, приподняв повыше, показала отцу — Саша даже смешно привстал на цыпочки, пытаясь разглядеть крошечное личико в оконном проёме третьего этажа.

— Тебе видно? — чтобы не разбудить уснувших детей, Аня говорила беззвучно, одними губами, — Видно?..

— Видно... но плохо!.. — Сашка счастливо улыбался ей снизу, — На кого похож?!

— На меня... — рассмеявшись, Аня показала на себя пальцем.

— А на меня?! Хоть чуть-чуть?!

— Чуть-чуть! — она весело закивала в ответ.

— А пятно родовое есть?!

— Есть! — никогда ещё в своей жизни Аня не произносила этого слова с такой радостью...

— Ура! — новая фуражка взлетела высоко вверх, — Морозовы продолжают!..

— Саша, ты сейчас её изваляешь! — Аня не удержалась и строго сдвинула брови, заранее зная, что муж её не услышит, — Саша!..

— Это муж Саша, или сына так назвала? — любопытствовала всё та же соседка по палате, выглядывая в окно.

— Муж, — кивнула Аня и снова наклонилась к малышу, — а сын у нас — Дима...

— Дмитрий Александрович, значит?

— Да... — ещё раз поцеловав мальчика, Аня легко вздохнула, — Морозов. Дмитрий Александрович.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Больше книг на сайте — Knigolub.net